

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Глаголев Ярослав Борисович

МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ АНТРОПОНИМА
В АРТ-ДИСКУРСЕ

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Кушнина Людмила Вениаминовна

Пермь
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА В АРТ-ДИСКУРСЕ.....	14
1.1. История и современное состояние исследования антропонимов в ономастическом пространстве языка, текста, дискурса.....	14
1.2. Семантико-прагматический потенциал антропонимов в свете теории языковой личности.....	30
1.3. Литературные антропонимы (поэтонимы) и театральные антропонимы (театронимы) в арт-дискурсе на фоне общеязыковых антропонимов.....	41
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	55
ГЛАВА 2. АНТРОПОНИМ В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА	57
2.1. Современные подходы к изучению переводческой антропонимики.....	57
2.2. Исследование антропонимов в переводческом и метапереводческом пространстве	71
2.3. Антропоним в аспекте транспозиции	82
2.4. Метапереводческая транспозиция поэтонимов и театронимов в арт- дискурсе.....	92
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	105
ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ АНТРОПОНИМОВ В АРТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- ФРАНЦУЗСКИХ И ФРАНКО-РУССКИХ ПОЭТОНИМОВ И ТЕАТРОНИМОВ)	107
3.1. Процедура анализа метапереводческой транспозиции антропонимов в арт-дискурсе.....	107
3.2. Характеристика материала исследования	110
3.3. Функции метапереводческой транспозиции в арт-дискурсе	113
3.4. Переводческая и метапереводческая транспозиция антропонима	117

3.4.1. Переводческая транспозиция антропонима как создание основного текста перевода – формальный тип и его подтипы	120
3.4.2. Метапереводческая транспозиция антропонима как создание основного текста перевода – семантический тип и его подтипы.....	131
3.4.3. Метапереводческая транспозиция как создание периферийного текста перевода – развернутый и пространственный тип и подтипы	147
3.5. Метапереводческая транспозиция апеллятивов	160
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	170
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	186
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕКСТЫ.....	186
ФРАНКО-РУССКИЕ ТЕКСТЫ	188

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена метапереводческой транспозиции антропонима в арт-дискурсе, объединяющем художественный и театральный дискурсы. Проблематика работы связана с разделами теории языка, которые изучают имена собственные, транспозицию, художественный текст, художественный дискурс, театральный дискурс, метатекст, метадискурс, перевод, метаперевод.

Актуальность проблемы

Актуальность работы обусловлена необходимостью рассмотрения ономастического пространства арт-дискурса в следующих его разновидностях: художественный прозаический дискурс, художественный поэтический дискурс, театральный дискурс. Арт-дискурс выступает как вид институционального дискурса, ономастическое пространство которого имеет полевой характер, где ядром являются личные имена, отчества, фамилии, а периферией – аппеллятивы (обращения персонажей, звания, титулы, должности и пр.), взаимосвязь которых проявляется в процессе межъязыковой и внутриязыковой транспозиции. В фокусе нашего исследования – ядро ономастического пространства арт-дискурса: антропонимы. Их изучение проводится в рамках общей теории имени собственного, которое выступает родовым понятием по отношению к антропониму как видовому понятию. «Имя собственное» трактуется в работе, вслед за О.И. Фоняковой, как «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов, выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонякова 1990: 21]. Данная трактовка применима и к антропонимам.

Актуальность настоящего исследования обусловлена также потребностью в более глубоком изучении транспозиционных преобразований, имеющих место при передаче антропонима из одного арт-дискурса в другой.

Исследование ономастического пространства проводится с позиций теории транспозиции, которая является универсальным механизмом языка (Ш. Балли) и в то же время рассматривается как одна из возможных стратегий передачи имени собственного в языке и культуре (Д.И. Ермолович). Наше внимание привлекла межъязыковая и межкультурная транспозиция антропонима, которая может быть изучена сквозь призму метадискурсивной деятельности языковой личности переводчика. Мы считаем, что роль транспозиции при переводе недооценена, что послужило импульсом уточнения данного термина и введения понятия метапереводческой транспозиции в рамках общего понятия метаперевода.

Важнейшим понятием предпринятого исследования является метаперевод, соотносимый с процессами мониторинга и автомониторинга перевода, с размышлениями переводчиков о собственном и о чужих переводах, т.е. взгляд на перевод «со стороны», что находит отражение в различных видах и жанрах метапереводческой деятельности. Согласно исследованиям В.Б. Кашкина, этот процесс имеет метакогнитивную природу и раскрывает «целый континуум взаимоотношений собственно перевода и вынужденного метатекста.... Метатекст, фактически принадлежащий автору перевода и являющийся посторонним по отношению к исходному авторскому тексту, стремится слиться с финальным текстом, предъявляемым потребителю перевода» [Кашкин 2009: 238].

С учетом идей, выдвинутых В.Б. Кашкиным относительно трактовки метаперевода, а также общелингвистической трактовки транспозиции в теории Ш. Балли, в диссертации развивается понятие метапереводческой транспозиции.

В настоящее время широкое проблемное поле, сформировавшееся вокруг понятий «ономастическое пространство языка», «дискурс», «метаперевод», «транспозиция», «когниция», изучается представителями разных лингвистических направлений, что также позволяет говорить об актуальности диссертационного исследования.

В российской лингвистике в течение двух десятилетий сформировано несколько научных школ, изучающих теорию дискурса как социально и культурно определенную традицию общения [Белозерова 2004; Демьянков 2016; Карасик 2016; Кожина 2015; Макаров 2003; Шейгал 20004; Чудинов 2006; и др.].

В работах Н.Н. Болдырева, Е.И. Головановой, В.З. Демьянкова, О.Б. Пономаревой и др. исследуются когнитивные механизмы, раскрывающие роль антропологически ориентированной когнитивной лингвистики, позволяющей понять особенности мышления, культуры, национальной принадлежности языковой личности – носителя имени собственного [Болдырев 2016; Голованова 2017; Демьянков 2017; Пономарева 2017].

Ономастическое пространство художественного дискурса изучается в работах В.В. Катерминой, в которых выявляются национально-культурные приращения номинаций, представленных именами собственными (далее – ИС), ведущие к выявлению процессов вербализации мыслительного процесса с целью идентификации субъектов речи в русской и английской языковой картине мира. Вербальные знаки, будучи репрезентантами некоторых субъектов, представленных антропонимами, в каждом языке характеризуются определенными способами и средствами номинации [Катермина 2020].

В научных трудах В.Б. Кашкина и Н.А. Пластининой показана значимость исследования различных видов метаперевода: переводческих предисловий, переводческих послесловий, переводческих комментариев, ссылок, сносок, фильмов и книг о переводе, критики перевода и пр. [Кашкин 2009; Пластинина 2018].

Степень разработанности темы исследования

На сегодняшний день степень разработанности темы исследования характеризуется сочетанием фундаментальной базы исследования с неизученностью поставленной нами проблемы, касающейся ономастического пространства арт-дискурса, создаваемого поэтонимами (антропонимы,

относящиеся к художественному прозаическому и поэтическому дискурсу) и театронимами (антропонимы, относящиеся к театральному дискурсу), которые отражают национально-культурную специфику этноса и отдельного индивида, несут существенную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Историография изучения имени собственного (от лат. *nomen proprium*) восходит к античным ученым (Платон, Демокрит и др.) и продолжается в трудах философов и лингвистов последующих веков. В отечественной науке с именем собственным связаны труды П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, Н.В. Подольской, О.И. Фоняковой, В.В. Катерминой и др.

Несмотря на кажущуюся простоту передачи имен собственных-антропонимов приемами транскрипции, транслитерации и др., наличие устоявшихся эквивалентных соответствий и принципов, переводчики испытывают серьезные трудности при их переводе из арт-дискурса одной лингвокультуры в арт-дискурс другой лингвокультуры.

Сложность в передаче антропонимов в арт-дискурсе по отношению к общеязыковым антропонимам, входящим в реальные именники, заключается в том, что они выражают в концентрированном виде идею автора текста, индивидуальное видение мира, которое должно быть проявлено и воплощено в переводе с целью сохранения коммуникативного эффекта оригинала. Вместе с тем они выступают носителями лингвокультурной информации, обладая текстообразующим и дискурсообразующим потенциалом и обеспечивая эффективность межличностного, межъязыкового, межкультурного общения.

Методологической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях и разделах языкознания:

– теория имени собственного: В.Д. Бондалетов, Н.В. Боровикова В.М. Калинин, В.В. Катермина, Ю.А. Карпенко, М.А. Кронгауз, Н.В. Подольская, Н.А. Полякова, А.В. Суперанская, О.И. Фонякова и др.;

– теория дискурса: Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Белозерова, Э. Бенвенист, М.П. Котюрова, Т. ван Дейк, М.Л. Макаров, С.Л. Мишланова, М. Фуко, П. Серио, В.Е. Чернявская и др.;

– теория художественного текста и художественного дискурса: Н.Л. Галеева, Г. Гийом, Ю.М. Лотман, В.А. Лукин, В.П. Руднев, Т.И. Сильман, A. Dauzat etc.;

– теория театрального дискурса: А.Н. Бороботько, А.С. Шевченко и др.;

– теория языковой личности: Г.И. Богин, В.В. Виноградов, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Н.Ф. Уфимцева, В.И. Шаховский и др.;

– теория транспозиции и теории деривации: Ш. Балли, В.Г. Гак, С.А. Карцевский, Е.С. Кубрякова, Л.Н. Мурзин, С.Л. Плясунова О.Б. Пономарева и др.;

– когнитивная лингвистика: Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Н.В. Дрожащих, Е.С. Кубрякова, Н.Л. Мышкина, Г.Г. Москальчук, И.А. Стернин и др.;

– теория перевода: И.С. Алексеева, Л.М. Алексеева, Е.В. Аликина, А.В. Бушев, Н.К. Гарбовский, Д.И. Ермолович, В.Н. Комиссаров, Л.В. Кушнина, А.Г. Минченков, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, J. Delisle, Ch. Durieux, L. Hewson, J-R. Ladmiraal, M. Lederer, G. Mounin, K. Nord, M. Papadima etc.;

– теория метаперевода J.Y Frias, G. Genette, Н.М. Panchon, В.Б. Кашкин, Н.А. Пластинина и др.

Объектом диссертационного исследования является ономастическое пространство арт-дискурса.

В качестве **предмета** изучения выступает процесс метапереводческой транспозиции антропонима в ономастическом пространстве арт-дискурса.

Цель диссертационной работы состоит в разработке типологии переводческой и метапереводческой транспозиции антропонима в арт-дискурсе.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1. Изучить эволюцию взглядов отечественных и зарубежных лингвистов на проблему антропонимов в ономастическом пространстве языка.

2. Обобщить современные представления об антропонимах-поэтонимах и антропонимах-театронимах.

3. Рассмотреть традиционные принципы и способы передачи имени собственного-антропонима.

4. Систематизировать представления о транспозиции, обосновать понятие метапереводческой транспозиции антропонима.

5. Охарактеризовать лингвокогнитивный механизм метапереводческой транспозиции антропонима.

6. Описать функции переводческой и метапереводческой транспозиции антропонима.

7. Выявить супертипы, типы и подтипы транспозиции антропонима на примере русско-французского и франко-русского арт-дискурса.

Гипотеза настоящего исследования состоит в следующем: в ономастическом пространстве арт-дискурса в процессе рефлексивной деятельности переводчика происходит метапереводческая транспозиция антропонима, ориентированная на адаптацию и синергию культурно значимых антропонимических смыслов, что обуславливает создание гармоничного переводческого метатекста, естественно воспринимаемого в целевой культуре.

Методы исследования. В настоящей работе, помимо общенаучных методов (анализ, синтез, классификация, категоризация, интерпретация, сопоставление), которые использовались для теоретического обобщения установленных закономерностей на основе методологических положений, были применены лингвистические подходы, методы и приемы: аксиологический, антропоцентрический, синергетический, дискурсивно-коммуникативный, а также дефиниционный анализ, лингвопереводческий анализ, лингвокогнитивный анализ, прием сплошной выборки, которые позволили решить поставленные исследовательские задачи.

Материалом исследования послужили антропонимы, функционирующие в художественных поэтических и прозаических текстах, а также в текстах театральных произведений различных эпох – от классики до современности – в русско-французском и франко-русском дискурсах. Работа с разноплановым практическим материалом позволила выстроить общую типологию

антропонимов-поэтонимов и антропонимов-театронимов в переводном арт-дискурсе. По материалам исследования была составлена картотека, включающая **1300 антропонимических пар** на русском и французском языках, отобранных приемом сплошной выборки.

Положения, выносимые на защиту

1. Антропоним выступает узловым компонентом художественного прозаического, художественного поэтического, театрального дискурсов, которые могут быть объединены в институциональный арт-дискурс; антропоним, обладающий проприальным смыслом, является носителем культурной информации и отражает познавательный опыт языковой личности – носителя имени собственного. В художественном и театральном дискурсах антропоним может сопровождаться апеллятивными номинациями, которые расширяют его информативный потенциал, образуя единое ономастическое пространство.

2. В переводческом и метапереводческом ономастическом пространстве арт-дискурса имеют место транспозиционные преобразования антропонима, которые приобретают характер переводческой или метапереводческой транспозиции, выполняющей ассоциативную, интенциональную, актуализирующую функции.

3. В основе лингвокогнитивного механизма метапереводческой транспозиции антропонима лежит рефлексия переводчика как проявление когнитивных способностей языковой личности переводчика, в сознании которого формируется «актуальный когнитивный тезаурус», представленный концептуальным содержанием языковой и энциклопедической информации, когнитивно-аффективными синергетическими приращениями новых смыслов, согласуемыми с культурными смыслами, образами и ассоциациями реципиента, что обуславливает порождение гармоничного перевода.

4. В ономастическом пространстве арт-дискурса имеет место переводческая и метапереводческая транспозиция. В процессе переводческой

транспозиции формируется основной текст перевода, при котором реализуется формальный тип транспозиции антропонима. В процессе метапереводческой транспозиции возможны два процесса: формирование основного переводческого метатекста, представленного семантической транспозицией, и формирование периферийного переводческого метатекста, представленного развернутой и пространственной транспозицией. Каждый из них имеет свои подтипы.

Научная новизна исследования

Научная новизна данной работы состоит в следующем:

- впервые используется понятие «метапереводческая транспозиция антропонима», представляющая собой стратегию лингвокультурной адаптации при передаче поэтонима и театронима из одной лингвокультуры в другую, из одного арт-дискурса в другой;

- впервые применен синергетический подход к анализу метаперевода как процесса создания переводческого метатекста;

- впервые предложено описание лингвокогнитивного механизма метапереводческой транспозиции имени собственного-антропонима в арт-дискурсе;

- впервые введено понятие «актуальный когнитивный тезаурус» переводчика;

- впервые разработана типология переводческой и метапереводческой транспозиции антропонимов в арт-дискурсе.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в работе решаются вопросы, имеющие значение для развития теории дискурса, теории номинации, теории транспозиции, обоснована необходимость изучения метадискурсивной деятельности переводчика. Важным в теоретическом плане представляется обращение к универсальному лингвистическому механизму транспозиции, который получил

в работе новое теоретическое освещение с позиций метапереводческой деятельности как одной из возможных адаптивных стратегий, обеспечивающих гармоничное восприятие антропонима коммуникантами, принадлежащими разным лингвокультурам.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах языкознания, теории текста, теории дискурса, теории перевода, в спецкурсах по транспозиции и по метапереводческой деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при обучении студентов лингвистических и переводческих специальностей.

Соответствие диссертации паспорту специальности

Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 10.02.19 «Теория языка» и соответствует паспорту специальности в части следующих пунктов, касающихся объекта и области исследования: язык и коммуникация, язык и культура, межъязыковые сравнения, дискурс и текст, когнитивная лингвистика.

Апробация исследования

Основные положения и результаты работы отражены в семи публикациях. Одна публикация в рецензируемом научном издании, включённом в реестр Scopus: Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology. Perm Forum 2021. Три статьи по проблематике диссертации опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК для представления результатов кандидатских диссертаций: «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета» (2018), «Общество, коммуникация, образование» (СПбГПУ им. Петра Великого, 2020), «Мир Науки» (2021). Основные положения исследования обсуждались на научных конференциях различного уровня: международная научная конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 2018, 2019, 2021), международная научно-практическая конференция «Межкультурная

коммуникация: лингвистические аспекты» (Новосибирск, 2019), международная научно-практическая очно-заочная конференция «Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение» (Орёл, 2021).

Структура диссертации определена целью и задачами исследования.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка цитируемых источников и приложения. Основной текст диссертации изложен на 189 страницах. Приложение составляет 15 страниц.

Во **введении** обоснована актуальность исследования, сформулирована цель и обозначены задачи исследования, выдвинута гипотеза, выявлена научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указаны методы исследования, представлен материал, теоретико-методологическая основа исследования, основные положения, выносимые на защиту. **В первой главе «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА В АРТ-ДИСКУРСЕ»** рассмотрен круг вопросов, связанных с историей и современным состоянием антропонимов, показано соотношение семантики и функций литературных и театральные онимов с общеязыковыми антропонимами, описан семантико-прагматический потенциал антропонимов в свете теории языковой личности – носителя имени собственного-антропонима. **Вторая глава «АНТРОПОНИМ В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА»** посвящена анализу антропонимического материала сквозь призму таких понятий, как транспозиция, переводческое и метапереводческое пространство, синергия и гармония. **В третьей главе «ТИПОЛОГИЯ МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ АНТРОПОНИМОВ В АРТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ И ФРАНКО-РУССКИХ ПОЭТОНИМОВ И ТЕАТРОНИМОВ)»** представлена типология переводческой и метапереводческой транспозиции антропонимов в исследуемом дискурсе. **В заключении** обобщенно представлены выводы проведенного исследования. **Библиографический список** включает 170 наименований, в том числе 16 на иностранных языках, **список цитируемых источников** – 50 наименований.

В приложении представлены таблицы, содержащие русско-французские и франко-русские антропонимы, которые принадлежат к различным типам метапереводческой транспозиции.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА В АРТ-ДИСКУРСЕ

1.1. История и современное состояние исследования антропонимов в ономастическом пространстве языка, текста, дискурса

Весомый аргумент в пользу изучения имени собственного-антропонима сформулировал Ю.М. Лотман: «Пожалуй, наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы её ценности для «другого» и «других» [Лотман 2004: 36].

Изучение антропонимического материала разных языков и культур предусматривает рассмотрение концептосфер, формирующих индивидуальную и национальную картины мира. Ономастические концепты характеризуются определенной временной, пространственной, исторической, социальной, культурной принадлежностью, что в течение предшествующих эпох являлось и до сих пор является предметом изучения.

Термин «имя собственное» восходит к латинскому «*nomen proprium*» и является калькой с греческого, обладая следующими значениями: «собственный», «свойственный», «неотъемлемый», «особенный». Изучение имени собственного восходит к греческой лингвистической традиции (Платон, Аристотель, Плутарх, Диодор).

О.М. Фрайденберг в своей работе «Античные теории языка и стиля» рассуждает о том, как появились имена в греческой мифологии, предполагая существование неких изобретателей имен - ономотетов. Как гласит древнепифагорийское изречение, мудрее всего – число, а на втором месте тот, кто положил вещам имя. Ономотет либо находит в вещи ее имя, либо в акте наименования присваивает вещи нечто, что становится ей присуще, ибо, только получив имя, вещь приобретает полную реальность. Автор работы

утверждает, что язык как нечто целое есть совокупность имен. Очевидно, эти рассуждения касаются не только имени собственного, а имени как категории языка. Но имя собственное является неотъемлемой частью имени вообще, в самом широком смысле слова [Фрейденберг 2014].

Основы ономастики заложил Аристотель, подчеркивая условный характер семантики слов, т.е. от природы нет имени. Философы эпохи Возрождения объединяют имена в категории в зависимости от объема значения слов. В девятнадцатом веке в области ономастики значимыми являются работы Дж.Ст.Милла, Х.Джозефа, занимавшимися проблемами дефиниции и классификации имен. В XX веке значительный вклад в теорию имени внесли Б. Рассел, М. Бреаль, В. Брендаль, К. Тогебю, Е. Курилович и др., подтвердившие необходимость изучения имени собственного как самостоятельной научной категории.

Ономастика приобрела статус самостоятельной науки в первой половине XX века. Русская ономастика (топонимика и антропонимика) формируется в 60-80 годы XX века. Среди выдающихся ученых ономастов назовем имена П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, В.Д. Бондалетова, В.А. Никонова, А.В. Суперанской, О.И. Фоняковой и др., научные взгляды которых будут изложены ниже.

В проводимом исследовании мы намерены также рассмотреть имя собственное в свете современных научных парадигм, связав его изучение с понятиями языковой личности, культуры, дискурса.

Начнем с того, что личные имена собственные изучаются антропонимикой как самостоятельным направлением ономастики, восходящей к словам «anthropos» («человек») и «онума» («имя»). Антропонимы включают в себя личные имена человека: имя, фамилию, прозвище, псевдоним, никнейм и другие индивидуальные и групповые имена.

Нас интересует процесс и результат номинации, в котором участвуют имена собственные (ИС). Мы исходим из общих положений теории

номинации, согласно которым процесс наименования, идентификации происходит в четко очерченных рамках отрезка действительности, обуславливающих однозначный характер восприятия сообщения. Совокупность всех имен собственных определяется в работе как ономастическое пространство. Ключевое понятие - онимы.

Согласно исследованиям Т.В. Хвесько, онимы – это географические названия, имена собственные, прозвища, которые служат маркерами культурных, исторических, археологических фактов и живо реагируют на происходящие в обществе изменения [Хвесько 2008]. В силу особой консервативности ИС отражают эпоху, в которую были созданы и представляют информационное поле, интерпретацию которого можно осуществить лингвистическими методами. По мнению Т.В. Хвесько, собственные имена характеризуются большой социальностью и исторической обусловленностью. Изучая природу онимов, автор пишет: «они вторичны и генетически, поскольку онимы возникли из имен нарицательных на более поздних этапах развития языка, и функционально, потому что первоначально денотат получал апеллятивную функцию, и лишь позже – онимическую» [Хвесько 2008: 16].

В нашей работе акцент сделан на индивидуальные антропонимы, которые относятся только к именованию людей. Имя получает каждый человек в любой цивилизации. При этом в каждой культуре существует собственная ономастическая система, закреплённая в языке, но развивающаяся в речи. В рамках нашего исследования будут проанализированы индивидуальные антропонимы двух лингвокультур: русской и французской в переводном арт-дискурсе, объединяющем в себе два самостоятельных типа дискурса: художественный и театральный.

Изучая ИС как элемент духовной культуры народа, обратимся к идеям П. Флоренского, который считал имя человека началом бытия. П. Флоренский утверждал, что имя – это не случайный знак, а субстанция, сущность. Имя в тексте – это не некая точка, а «средоточие и сердце всех

вещей», ведущее к идее текста. В имени народ ищет формулу личности. В то же время он считал, что имя непереводаемо. Пытаясь перевести имя, мы мешаем его таинственной внутренней силе [Флоренский 1990].

Принимая в целом суждения П. Флоренского, мы, тем не менее, обращаемся к проблеме его перевода как объективной данности, которую необходимо исследовать.

При исследовании имен собственных обычно ссылаются на следующие ограничения: во-первых, имена собственные функционально и семантически отличаются от имен нарицательных, во-вторых, имена собственные-антропонимы отличаются от всех остальных имен собственных (топонимов...), в-третьих, имена собственные общенационального языка отличаются от имен собственных, функционирующих или создаваемых автором в художественном и театральном дискурсах. Речь идет о литературных онимах (поэтонимах) и театронимах. В рамках данной работы мы будем изучать имена собственные-антропонимы, представленные поэтонимами и театронимами в арт-дискурсе. Они относятся к поэтической ономастике. Согласно исследованиям Н.А. Полякова, поэтическая ономастика есть «полная совокупность имен собственных в художественном литературном произведении с учетом принципов их создания, стиля, функционирования в тексте, а также мировоззрения и эстетических установок автора» [Поляков 2009: 15].

В ономастическом пространстве языка выделяется несколько классов имен, среди которых особое место занимают антропонимы – личные имена людей с их вариантами в речи, а также отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и др. Назовем их ядерными антропонимами. Кроме того, можно выделить так называемые периферийные антропонимы, к числу которых мы относим различные апеллятивы-обращения. Их изучение оказалось необходимым при анализе переводного дискурса, т.е. в арт-дискурсе апеллятивы настолько тесно связаны с личными именами собственными, что при их переводе часто один из компонентов опускается: вместо имени

собственного используется апеллятив, вместо апеллятива используется имя собственное. Антропонимика описывает системы личных имен народа, историю их сложения, антропонимические модели, формулы именованья в разных коммуникативных ситуациях.

Начиная с древней Руси основной антропонимической единицей было личное имя, интерес к которой не ослабевает с течением времени. Как отмечает Л. В. Успенский, среди древнерусских имен выделяются дохристианские имена и имена, пришедшие с принятием христианства [Успенский 2014]. Отчества появляются в русском языке в X веке. «Личные имена - это важная часть истории и культуры народа, и изучение древних личных имен дает информацию о народном быте, особенностях мировосприятия, древних верованиях и обычаях» [Успенский 2014: 232].

В рамках нашей работы важно подчеркнуть связь личных имен с культурой народа, что особенно значимо при передаче ИС из одной культуры в другую.

Изучение истории вопроса имени собственного в отечественной лингвистике обращает исследователей к научному наследию А. В. Суперанской, которая внесла существенный вклад в построение теории имени собственного. Исследования А. В. Суперанской являются точкой отсчета для многих современных работ в данной области. В ее работах обнаруживается связь имени с жизнью человека, что явилось импульсом к дальнейшему изучению роли имени собственного в рамках теории языковой личности. Ученый рассуждает о том, что «онимия, как и любая лексика, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде...» [Суперанская 2012: 36]. Подтверждением этому является отражение в ономастике факторов, связанных с жизнью и деятельностью человека. Во-первых, антропонимы включают лексемы, обозначающие особенности ландшафта, атмосферные явления. К ним относятся русские прозвищные имена и фамилии: Гром-Громов, Озеро-Озеров, Мороз-Морозов и др. Во-вторых, антропонимы включают биологические факторы: Хромой,

Кривоногий, Беспалый и др. В-третьих, в антропонимах отражается материальная и духовная культура: «...имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с культурой и культурно-исторической традицией известного народа» [Суперанская 2012: 40]. В-четвертых, антропонимы соотносятся с общественными событиями. Например, учреждение частных стипендий («Фонд Потанина»). В-пятых, имя подвержено влиянию моды: «Моды на имена объясняется сложным взаимодействием языковых и внеязыковых факторов, влияющих на выбор имен» [Суперанская 2012: 42]. Ученый подчеркивает, что проблема моды пронизывает всю ономастику.

Исследуя лингвистическую природу имени собственного, ученый определяет его место среди других ономастических номинаций, связанных с речемыслительной деятельностью личности.

А.В. Суперанская приводит интересные рассуждения, касающиеся способности быть именем собственным. Имя собственное могут получать как одушевленные предметы, так и неодушевленные. В реальной речевой практике имя собственное получает лишь тот предмет, который представляет интерес для человека, когда требуется персонализация этого предмета. Это означает, что любое живое/неживое существо может получить имя, если это нужно человеку. При этом, чем реальнее и конкретнее предмет, тем выше его способность иметь имя собственное.

Имя собственное – это не грамматическая категория, а лексическая. Кроме того, имя собственное – это свойство определенной лексической единицы, а не ее функция. В разных языках разные части речи могут становиться именем собственным. Так, в арабской ономастике именем собственным может стать прилагательное, тогда как в большинстве языков речь идет о существительных.

Во всех языках существует деление на имена собственные и имена нарицательные, но их взаимный переход в разных языках осуществляется по-разному.

Приведем определение, которое дает имени собственному А.В. Суперанская: «Собственное имя, будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, не связано с понятием (не имеет основной коннотации), но может иметь побочные, дополнительные коннотации....Если какая-либо из побочных коннотаций перерастает в главную, имя собственное превращается в нарицательное....Объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен» [Суперанская 2012: 113].

По своей природе ИС, как и любой другой акт номинации, является порождением двустороннего образования из идентифицирующего и дифференцирующего элементов. Все ИС социальны и историчны, так как они характеризуют общественные вкусы эпохи появления, мировоззрения людей, их общественные взаимоотношения, традиции.

В целом, по мнению А.В. Суперанской, имена собственные не выражают никаких понятий, но каждое имя собственное имеет определенное значение. Основная характеристика имени собственного – его соотнесенность с предметом.

Ученый анализирует ономастическое пространство, которое объединяет все многообразие вещей реальных, мнимых и гипотетических, для обозначения которых необходимы названия. Ономастическое пространство представляет собой некий континуум, включающий в себя следующие единицы анализа: имя, образ, объект, понятие слово.

В работе рассматривается проблема использования имени в речевой ситуации. В процессе речевой деятельности эмоциональная нагрузка на говорящего при выборе варианта ИС зависит от многих факторов. Речевые ситуации варьируют в зависимости от свойств участвующих лиц, от специфических неповторимых экстралингвистических компонентов, таких как официальная ситуация/неофициальная ситуация, национальная отмеченность, социальная отмеченность.

В исследовании А.В. Суперанской особое внимание уделяется проблеме имени в речевой ситуации, т.к. она влияет на такие факторы как

отношение говорящего к объекту, оценка ситуации, регистра общения (официальный/неофициальный), территориальной или социальной принадлежности. А.В. Суперанская исследует специфику семантики ИС. В одних случаях семантика ИС приравнивается к семантике имен нарицательных, а также к их денотатам. В других случаях семантика ИС ограничивается апеллятивным значением. Возможно также, что ИС рассматривается как своеобразная лексема, т.е. семантика приравнивается к значимости (ценности), что, по мнению ученого, особенно важно в переводческой деятельности.

А.В. Суперанская отвечает на вопрос о том, как в ИС сочетаются понятие и значение: «Было бы неверным считать, что собственные имена не связаны с понятиями вообще. Верно лишь то, что они часто «отмежевываются» от понятий тех имен нарицательных, которые послужили в свое время основой номинации. Но каждое имя связано с родовым определяемым, без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. Связь с этим понятием у имени собственного опосредована через вещь, а у нарицательного – непосредственно» [Суперанская 2012: 266].

Разнообразие имен собственных обусловило появление различных классификаций, которые приводят исследователи, отдавая предпочтение предметно-номинативным классификациям. В рамках нашей работы нас интересуют, прежде всего, индивидуальные антропонимы. Ономастические системы разных народов делятся на одноименные, двуименные, трехименные. Все критерии наименования определяются историческими и культурными традициями.

Существенный вклад в отечественную теорию имени собственного внес В.Д. Бондалетов [Бондалетов 1983]. Исследуя ономастику как искусство давать имена, ученый поднимает множество дискуссионных вопросов, которые до сих пор не нашли своего однозначного решения: имеют ли ИС лексическое значение, где проходит граница между ИС и именем

нарицательным, каковы функции ИС в языке и др. Приведем определение имен собственных, представленное в его фундаментальном труде «Русская ономастика»: «Собственные имена – это единицы языка-речи (слова и субстантивные словосочетания), служащие для подчеркнута конкретного названия отдельных предметов действительности и, вследствие такой специализации, выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании» [Бондалетов 1983: 27].

В цитированной выше работе В.Д. Бондалетова рассмотрены ключевые проблемы русской ономастики, включая специфику литературной антропонимики, которая приобретает особое значение в нашей работе. Ученый описывает особенности отбора имен в прозе, поэзии, драматургии, уточняя их функции: номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая, а также виды: условные поэтические имена. имена-маски, имена-символы, имена-намёки, «говорящность» нейтральных имен [Бондалетов 1983]. Автор приходит к выводу, что стилистическое разнообразие литературной антропонимики обусловлено ее богатством в жизни.

Среди современных исследователей имени собственного назовем В.К. Катермину, которая изучает национально-культурный аспект номинаций человека и анализирует модели национально-культурного сознания русского и английского народов [Катермина 2016, 2020].

В семантическом аспекте автор различает три типа информации имени: речевая, языковая, энциклопедическая.

Языковая информация имени – наиболее постоянная и неизменяющаяся его часть, которая включает в себя следующие аспекты: языковая принадлежность имени или слова, от которого она образована; словообразовательная модель, по которой имя было образовано; этимологический смысл; выбор именно данной производящей основы; локальная обстановка, ситуация в момент создания имени

Речевая информация является непременным условием для введения имени в речь, она осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Объем речевой информации меняется в зависимости от экстралингвистических условий речевой ситуации.

Энциклопедическая информация отличается субъективностью и индивидуальностью и зависит от известности или локальной ограниченности конкретного имени. Энциклопедическая информация включает сведения, предваряющие знакомство с конкретным человеком.

В.В. Катермина следующим образом определяет значимость науки об именах: «...чтобы быть единицей номинации, эта единица должна удовлетворять одному требованию – обозначать, служить названием, выделять именуемое как отдельную сущность и величину, осуществлять номинативную функцию, то есть репрезентировать выделенный в акте номинации объект средствами языка и заменять далее этот объект его именем в речевой деятельности и в мысленных операциях с объектом» [Катермина 2016: 9].

В рамках проводимого нами исследования особое значение приобретают идеи ученого о том, что в структуре номинаций можно вычленить национально-культурный компонент: «Содержательная сторона единицы обнаруживает свою национально-культурную специфику, прежде всего, на уровне отдельного значения и особенно при смысловых расхождениях переносных значений...» [Катермина 2016: 19]. В значении номинации закрепляются и общечеловеческие ценности, и опыт духовной культуры народа.

В тексте находит отражение и общекультурное, и индивидуально-авторское значение и коннотации номинаций.

Обращаясь к исследованию функционирования номинаций в художественном тексте, В.В. Катермина описывает некоторые особенности национальной ономастики, которые можно отнести и к театральному

дискурсу, рассматриваемому нами как разновидность институционального артдискурса.

Напомним эти особенности. Во-первых, отбор имен собственных для персонажей художественного текста произволен, он определяется индивидуальными пристрастиями автора. Во-вторых, имя собственное выступает значимой деталью в создании художественного образа. В-третьих, наряду с собственно номинативной и апеллятивной функциями, ИС выполняет функцию социальной маркировки, что позволяет охарактеризовать комплекс национально-специфических, общекультурных, групповых, индивидуально-специфических свойств языковой личности номинатора [Катермина 2016].

В рамках исследуемой нами проблемы наибольший интерес представляет определение границы между именем собственным и именем нарицательным. Когда мы исследуем транспозицию ИС, сопровождаемую созданием метатекста и метаперевода, эта граница, действительно стирается, при этом ономастическое значение ИС сохраняется, что будет рассмотрено нами в исследовательской главе диссертации.

Ученые выделяют различные функции ИС – коммуникативная, номинативная, апеллятивная, экспрессивная, дейктическая. В художественном тексте выделяют следующие функции ИС: номинативная, характерологическая, ассоциативная, а также имя как часть общего колорита произведения, что можно определить как коннотативная функция.

При исследовании ИС в художественном тексте некоторые авторы (Р.С. Кудряшева, Л.Ф. Фатыхова. и др.) при определении функций ИС подчеркивают, что данная группа слов является носителем значительной имплицитной (или энциклопедической) информации. Кроме того, их присутствие способствует сохранению авторской позиции, а также ограничивает пределы интерпретации текста рамками заложенных автором идей, что подчеркивает их принадлежность к определенному этносу и языку.

Данные высказывания имеют самое непосредственное отношение к переводу ИС, которые становятся достоянием других языков и других этносов.

Представляется, что при переводе ИС необходимо обращать внимание на способах сохранения всех его функций.

Таким образом, в работах отечественных исследователей А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, В.В. Катерминой и др. изложены фундаментальные положения, касающиеся места, роли, семантики, функций имен собственных-антропонимов, представляющих собой самостоятельную подсистему как в системе языка, так и в социокультурной среде обитания человека – носителя личного имени.

Энциклопедический словарь французского языка Larousse дает следующее определение ономастики: “branche de la lexicologie qui étudie l’origine des noms propres. On distingue l’anthroponymie qui étudie les noms des personnes, et la toponymie qui étudie les noms des lieux” (Larousse).

Крупнейшим французским специалистом в области ономастики является А. Dauzat, который создал этимологический словарь французских имен и фамилий [Dauzat 1951]. Этот словарь был положен в основу многочисленных исследований в области ономастики как во Франции, так и в России.

Так, Е.Г. Прийтенко изучает характеризующую функцию собственных имен в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». Изучая этимологию литературных онимов - «значимых» имен, автор обращается к результатам исследований А. Доза. Например, для уточнения национальной принадлежности персонажей, исследователь выясняет, что имя *Rufus* означает *рыжий*, т.е. рыжий цвет волос персонажа свидетельствует о его принадлежности к евреям, о чем содержится информация в цитируемом словаре А. Доза [Прийтенко 2012].

С другой стороны, антропонимия романа может быть результатом творческого поиска писателя, т.е. не может быть представлена в специальных словарях. Так, Л.Г. Ковалева исследует особенности именования персонажей

в романе А. Труайя «Семья Эглетьер» - одном из наиболее читаемых произведений французской литературы. Автор подчеркивает, что фамилия членов этой семьи Les Egletières не обнаруживается ни в одном из ономастических словарей, т.е. она искусственная. Фамилия *Egletière* составлена автором из слов *egal* – *равный*, *tiers* – *треть*, что означает третий равный или три равных, так как в семье было трое детей.

Систематизация исследований в данной сфере принадлежит французскому ученому Marianne Mulon, которая составила библиографию ономастики, включающую более 4000 наименований. Заметим, что большинство исследований французских ученых посвящено топонимам, в то время как антропонимы изучаются гораздо реже. Интерес к данной проблеме подчеркивается тем, что в 1950-х годах во Франции было создано Ономастическое Общество (Société Onomastique).

Среди отечественных романистов XX века, занимавшихся проблемой имени собственного, назовем В.Г. Гака, Е.А. Реферовскую, Л.М. Скрелину, Н.Е. Тюкалеву и др.

В диссертационном исследовании Н.Е. Тюкалевой «Имя собственное во французском языке» представлены различные подходы к изучению имен собственных-антропонимов [Тюкалева 2005]. Автор работы подчеркивает, что языковое и речевое значение ИС во французском языке расценивается неоднозначно. Значение ИС рассматривается со следующих научных позиций: 1) как семантически пустой знак; 2) как знак, обладающий ассоциативной семантикой; 3) как знак, не обладающий лексическим значением в языке, но приобретающий его в речи; 4) как знак, обладающий и языковым и речевым значениями.

Изучение формы, содержания и функционирования ИС автор работы проводит на основе психосистематики французского ученого Г. Гийома, который ввел понятие инциденции, включающее в себя вклад значения (*apport de signification*) и опоры значения (*support de signification*) в их соотношении. Г. Гийом использует критерий инциденции для объяснения

специфики функционирования ИС. Российский исследователь Л.М. Скредина объясняет данное понятие как механизм соотнесения значения с обозначаемым. Другой российский ученый Е.А. Реферовская поясняет термин инцидентия как «...фиксируемый языком значимый момент «пересечения» двух понятий: действия и времени – в глагольных формах, понятия и значения – в именных» [Реферовская 2007: 56].

В рамках нашей работы интерес представляет момент пересечения понятия и значения в имени. Мы исходим из понимания внутренней инцидентии как свойства имени существительного, употребляемого в речи самостоятельно, и внешней инцидентии прилагательного (или существительного в функции прилагательного), употребляемого несамостоятельно, но согласуемого с существительным. Следовательно, отношения между личным именем и фамилией определяются механизмом инцидентии.

Как поясняет автор данной работы, ономастическая система современного французского языка характеризуется тем, что личные имена-антропонимы имеют систему оппозиций мужского и женского рода, а фамилии такой оппозиции не имеют, в связи с этим личные имена облают внутренней инцидентией, а фамилии – внешней инцидентией, т.е. выполняют согласовательную функцию. Из этого делается вывод, что в системе французского языка фамилии не являются самостоятельной ономастической единицей, а в основе их изолированного употребления в речи лежит транспозиция: фамилия становится речевым именем лица, и внешняя инцидентия переходит во внутреннюю.

Как показали результаты исследований Н.Е. Тюкалевой, во французском языке имя собственное-антропоним является двусоставным, т.к. включает личное имя и фамилию, при этом личное имя обладает свойством внутренней инцидентии, а фамилия выполняет функцию прилагательного, т.е. приобретает свойства внешней инцидентии, подвергаясь процессу транспозиции: «Французская фамилия не является самостоятельной

ономастической единицей. В основе изолированного употребления фамилии в речи лежит *транспозиция* (курсив наш Я.Г.): фамилия становится речевым именем лица, а внешняя инцидентность переходит во внутреннюю» [Тюкалева 2005]. Аналогичный процесс наблюдается, когда французская фамилия сопровождается указанием на род с помощью таких слов как *Monsieur*, *Madame*, *Mademoiselle*. Эти идеи особенно важны в рамках проводимого нами исследования, что будет показано ниже. Подчеркнем, что автор анализирует внутриязыковую речевую транспозицию ИС, в нашей работе будет проанализирована межъязыковая и межкультурная транспозиция ИС при переходе от русской культуры к французской, и от французской культуры к русской. Но некоторые закономерности внутриязыковой транспозиции могут оказаться релевантными при межъязыковой транспозиции. В частности, явление инцидентности может быть рассмотрено при различных видах транспозиции.

В работе С.Д. Камаловой представлены интересные наблюдения над частицами, которые предшествуют именам собственным во французском языке. Эти частицы представлены в виде предлогов, артиклей, слитных артиклей и пр. Приведем некоторые примеры: *Jean de la Fontaine*, *Madame de Sévigné*, *ma cousine de Mainenau*, *un roman de Guy des Cars*, *La Rochefoucault* etc. Известны случаи, когда писатели, выбирая псевдоним, добавляли частицу, желая тем самым подчеркнуть благородное происхождение, хотя на самом деле, это было псевдо-благородное происхождение. Например: *Honoré Balzac* известен как *Honoré de Balzac*, *Jérard Labrunie* известен как *Jérard de Nerval* [Камалова 2016].

Несомненный интерес вызывают работы В.А. Никонова, который, в результате анализа моделей имени в разных языках и культурах составил энциклопедический словарь имен народов мира [Никонов 1973]. Ученый подчеркивает положение о постоянном развитии и совершенствовании системы имен, о ее обусловленности социальными и историческими факторами. Так, например, если у европейских народов имя пожизненно, то у

китайцев оно является сменным, в зависимости от возраста и положения различают детское имя, школьное имя, военное имя и пр.

В связи с тем, что мы изучаем процесс передачи ИС из русской культуры во французскую, а также из французской культуры в русскую, обратим внимание на некоторые наблюдения ученого.

Так, во французской лингвокультуре формы обращения, которые мы обозначили в работе как дополнительные апеллятивы, зависят от характера речевой ситуации. Например, в официальной ситуации при обращении по фамилии в обязательном порядке прибавляются слова *Monsieur*, *Madame*, *Mademoiselle*. Как мы покажем ниже, русские переводчики их обычно опускают, т.к. это не свойственно русской культуре, т.е. не является ошибкой.

С другой стороны, в русской лингвокультуре девятнадцатого века было принято единичное употребление отчества для выражения сочетания фамильярности и уважения, что мы наблюдаем в художественной литературе. Например, Савельич в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Аналогичные примеры мы также наблюдали в нашем материале. В настоящее время такое употребление встречается в просторечии.

Как показал обзор работ российских романистов, ономастическая система французского языка обладает особенностями, отражающими лингвистические, исторические, культурные традиции. Говоря о французских именах собственных, мы имеем в виду определенные языковые формы, характерные для французского языка и французской культуры, которые мы намерены рассмотреть в работе на материале художественного и театрального дискурсов.

Подводя итог теоретическому обзору исследований антропонимов в ономастическом пространстве языка, текста, дискурса, подчеркнем их значимость как элементов духовной культуры, как таких единиц языка-речи, которые служат для подчеркнуто конкретного называния имени лица, что придает им особый лингвистический статус. В ономастическом пространстве

языка и культуры антропоним выполняет коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную, дейктическую функции, а в тексте и дискурсе – номинативную, характерологическую, ассоциативную функции. В следующем параграфе имя собственное-антропоним, как личное имя человека, которое выражает и общечеловеческие, и этнокультурные ценности, будет рассмотрено с позиций теории языковой личности.

1.2. Семантико-прагматический потенциал антропонимов в свете теории языковой личности

Исследование имени собственного в свете теории языковой личности представляется целесообразным, во-первых, ввиду антропоцентричности современной лингвистики, во-вторых, в связи с тем, что имя собственное – принадлежность личности, тем более, что классическая теория имени собственного строилась на идеях структурного языкознания.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма предлагает новый ракурс изучения данного феномена.

В силу антропоцентричности ключевого для нашей работы понятия «имя собственное», необходимо обратиться к другому значимому понятию – «языковая личность» - носителю имени собственного или, в других терминах, номинируемого.

Современная лингвистика активно оперирует понятием «языковая личность», которое конкурирует с такими понятиями как речевая личность, коммуникативная личность, человек говорящий (*homo loquens*). Эти понятия воплощают антропоцентрическую парадигму исследования языка, в связи с этим ученые говорят о смене научной парадигмы в лингвистике. И если XX век называли *high tech*, то XXI век определяют как *high homo*.

Идея взаимосвязи языка и человека, равно как ИС, воплощающего язык и человека, была впервые высказана В. фон Гумбольдтом: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человека...» (Гумбольдт 2001: 48).

Задолго до этого Ч. Осгуд писал о том, что языковое поведение есть часть поведения вообще. Исследователи в области межкультурной коммуникации Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова пишут о том, что «отражением культурной идентичности в речемыслительной деятельности является языковая личность» [Гришаева, Цурикова 2004: 252].

Введение понятия языковая личность в лингвистику связано с работами Ю.Н. Караулова, который выстроил трехуровневую структуру языковой личности, признаваемую большинством исследователей. Согласно данной концепции, языковая личность есть личность, выраженная в языке и через язык, в речевых произведениях, в текстах, а также реконструированная на основе языковых средств. Заслугой ученого является описание структуры языковой личности в рамках структуры языковой картины мира, включающей базовую часть, которая определяется национально-культурными традициями, и периферийную часть, являющуюся переменной, вариативной. Обоснование данной идеи ученый сформулировал так: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы. Не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2007: 8].

Структура ЯЛ представлена В.Н. Карауловым в виде трехкомпонентной модели, а именно: вербально-семантический или структурно-системный уровень, лингвокогнитивный или тезаурусный уровень, мотивационный или мотивационно-прагматический уровень. Понимание трех уровней ЯЛ необходимо для дальнейшего оперирования данным понятием.

Во-первых, на вербально-семантическом уровне имеет место исследование синтагматических и парадигматических связей между словами, т.е. ассоциативно-вербальная сеть, которая отражает предречевую готовность индивида, его лексикон, его текстовый материал. На этом уровне, в ассоциативно-вербальных сетях запечатлены особенности менталитета и национального характера народа. Этот уровень отражает знание языка,

включающее языковую способность и языковую компетенцию и предполагает владение словарем и грамматикой. Именно этот уровень можно наблюдать, т.е. анализировать словарь и грамматику индивида на базе создаваемых им текстов.

Во-вторых, на лингвокогнитивном уровне реализуются знания о мире, а также понятия, идеи и отношения между ними. Автор концепции считает, что подлинная ЯЛ начинается именно на втором уровне, где проявляются ее личностные речевые предпочтения, субъективная система ценностей. Это интеллектуальная сфера личности, где в центре внимания – не слова, а обобщающие высказывания и концепты, представляющие собой «сгусток культуры в сознании человека».

В-третьих, мотивационный уровень, который отражает коммуникативные компетенции личности, их прагматическую составляющую. На этом уровне изучения ЯЛ в центре внимания – потребность высказаться, получить информацию и передать информацию, что проявляется в способности личности быть включенной в разнообразные сети социального взаимодействия (политические, профессиональные, религиозные, масс-медийные и пр.). Этот уровень можно соотнести с дискурсивной деятельностью личности.

Разработанная Ю.Н. Карауловым модель ЯЛ в настоящее время не потеряла своей актуальности, что мы попытаемся продемонстрировать на примере перевода ИС как неотъемлемого компонента характеристики языковой личности.

Современное видение концепта «языковая личность» содержится в работе В.И. Шаховского «Коммуникативная матрица эмоционально-коммуникативной личности» (Шаховский 2018). Разрабатывая лингвистику эмоций – эмоциологию – ученый утверждает, что нельзя говорить о ЯЛ, не учитывая ее эмоциональную компоненту, так как каждый человек способен эмоционально переживать окружающий мир и себя в этом мире. Именно эмоциональная компонента ЯЛ оказывается «национально-культурно

специфичной..., имеет индивидуально-превалирующую лексику, грамматику и стилистику» (Шаховский 2018: 60). Признавая энергетический ресурс эмоций в коммуникативном взаимодействии людей, В.И. Шаховский утверждает, что модель ЯЛ, представленная в концепции Г.И. Богина, а также модель ЯЛ, представленная в концепции Ю.Н. Караулова, рациональны. «Но, во-первых, коммуникативная практика не подтверждает это мнение, а во-вторых, сам Ю.Н.Караулов утверждает, что за каждым текстом стоит человек, а человек, как необходимо добавить, создание очень даже эмоциональное» (Шаховский 2018: 63).

В.И. Шаховский предпочитает термины «коммуникативная личность» и «речевая личность», предложенные В.В. Красных. Основываясь на данных терминах, а также на идеях эмоциологии, В.И. Шаховский вводит понятие «эмоциональная коммуникативная личность», полагая при этом, что центральным компонентом коммуникативной деятельности человека являются эмоции.

В рамках проводимого нами исследования важно подчеркнуть идею А. Вежбицкой о том, что эмоциональные концепты различны в различных культурах. Следовательно, понятие эмоционально-коммуникативной личности представляет особую значимость при изучении переводческой деятельности в рамках общекоммуникативной деятельности.

В работе В.И. Карасика «Языковое проявление личности анализируется проблема ценностей языковой личности [Карасик 2015]. Как поясняет исследователь, «являясь концептом культуры, ценности лежат в основе самоидентификации личности» [Карасик 2015: 70]. По наблюдениям ученого, культурные концепты трудны для понимания представителями другой культуры, т.к. смысложизненный стержень поведения человека уникален. Кроме того, в обществе происходит постоянная трансформация ценностей. Как отмечает ученый, в лингвистическом плане различают две оси ценностей: онтологическая и персоналистская, что подтверждает тезис о неразрывной связи ценности и смысла: «смысл представляет собой

ситуативно-личностную конкретизацию ценности» [Карасик 2015: 69] Лингвистический аспект ценности раскрывает соотношение ценностей культуры с коммуникативными ценностями; данные понятия близки, но имеют отличия: коммуникативные ценности производны от культурных, они находят отражение в языке, следовательно, и в тексте.

Соотнесем ценностную концепцию В.И. Карасика с идеей значимости (ценности) ИС, изложенной В.А. Суперанской. Как пишет автор теории ИС, «значимость имени собственного выделяется в языковом плане» [Суперанская 2012: 257]. Именно значимость, по мнению ученого, «уравнивает» ИС с другими частями речи. В ономастической системе данного языка в данную эпоху на данной территории ИС обладает уникальной ценностью. В целом ценность ИС можно отнести к культурным ценностям.

В рамках проводимого нами исследования мы намерены выяснить ценностную характеристику имени собственного, имеющую свое тексто-речевое выражение, уникальное не только в рамках разных лингвокультур, что очевидно, но и в процессе трансформации устной формы перевода в письменную форму в рамках одной лингвокультуры на материале переводного текста/дискурса.

Л.Н. Мурзин анализирует природу имени собственного с точки зрения текстообразования в деривационном, порождающем аспекте: «Известно, что имя собственное присваивается некоторому индивидуальному объекту, выделяя его из ряда аналогичных. Это значит, что имя собственное вводится в текст на первом шаге деривации, когда оно становится вербальным знаком описываемого объекта. Но в отличие от имен нарицательных, которые тоже могут быть введены в текст на первом шаге деривации, имя собственное выполняет только одну функцию – различительную, функция же классификации, отнесения объекта к тому или иному классу, ему не свойственна» [Мурзин, Штерн 1991: 51]. Ученый подчеркивает, что отличительным свойством ИС является его однофункциональность. При

этом, если ИС становится нарицательным, оно приобретает классификационную функцию, и наоборот, имя нарицательное теряет классификационную функцию, если переходит в разряд ИС.

Ученый отмечает, что при необходимости однословная номинация ИС растет, т.е. добавляется отчество, фамилия и пр.

Значимость ИС оценивается Л.Н. Муриным так: «... оно приписывается обозначаемому объекту – носителю информации о мире. Эта информация раскрывается по мере развертывания текста. После свертывания текста носителем информации становится номинация, выраженная собственным именем с уточнениями или без них» [Мурзин, Штерн 1991: 53].

Ученый приходит к выводу о том, что ИС «светит отраженным светом развернутого текста» (там же).

В коллективной монографии «Неопсихолингвистика и психолингвокультурология» мы находим косвенные ответы на некоторые вопросы, связанные с соотношением ИС и языковой личности [Бубнова, Зыкова, Красных, Уфимцева 2017]. Как поясняет И.А. Бубнова, неопсихолингвистика или психолингвистика личности, является новым направлением современной лингвистики, которая фокусирует свое внимание на человеке как представителе определенного этноса и определенной социальной группы. В центре интересов неопсихолингвистики оказывается образ мира отдельной личности, изучение закономерностей развития человека, его языкового сознания, его видения мира.

И.А. Бубнова затрагивает проблему национальной идентичности в контексте проблемы современной русской языковой личности.

В рамках нашей проблемы важно рассмотреть соотношение понятий: языковая личность, языковое сознание, инокультурное сознание.

Важнейшее значение для понимания соотношения понятий ИС и языковой личности имеет трактовка понятия «языковое сознание», которая представлена в данной монографии. Н.Ф. Уфимцева подробно анализирует проблему языкового сознания. В качестве базового ученый использует

следующее определение Е.Ф. Тарасова: «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [цит. по Уфимцевой 2017: 31]. Автор рассматривает также понятие «инокультурное сознание», когда речь идет о познании чужой культуры, об анализе национального языкового сознания. Это означает, что сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира разными народами различно, и поэтому простое перекодирование языковых знаков с одного языка на другой, не учитывающее внешнюю культурную обусловленность сознания, не приведет к качественному переводу.

В рамках проводимого нами исследования понятие «инокультурное сознание» приобретает особое значение, т.к. понимание национально-культурной специфики имени собственного ввиду недостаточной общности языковых сознаний представителей разных культур, поможет избежать коммуникативных конфликтов, ведущих либо к неполному пониманию, либо к полному непониманию.

Следующее понятие, которое анализирует Н.Ф. Уфимцева, и которое представляет для нас несомненный интерес – «ядро языкового сознания», являющееся производным от понятия, введенного А.А. Залевской, - «ядро внутреннего лексикона». Речь идет о наиболее емких единицах лексикона, которые устанавливают связь с любыми другими словами, т.е. о системных свойствах культурных предметов, стоящих за словами, их обозначающими.

По наблюдениям ученого, ядро языкового сознания носителей той или иной культуры позволяет «взглянуть на культурные различия с позиций системности образа мира определенной культуры» [Уфимцева 2017: 47].

В цитированной работе Н.Ф. Уфимцева представляет обзор работ, посвященных языковому сознанию русских на пороге XXI века. К сожалению, данных об ИС с позиций языкового сознания автор не приводит. Более того, обращаясь к межкультурным сопоставлениям, автор также не обращается к анализу ИС. Можно лишь предположить, что ИС находятся на периферии языкового сознания, поэтому их изучение является актуальным.

Понимание имени собственного невозможно без выявления соотношения имени и культуры, что приобретает особое значение при изучении взаимодействия представителей разных культур в процессе перевода.

Проблема соотношения имени и культуры исследована Ю.М. Лотманом совместно с Б.А. Успенским [Лотман 2004]. В статье «Миф-имя-культура» ученые развивают мысль о том, что с точки зрения семиозиса «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени...» [Лотман 2004: 527]. Ученые пишут, что «...общее значение имени собственного принципиально тавтологично: то или иное имя не характеризуется дифференциальными признаками, но только обозначает объект, к которому прикреплено данное имя; множество одноименных объектов не разделяют с необходимостью никаких специальных свойств, кроме свойства обладать данным именем» (там же). Из этого следует, что в сфере имен собственных происходит отождествление названия и называемого, слова и денотата. В целом, по мнению исследователей, имена собственные выделяются из других категорий слов, образуя особую категориальную группу, инкорпорированную в естественный язык,

В этой же работе упоминаются наблюдения Р.О. Якобсона о том, что при усвоении ребенком родного языка имена собственные первыми приобретаются ребенком и последними утрачиваются при афатических расстройствах речи. Аналогичные наблюдения отмечаются при табуистическом употреблении местоимений третьего лица, которое фигурирует как имя собственное.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский подчеркивают мифологизм имени собственного как феномен сознания: «...общее значение имени собственного в его предельной абстракции сводится к мифу... миф и имя непосредственно связаны по природе» [Лотман 2004: 529].

Идея связи имени собственного и мифа исследуется Т.И. Борко. Как поясняет ученый, ситуация мифа предельно конкретна, при этом процесс

именования, объективируемый в мифе, отражает познавательный опыт человека, его способность символического овладения реальной действительностью. Автор анализирует гносеологические возможности мифологического мышления в процессе номинации [Борко 2013]. Ученый отмечает, что, изучая соотношение имени и вещи в мифологическом восприятии, можно увидеть «...как происходит процесс наименования, какие операции выполняет сознание, как движется мысль... по тем бессознательным импульсам, нашедшим воплощение в качестве архитипических образов или идей, можно предположить, как двигалась мысль в процессе означивания» [Борко 2013: 19].

Изучая имена собственные, ученый связывает имянаречение в традиционных культурах с обрядовой символикой и ритуальным поведением, что свидетельствует «...о значимости этого события, как для жизни индивида, так и для сообщества в целом» [Борко 2013: 19]. В качестве примера приводится один из обрядов народов Северной Сибири, целью которого является выбор имени новорожденного. Согласно представлениям этих народов, имя должно выражать сущность личности. В некоторых племенах индейцев ребенок приобретает имя только после семи лет, до этого он живет с временным прозвищем. Таким образом, на индивидуальном уровне имя фиксирует уникальность, инаковость личности, а на коллективном уровне имя соотносит его носителя с культурным пространством, с принадлежностью к социуму и культуре. В этой же работе ученый высказывает мысль об экзистенциальности именования: «назвать имя вещи – отграничить ее от всех прочих, установить ее единичность, т.е. осознать ее существование. Имя обрисовывает очертания» [Борко 2013: 21]. Автор подчеркивает, что поиск имени можно приравнять к акту познания, иными словами, процесс именования, объективированный в мифах, отражает познавательный опыт древнего человека.

Очевидно, что именование означает переход от категории неопределенности к категории определенности, от категории непознанного к

категориям познания, что раскрывает когнитивную природу данного процесса и позволяет нам изучать ИС в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. С другой стороны, когнитивная природа имени собственного, которую ученые наблюдают в лингвистическом аспекте, приводит нас к когнитивному взгляду на ИС в аспекте перевода.

Так, в работе В.С. Виноградова «Введение в переводоведение» особое внимание обращается на трудности, которые возникают при переводе так называемых «говорящих» ИС, что требует от переводчика анализа сущности и функции ИС в тексте оригинала. Нейтрализация этой функции нарушает процесс понимания. Автор приводит пример перевода говорящей фамилии «Бездомный» из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Использование традиционного приема калькирования при переводе на французский язык - *Biezdomy* – приводит к потере исходной коннотации. В.С. Виноградов приходит к следующему выводу: связь имени собственного и культуры очевидна. Эта связь прослеживается как в рамках одной культуры на ее синхронном срезе и в диахронии, так и в рамках контактирующих культур, когда ИС определяет национальную принадлежность человека.

Обратимся к дефиниции понятия культура: «Культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексивно, то, что лежит в основе (культурной) идентификации и самоидентификации личности» [Красных 2017: 211]. В этом определении для нас важно соотношение культуры с идентификацией и самоидентификацией личности. Именно в этом ракурсе мы можем рассматривать ИС как идентификатор личности, и одновременно, идентификатор ее культуры. Если ученый подчеркивает, что культура способна, с одной стороны, трансформироваться и изменяться, с другой стороны, воспроизводиться и сохраняться, то для ИС эта идея столь же существенна.

Культура – многозначное понятие, формировавшееся в течение многих веков. Каждый этап развития общества предлагает свою трактовку культуры, среди которых: хлебопашество, земледелие, образованность, ценность, воспитание, достижение, поведение, деятельность и пр. В целом культура является индикатором духовности как отдельной языковой личности, так и общества всего общества.

Исследованию феномена «культура» посвящена работа Г.В. Елизаровой «Культура и обучение иностранным языкам» [Елизарова 2004]. Ученый выделяет социальный, когнитивный, семиотический подходы к пониманию культуры. Мы придерживаемся когнитивного подхода к культуре, признавая ее ментальным феноменом, который реализуется « в когнитивном мире индивидуума» [Елизарова 2004: 17].

Проблема соотношения культуры и человека изучается в рамках культурной антропологии. Как поясняет С.Г. Тер-Минасова, культурная антропология изучает процесс культурного становления человека, его уникальность, что, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение к ИС [Тер-Минасова 2004].

По мнению В.А. Масловой, с точки зрения культуры, в содержание языковой личности включаются следующие компоненты: ценностный (мировоззренческий), культурологический, личностный [Маслова 2004]. Нам важен личностный компонент, т.е. индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке. Именно к личностному компоненту можно отнести значимость ИС-антропонима.

Современная антропоцентрическая лингвистика развивается в рамках дискурсологии, т.к. вся коммуникативная деятельность языковой личности совершается как ее взаимодействие с текстом, что, в самом широком смысле, соотносится с дискурсом. В нашей работе исследуется арт-дискурс, в рамках которого мы вычленим национальное поле имени собственного, которое находит воплощение в образах персонажей в виде литературных и театральных онимов – театронимов и поэтонимов.

1.3. Литературные антропонимы (поэтонимы) и театральные антропонимы (театронимы) в арт-дискурсе на фоне общезыковых антропонимов

Исследование специфики арт-дискурса как пространства функционирования имени собственного, принадлежащего коммуникативной личности, целесообразно начать с понимания термина «дискурс», который, начиная с двухтысячных годов, претерпел существенные изменения. Можно сказать, что на сегодняшний день отечественная дискурсология не только обрела свой объект, предмет исследования, но решила многие исследовательские задачи: разработана классификация типов дискурса; выявлены существенные черты каждого типа дискурса; определены единицы анализа, представленные концептами; изучены разнообразные концепты и пр.

Так, если в начале двухтысячных годов существовали расхождения в трактовке дискурса, что дало основание некоторым ученым говорить о парадоксах дискурса, то в настоящее время дискурс трактуется достаточно однозначно.

Проследим становление понятия дискурс в лингвистике. Если обратиться к его этимологии в латинском языке, выяснится, что дискурс обозначал «уклонение от курса», «убегание прочь» - «бег в различных направлениях». В работе Н.Н. Белозеровой анализируется динамика данного термина в истории его становления [Белозерова 2004]. Рассуждая о парадоксах дискурса, ученый вычленяет сему «бега», «действия», «речевого действия», «военного состязания», словесного состязания», т.е. в результате метафоризации исходного значения формируются новые значения, отличные от исходных. В современных исследованиях на первый план вышла сема «говорение», которая по-разному была выражена в англоязычных и франкоязычных работах, что привело к образованию двух различных школ

анализа дискурса. У истоков научного анализа дискурса стояли Э. Бенвенист, Дж. Серль, Т. ван Дейк, М. Фуко и др. представители структурализма и постструктурализма.

В отечественной лингвистике анализ дискурса представлен в работах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, В.Е. Чернявской и др.

Онтология дискурса представлена в работе М.Л. Макарова «Основы теории дискурса» [Макаров 2003]. Исходной позицией ученого является стремление «изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального функционирования» [Макаров 2003: 5], «человеческую речь во всем ее разнообразии» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 65]. Этот процесс изучения языкового общения последовательно решался в рамках основных научных парадигм XX века: генетической, таксономической, коммуникативно-функциональной, которые привели к появлению новой социальной материи – дискурсу, в центре которой – не абстрактное время-пространство языка, а говорящий человек, субъект, языковая личность. В начале XXI века в лингвистике произошел так называемый «дискурсивный переворот», когда исследователи языка от вопроса: как устроен язык? перешли к вопросу: как функционирует язык? Так появились три различных подхода к анализу дискурса: 1). Дискурс как два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи; 2). Дискурс как употребление языка (обусловленность функций дискурса функциями языка в социокультурном контексте; 3). Дискурс как высказывание [Макаров 2003].

С появлением дискурса возникла необходимость разграничения текста и дискурса, наиболее очевидной было принята следующая трактовка: «дискурс есть текст плюс ситуация», «текст есть дискурс минус ситуация» [Макаров 2003].

Лингвистика дискурса в ее отношении к лингвистике текста исследуется В.Е. Чернявской: «Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом...» [Чернявская 2014: 102]. Ученый развивает идею о том, что

анализ текста направлен на выявление внутритекстовых отношений, в то время как анализ дискурса направлен на установление внешних по отношению к тексту условий коммуникативного процесса.

В результате исследования В.Е. Чернявская предлагает два следующих определения дискурса:

1) дискурс как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2014: 111].

2) дискурс как «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединенные в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2014: 112]. В целом ученый предлагает рассматривать дискурс как принципиально открытую систему, а дискурсивность – как признак текста, как составную часть метатекстового единства.

В рамках проводимого нами исследования второе определение представляется предпочтительным, т.к. мы рассматриваем совокупность классических и современных текстов, обладающих высокой художественной и эстетической ценностью, т.е. относящихся к художественному или театральному дискурсу. Как мы покажем в исследовательской части работы, ЛИС были выбраны нами именно в рамках двух описанных ранее типов дискурса, но их совместное рассмотрение может быть выполнено в интегрированном типе дискурса, который мы обозначили как арт-дискурс.

Мы трактуем арт-дискурс как результат комплексного взаимодействия отдельных поэтических, прозаических, театральных текстов, функционирующих в пределах сферы художественного творчества и искусства, как интегративную совокупность коммуникативных актов в рамках этой сферы. Конструирование арт-дискурса совершается

коллективным субъектом – поэтами, писателями, драматургами, театральными деятелями как некая дискурсивная система стратегий, в рамках которой мы акцентируем внимание на стратегии транспонирования ЛИС из одной лингвокультуры в другую, где приоритетным выбором переводчика является порождение метаперевода с целью естественного вхождения ЛИС в новую языковую и культурную среду, в новое когнитивное пространство принимающей культуры.

В центре нашего исследования – поэтонимы и театронимы, с одной стороны, являющиеся неотъемлемым компонентом национального ономастикона, с другой стороны, обладающие спецификой семантики и функций в виду их принадлежности авторской языковой и концептуальной картине мира, его ценностных представлений, его мировоззрения. В связи с этим можно говорить о широком и узком значении ономастических концептов, иначе говоря, в узком смысле речь идет о поэтонимах и театронимах в конкретном тексте или дискурсе, в широком смысле – об антропонимах, представляющих ономастическое пространство конкретного языка

Если в ИС в широком смысле рассматривается как хранитель культурной информации народа, то поэтонимы и театронимы являются отражением культурного кода автора, его языкового сознания, его личностных предпочтений и пристрастий.

Мы опираемся на идеи В.В. Катерминой, утверждающей, что в художественном тексте ИС «...обретает качественно новые характеристики и начинает выполнять новую роль» [Катермина 2020: 31]. Более того, как поясняет автор, ИС в художественном произведении помогает реализовать различные категории литературного текста, решать художественные задачи произведения.

Значимым для понимания соотношения ИС в художественном дискурсе и общенациональных ИС считаем следующее высказывание В.В. Катерминой: «Создание реалистичных и художественно убедительных

образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики» [Катермина 2020: 34]. Можно предположить, что в театральном дискурсе, который исследован гораздо меньше, чем художественный, это соответствие остается релевантным.

Имена собственные-антропонимы выступают традиционными единицами анализа художественного текста/ дискурса, создавая его ономастическое пространство. В лингвистике эти единицы анализа называют поэтонимами или литературными онимами [Фонякова 1990].

В работах классиков отечественной антропонимики они исследуются с различных позиций. Как указывает А.В. Суперанская, ономастическое пространство антропонимов разделено на сектора, т.к. содержит широкий спектр категорий имен, что обусловлено в основном историей культуры народа, его традициями, особенностями менталитета и пр.

Ученый выделяет две большие группы антропонимов: индивидуальные и групповые. Индивидуальные антропонимы разделяются, в свою очередь, на одноименные, двуименные, трехименные. Например, традиция использования фамилии, имени и отчества относит ИС русского языка к категории трехименных единиц. Групповые антропонимы включают в себя родовые, семейные, династические имена.

Как поясняет А.В. Суперанская, существуют расхождения между наличием имени в языке и его функционированием в речи, между употреблением имени в национальном литературном языке и его использованием в региональном диалекте, а также в других коммуникативных средах: в профессиональном сообществе, в разговорной речи, в конкретной коммуникативной ситуации. ИС может стать национальным символом, например, Юрий Гагарин.

Ученый приходит к следующему выводу: «Любое имя появляется не просто так, но лишь тогда, когда возникает настоятельная потребность для наименования объекта» [Суперанская 2012: 249].

Не менее важны рассуждения ученого о семантике имен. Эта проблема имеет первостепенное значение в рамках проводимого нами исследования, т.к. этнолингвокультурная транспозиция ИС в виде создания переводческого метатекста должна быть нацелена на сохранение его семантической целостности и функциональной значимости. Выделяют следующие функции ИС:

1. Коммуникативная: ИС сообщает или репрезентирует человека (Например, позвони Пете);
2. Апеллятивная: ИС призывает, называет (Например, Вера, подойди ко мне)
3. Экспрессивная: ИС находится на пути превращения в имя нарицательное (Например, экий Буратино)
4. Дейктическая: ИС указывает (например, знакомьтесь, это Иван).
5. Идентифицирующая: ИС позволяет выделять, различать (например. Суперанская – ученый филолог)
6. Эстетическая: ИС обладает эстетической ценностью (например, принцесса Шарлотта)

Подчеркнем, что функциональная значимость ИС входит в их общую семантику.

Эти идеи находят развитие в исследовании В.В. Катерминой, которая анализирует номинации человека по внешним и внутренним параметрам, что позволяет ей вычленить эстетическую, интеллектуальную, этническую, этическую, эмоциональную оценку.

С позиций этнолингвокультурной транспозиции наибольший интерес представляет для нас этнокультурная оценка, которая дает представление о языковой картине мира представителей разных этносов, об их этническом своеобразии. Например, «английские Джонсы и французские Коки» [Катермина 2016: 64].

Ученый анализирует номинации человека по социальному признаку (номинации чиновников, судебных чиновников, полицейских чиновников,

военных) и по сословному признаку (номинации богатых и бедных людей, аристократов, духовенства, купечества, крестьянства), что позволило выявить и описать концептуальную сферу «человек» в русском и английском языках, а также национально-культурные особенности развития народов. Данное исследование подтверждает идею о том, что изучение ИС есть путь изучения языковой личности как носителя этого имени. В своем новом исследовании «Имя собственное в художественном тексте» В.В. Катермина дает развернутую характеристику поэтонимов, подчеркивая, что общезыковые законы специфически преломляются в семантике и функциях ИС. В процессе репрезентации ономастических концептов конкретные ИС взаимодействуют друг с другом, выполняя структурообразующую функцию. В качестве специфических функций ИС ученый называет следующие: концептуально-характеристическая, индивидуализирующая, типизирующая. В рамках типизирующей функции вычленяются социально-психологическая, философско-идеологическая, эстетическая, стилистическая [Катермина 2020].

Автор работы исследует проблему понятности/непонятности ИС. Солидаризуясь с мнением Ж. Вандриеса, утверждавшего, что в языке нет ничего бессмысленного, не связанного с понятием, В.В. Катермина склоняется к идее о том, что поэтонимы не лишены понятности, но в отличие от имен нарицательных они соотносятся с единичными понятиями.

Семантика ИС в художественном тексте складывается также в результате наполнения их содержания тремя типами информации: речевой, языковой, энциклопедической. Речевая информация отражает субъективное отношение говорящего, а также воплощение в национальном имени национальной идеи. Языковая информация не зависит от употребления ИС. Энциклопедическая информация отражает богатство разнообразных значений и коннотаций культурно-исторического, социолингвистического, национально-специфического планов.

В.В. Катермина приходит к выводу о том, что ИС – это своеобразная граница универсального и национально-специфического, это особая единица коммуникации, которая играет важнейшую роль в концептуальной и языковой картине мира коммуникантов

Семантика антропонимов как единиц анализа художественного дискурса нашла отражение в работах О.И. Фоняковой при изучении художественного текста [Фонякова 1990] и М.И. Кузьминой при изучении художественной речи [Кузьмина 2015].

Авторы подчеркивают многоаспектность семантики ИС, обусловленной, с одной стороны, их вхождением в состав образов текста, с другой стороны, их способностью выступать репрезентантами концептов. ИС являются, по мнению авторов, ключевыми единицами художественного текста/художественной речи, т.к. они реализуют идеи произведения, воплощают авторский замысел, обладают экспрессивно-семантическим зарядом, придают тексту индивидуально-художественное значение, продуцируют эстетически важные ассоциации в художественной речи.

Исследователи приходят к выводу, что ИС создает в тексте своеобразное ассоциативно-семантическое поле, а само значение ИС определяется как комплекс ассоциативно-семантических компонентов. Важное свойство ИС, на которое обращает внимание М.И. Кузьмина, состоит в том, что с развитием темы текста ИС наполняется особой семантикой за счет комбинаторных приращений смысла. Эта идея приобретает особое значение в изучаемом нами переводном художественном дискурсе: передача ИС требует от переводчика декодирования приращений смысла, что осуществляется благодаря механизму метапереводческой транспозиции, о которой речь пойдет ниже.

Ономастическое пространство художественного текста представляет собой совокупность поэтонимов. Его отличительной особенностью является признак вторичности, т.е. ономастическая система художественного текста является вторичной по отношению к национальной ономастической системе

языка. Если национальный ономастикон – динамичная система, то ономастикон художественного текста является непроницаемым для других ономов, он инвариантен и стабилен. В художественном тексте ономастическое пространство будучи результатом творческой деятельности автора, приобретает существенную смысловую нагрузку, так как оно создает ономастический фон произведения, выполняет структурно-организационную функцию, передает лингвистическую и экстралингвистическую информацию.

Имя собственное в художественном тексте значимо не только для персонажа, которому оно принадлежит, но для текста в целом. Каждое имя участвует в развитии сюжета, а совокупность имен создает ономастическую парадигму художественного текста. В целом ИС в художественном тексте является сильной смысловой позицией, так как оно органично вписывается в смысловую организацию текста. Важно, что онтологическая сущность литературного онима – поэтонима – отличается от характеристики реального ИС. И если ИС скоординировано с системой авторской ономастики, то задача переводчика состоит в том, чтобы скоординировать его с системой ономастики реципиента.

В работе Р.С. Кудряшовой и Л.А. Фатыховой исследуется ИС в художественном тексте как средство создания языковой картины мира. Авторы полагают, что в художественном тексте ИС является носителем значимой, имплицитно выраженной информации энциклопедического характера. ИС в тексте способствует его восприятию как единого целого, ограниченного рамками конкретного текста. В каждом тексте ИС отражает этноспецифические традиции и выступает своего рода знаком национальной идентичности [Кудряшова, Фатыхова 2017].

И.В. Воронова подчеркивает текстообразующие функции литературных ИС. Автор определяет литературные имена собственные как поэтонимы или проприальная лексика. Поэтонимы служат для выражения авторской позиции, интенции, для создания смыслового многомирия текста.

Автор приходит к выводу о том, что в пространстве художественного текста оноупотребление характеризуется тремя способами: 1) ИС как смысловая вежа; 2) ИС как фон повествования; 3) ИС как факультативный элемент.

Примером текстообразующей функции литературных ИС является рассказ А.П. Чехова «Лошадиная фамилия», где юмористический эффект основан именно на употреблении разнообразных онимов, создающих смысловой мир художественного текста. В этом тексте большое число поэтонимов вызвано развитием сюжета, т.е. поиском нужной фамилии. Можно сказать, что ономастическое пространство данного текста богато онимами, но в целом количество онимов не всегда соотносится с величиной самого текста.

При переводе ИС-поэтонимов важно учитывать, что в иносоциуме они выбирают свой фонетический рисунок, семантическую сущность, грамматический вариант, которые должны вписаться в антропонимикон реципиента. При переводе ИС-поэтонимов важно учитывать, что в иносоциуме они выбирают свой фонетический рисунок, семантическую сущность, грамматический вариант, которые должны вписаться в антропонимикон реципиента.

Ю.В. Ермакова подчеркивает идею о том, что в художественном тексте ИС выполняет особую функцию – читатель должен заново создать ассоциативные связи слова с другими именами. Это касается как его экстралингвистического значения, так и внутрилингвистического - стилистического и экспрессивного значений.

В художественном тексте ИС часто сопровождается апеллятивами и различными апеллятивными номинациями, которые расширяют систему наименований персонажа, так как отличаются большой вариативностью. Авторы рассматривают широкую палитру личных имен и их вариаций, употребляемых совместно с апеллятивами. Основными разновидностями являются следующие 1) уменьшительно-ласкательные и фамильярные имена;

2) диминутивные имена; 3) пейоративные имена. Все они расширяют оценочные характеристики персонажа.

Как показали наши наблюдения, именно коннотативные вариации ИС вызывают особые трудности при переводе с русского языка на французский, так как русскоязычные ИС обладают богатством форм выражения, что будет рассмотрено нами ниже.

В связи с тем, что транспозиция как семантический сдвиг предполагает вариативность ИС, обратимся к размышлениям М.А. Кронгауза об именах собственных в русском языке [Кронгауз 2005]. С позиций проводимого нами исследования несомненный интерес представляют его идеи о вариативности имени, отчества и фамилии. Вариативность имени выражается в наличии полных, кратких, уменьшительных и связанных форм, что отражает разный уровень их маркированности и соответствующего использования в зависимости от установившегося отношения к собеседнику. Так, в одних случаях мы обращаемся к собеседнице – Мария, в других – Маша, Машенька, Машутка, Маруся, в третьих – Марь Ванна (пример связанной формы, т.к. имени Марь не существует, а в сочетании с отчеством данное употребление является просторечием). Что касается отчества, ученый различает наличие полной и редуцированной форм. Например: Павлович и Палыч, Павловна и Пална. В качестве вариантов фамилий возникают прозвища и клички. Например: Сидоров и Сидор. Ученый приходит к выводу о том, что ИС в русском языке имеют широкую гамму форм и употреблений, выбор которых зависит, прежде всего, от социальных и эмоциональных отношений между собеседниками, а также от настроения говорящего. Мы можем предположить, что именно вариативность русских личных имен вызывает трудности их перевода на французский язык, что будет проанализировано в нашей работе.

М.А. Кронгауз подчеркивает, что использование ИС при обращении к собеседнику в русском языке имеет асимметричный характер, в то время как в европейских языках и культурах эти отношения носят симметричный

характер. Так, если мы обращаемся к ребенку на «ты», он обращается к нам на «вы». Во французской культуре ребенок обращается к нам так, как мы к нему, т.е. обращение ребенка к взрослому на «ты» приемлемо и естественно.

Изучение ономастического пространства арт-дискурса включает в себя анализ двух типов антропонимов: литературных онимов (поэтонимов) и театральных онимов (театронимов). Если литературные онимы, или поэтонимы получили широкое освещение в трудах отечественных ученых, то театронимы изучаются крайне редко. Сам термин был введен А.С. Шевченко и до сих пор не получил широкого распространения [Шевченко 2012]. Обращение к проблеме антропонима в арт-дискурсе побудило нас не ограничиваться художественным текстом, но обратиться к театральному тексту, содержащему ИС как важнейший элемент его ономастического пространства.

Как показало исследование современного театрального дискурса, он характеризуется вычленением специфических единиц анализа, обозначенных как театронимы. Данная проблема изложена в диссертационном исследовании А.С. Шевченко «Театральный дискурс: структура, содержание, особенности лингвистической репрезентации» [Шевченко 2012]. Театральный дискурс трактуется ученым как особый вид дискурсивной практики, как знаково-символическая деятельность, осуществляемая в публичном коммуникативном пространстве, обладающая такими свойствами как целостность, связность, информативность, медийность, коммуникативно-прагматическая направленность.

В качестве компонентов театрального дискурса выступают следующие:

- сопряжение с коммуникативной стратегией или интенцией;
- репрезентация смыслов, идей, образов, ценностей;
- видимый и невидимый планы;
- эмоционально-энергетический заряд;
- диалог поколений, этносов, конфессий.

А.С. Шевченко раскрывает специфику театрального дискурса, выявляя те реальности, которые составляют его сущность, а именно, на основе реальности действительности формируются такие воображаемые реальности как литературный текст, замысел режиссера, театральный текст, художественный образ спектакля. Все они нацелены на вовлечение в театральное действие зрителя-реципиента, который ожидает получить эстетическое удовольствие, а в случае несоответствия ожиданиям, может возникнуть расстройство или даже агрессия.

Обращаясь к проблеме антропонимов, ученый обозначает наличие различных номинативных единиц в театральном дискурсе, которые он объединяет термином театроним. В работе проанализированы различные типы театронимов: театроним-антропоним, театроним-топоним, театроним-астрономим, театроним-теоним, театроним-прагматиконим, театроним-хрематоним.

В рамках нашего исследования наибольшую значимость представляет изучение театрального ономастикона. Автор вводит термин «театроним» и относит его к разряду имен собственных: «театроним – это имя собственное, обозначающее название театрального объекта или относящееся каким-либо образом к театральной сфере» [Шевченко 2012: 179]. В качестве примера в работе анализируются такие номинативные единицы, представляющие театронимы, как: театральная антропонимика («Иоланта»), театральная топонимика («Варшавская мелодия»), театральная прагматонимика («Чио-чио-сан», «Турандот», «Кармен») и др.

Все театронимы исследуются с позиций теории номинации, в частности, теории имени собственного, т.е. отражают идею абсолютной антропоцентричности данного направления исследований. Ученый подчеркивает мысль о том, что ИС отражает когнитивную характеристику языкового сознания личности и обладает потенциальной способностью нести национально-культурную информацию. Кроме того, ИС представляет собой своеобразный речевой код, который актуализирует межкультурные связи.

Автор приходит к выводу, что театроним, являющийся одним из лингвистических репрезентантов театрального дискурса, зависит от степени развитости этого дискурса в данной стране и в данном регионе, что приобретает особое значение в проводимом нами исследовании, при изучении транспозиции ИС-театронимов в русской и французской лингвокультурах, представленной в театральных пьесах и дискурсах.

Мы также будем пользоваться термином театроним при описании метапереводческой транспозиции ИС в театральном дискурсе; а при изучении метапереводческой транспозиции ИС в художественном дискурсе мы сконцентрируем внимание на термине «поэтоним», выступающем единицей анализа художественного прозаического и поэтического дискурсов.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

1. Историография проблемы антропонима относится к античным представлениям о мире языка, о фигуре ономатопега, полагавшего, что каждой вещи свойственно имя, или от природы, или по закону.

2. Обзор исследований классической и современной ономастики в различных сферах функционирования имен собственных-антропонимов показал, что антропонимы пронизывают все сферы человеческой жизни и деятельности, что предопределяет их взаимосвязь с экономическими, историческими, идеологическими, политическими, культурными факторами. Активное развитие отечественной теории антропонима началось во второй половине XX века и отражено в исследованиях А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, О.И. Фоняковой, В.В. Катерминой и др., что послужило основанием предпринятого нами исследования.

3. Современные воззрения на понимание антропонима раскрываются в рамках антропоцентрической парадигмы, постулирующей неразрывную связь языковой личности, обладающей определенными культурными ценностями, что находит отражение в ономастическом пространстве языка. В каждую историческую эпоху в ономастической системе языка антропоним, как сложный культурный концепт, обладает уникальной ценностью.

4. В основу трактовки антропонима положено определение О.И. Фоняковой, согласно которой имя собственное есть «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов, выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонякова 1990: 21]. Мы придерживаемся также позиции А.В. Суперанской, подчеркивающей, что граница ономастической номинации не может быть четко обозначена, так как «быть именем собственным – это свойство

определенной лексической единицы, а не ее функция» [Суперанская 2012: 107].

5. В общеязыковом плане антропонимы выступают хранителем культурной информации народа. Они выполняют в языке следующие функции: коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная, дейктическая, идентифицирующая, эстетическая.

6. Литературные онимы (поэтонимы) и театральные онимы (театронимы) являются репрезентами художественного и театрального дискурсов и выступают отражением культурного кода автора, содержащего языковую, речевую, энциклопедическую информацию [Катермина 2020]. Совокупность поэтонимов и театронимов образует ономастическое пространство арт-дискурса.

7. Арт-дискурс рассматривается как разновидность институционального дискурса; как результат комплексного взаимодействия отдельных поэтических, прозаических, театральных текстов, функционирующих в пределах сферы художественного творчества и искусства; как интегративная совокупность коммуникативных актов в рамках этой сферы.

ГЛАВА 2. АНТРОПОНИМ В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА

2.1. Современные подходы к изучению переводческой антропонимики

Проблемное поле переводоведения исследуется в нашей работе на основе трудов современных отечественных и зарубежных, преимущественно, франкоязычных ученых. Опираясь на культурно-ориентированный и когнитивный подходы в переводоведении, мы используем принципы, изложенные в работах Ги Ашар-Бэйля (Guy Achard-Bayle 2017], Ж. Делиля (J. Delisle 2014], К. Дюрье (Ch. Durieux 2017), Л. Уэнсона (L. Hewson 2014), Ж.-Р. Ладмираля (J.-R. Ladmiral 2014), М. Ледерер (M. Lederer 1994), Н. д'Амелио (N. d'Amelio 2011), К. Норд (K.Nord 2009), И. Паншон Идальго (M. Panchon Hidalgo 2014), М. Пападима (M. Papadima 2014) etc.

Одним из значимых принципов теории перевода, сформулированных канадским ученым Ж. Делилем, является признание перевода в качестве культуроформирующего фактора. Ж. Делиль констатирует, что перевод является не просто диалогом культур, но он сам формирует культуры: “La traduction n'est pas seulement ce qui permet le dialogue des cultures: elle est ce qui, bien souvent, les façonne” (Delisle 2011: 46).

Признавая функциональность и лояльность критериями при переводе художественного текста К. Норд акцентирует внимание на функции использования имен собственных как культурного маркера, который вступает в конкуренцию с функцией использования имён собственных для характеристики персонажей. Эта идея современного представителя Скопос-теории поддерживается отечественными исследователями (Н.Н. Гавриленко, Е.Ю. Мощанская, Е.Р. Поршнева).

Эти принципы приобретают особое значение при переводе ИС в арт-дискурсе, так как создание переводческого метатекста является необходимым условием успешной культурной адаптации.

Когнитивная парадигма перевода разрабатывается в трудах К.Дюрье, Н. д'Амелио, Л. Уэнсон, М. Ледерер, М. Пападима и других авторов, которые акцентируют внимание на том, что исследование перевода должно касаться не только языков и культур, но выходить за их рамки, чтобы описать природу переводческого акта, охарактеризовать языковое сознание переводчика, понять процесс построения смысла в ходе принятия переводческого решения. Как подчеркивает Г. Ашар-Бэйль, «la langue n'est plus au coeur des préoccupations et donc des pratiques...le sens est mis au coeur de la réflexion et de l'activité traductologique» [Achard-Bayle 2017: 10] – («язык уже не в центре размышлений переводчика и переводческой практики... в центре его размышлений и всей переводческой деятельности находится смысл» – пер. наш – Я.Г.)

Остановимся подробнее на результатах исследований российских ученых.

Одним из выдающихся российских ученых в данной области является Д.И. Ермолович, который изложил свои взгляды в работе «Имя собственное на стыке языков и культур: заимствования и передача имени собственного с точки зрения лингвистики и теории перевода», опубликованной в 2001г. В своей работе ученый продолжает исследование общелингвистических свойств данной лексической категории, признавая ее важность для преодоления языковых и культурных барьеров, что приобретает особую важность с позиций перевода.

Д.И. Ермолович подчеркивает, что при изучении перевода ИС говорят об их передаче. В целом передача ИС существенно отличается от традиционного понимания перевода других лексических категорий и групп слов и словосочетаний. Ученый полагает, что передача ИС по своей сути ближе к процессу заимствования, чем к собственно переводу, т.к. ИС стремится сохранить форму вне сферы родного языка. При этом без сохранения значения ИС не может функционировать в другой языковой

среде. Именно этот факт вызывает проблему непонимания, неточного воспроизведения и пр.

Сопоставительный аспект изучения имени собственного на материале русскоязычных и англоязычных номинаций представлен в монографии В.В. Катерминой «Номинации человека: национально-культурный аспект». Автор исследования выявляет особенности употребления личных имен собственных в структуре того или иного социума, что соотносится и с характерными чертами нации, и с языковой личностью, и что позволяет вычленить культурную доминанту. В работе исследуются национальное поле имени и социальное поле имени, связанные с опытом человека, мифологией, религией, историей и культурой.

В.В. Катермина анализирует русские и английские имена собственные, которые содержат оценку человеческих качеств, как позитивных, так и негативных.

Автор приводит следующие примеры. Русский язык: *плутовство* (Макар – плут); *пьянство* (Мишка – пьяница, Егоры – пьяницы, проходимцы); *простота* (Ванька – простодушный, недалекий человек). Английский язык: *грубость, резкость, неотесанность* (John Blunt – грубый, резкий человек); *неделовитость, неэнергичность* (Tom long – медлительный человек); *чрезмерное любопытство* (Paul Pry – любопытный человек) [Катермина 2016: 140].

Предметом исследования становятся также личные имена собственные, олицетворяющие мифологические и библейские персонажи. В русском и английском языках они широко распространены, что свидетельствует об их универсальном характере. Так, например, в обоих языках осуждается эгоизм: *Нарцисс/Narcissus* – самовлюбленный человек, эгоист; *двуличие: двуликий Янус/double-faced Janus*. В обоих языках ценится верная дружба: *Дамон и Пифий/Damon and Pythias* [Катермина 2016].

Ученый приходит к выводу о том, что «...номинация человека по его внешним и внутренним параметрам присуща и русским, и англичанам и выступает как универсальное явление» [Катермина 2016: 43].

В цитированной выше работе показано функционирование личного имени в художественном тексте, что является одним из приемов проникновения во внутренний мир человека. При этом наблюдаются две тенденции: с одной стороны, автор опирается на знание этимологии имени, его внутренней формы, с другой стороны, имя получает в тексте дополнительный смысл, что также обуславливает лучшее понимание носителя имени. Особое значение придается социальной ономастике, т.е. на Руси существовали отдельные «именники» для дворян (*Сергей, Софья, Анна*), для купцов (*Савва, Гордей, Фома*), для священнослужителей (*Никон, Варлаам, Мисаил*), для крестьян (*Матрена, Фекла, Степан, Пелагея*). В целом имена в русской и английской художественной литературе социально неравнозначны [Катермина 2016].

Переводческий аспект имен собственных исследован Н.К. Гарбовским в рамках проблемы операций с единичными понятиями – переводческой ономастикой [Гарбовский 2004]. Имена собственные ученый относит к единичным понятиям, подчеркивая при этом, что, несмотря на внешнюю простоту, их перевод вызывает трудности.

Решение данной проблемы Н.К. Гарбовский предпринимает по нескольким направлениям: описание фонетических модуляций в переводе антропонимов, выявление дублетных обозначений, знание способов передачи имен античных героев, рассмотрение ономастики в метатекстах.

Дадим краткую характеристику каждого направления:

1. Фонетические модуляции в переводе антропонимов предполагают, что переводчик чаще руководствуется традициями перевода ИС, т.е. использует общепринятую форму, но возникают ситуации, когда необходимо дать новый, более точный вариант перевода. Основная цель состоит в том, чтобы сохранить культурные различия, не усредняя и не

нивелируя разные культуры. Предпочтение отдается той форме, в которой эти ИС приняты в языке оригинала. Например, прецедентное имя *Чарли Чаплин* на французский язык было переведено как *Charlie Chaplin*, т.е. произносится на французский манер с носовым звуком и шипящим щелевым согласным вместо [ч]. В настоящее время эта тенденция исчезает.

2. Дублетные обозначения имеют место в тех случаях, когда существует несколько моделей перевода. Ученый подчеркивает, что в русской традиции сложились две модели перевода ИС: одна для именованных персон, другая – для остальных. Например, *Louis: Louis XIV – Людовик XIV, Louis Pasteur – Луи Пастер*.

3. Передача имен античных героев в западноевропейских языках основана на привлечении латинского языка, при переводе с русского языка необходимо следовать традиции, но форма имени обычно русифицируется. Например, имя *Marius* принимает в русском языке форму *Марий*.

4. Ономастика в метатекстах объясняется Н.К. Гарбовским как особый способ создания переводчиком виртуального объекта. Ученый объясняет, что ИС становятся объектом металингвистических описаний, выявляя два типа метатекста: переводчик использует метатекст оригинала или переводчик строит собственный метатекст, т.е. «...вводит дополнительные металингвистические пассажи либо в корпус самого текста, либо в примечания» [Гарбовский 2004: 476]. В нашей работе при переводе ИС акцент будет сделан именно на метатексте, но трактуемом в соответствии с современными воззрениями.

5. Конструирование имени собственного имеет место в тех случаях, когда ИС обладают аллюзивным характером, наделяют персонажей определенной оценочной коннотацией, которую необходимо сохранить в переводе. Это могут быть псевдонимы, прозвища и пр.

6. Образность ономастики вызывает особые трудности при переводе.

Таким образом, Н.К. Гарбовский представил разветвленную систему способов и приемов перевода ИС, которые в настоящее время широко используются в реальной переводческой практике.

В исследовании А.Д. Сайфуллиной обсуждается проблема перевода имен собственных в художественном дискурсе [Челябинск 2018]. Автор статьи анализирует литературную ономастику: «В художественном дискурсе имена собственные способны не только выполнять функцию реальных онимов, такие как номинативная (назывная) или идентифицирующая, но также аккумулировать в себе дополнительные сведения, вызывая определенный отклик у реципиента-читателя» [Сайфуллина 2018: 93]. Для обеспечения эффекта оригинала возможны два приема: транскрипция и собственно перевод. Транскрипция может вызвать нежелательные ассоциации. Полное изменение состава может привести к непониманию. Это две взаимоисключающие тенденции, поэтому переводчику необходимо найти баланс, чтобы точно передать смысл и звучание имени. Известно, что при переводе ИС претерпевает значительные изменения, поэтому необходимо сосредоточиться на метафорической составляющей имени ввиду образности топонимикона или антропонимикона оригинального произведения. Перевод склоняется либо к фонетике, либо к семантике, либо к метафорической сути имен. Автор статьи приходит к выводу, что радикальное изменение фонетического образа нежелательно, т.к. границы между языками стираются. Таким образом, переводчик вынужден самостоятельно решать противоположные задачи: и с точки зрения смысла, и с точки зрения благозвучия, и с позиций уместности варианта перевода.

В исследовании Д.С. Аржевитиной и Е.В. Аликиной «Способы передачи инокультурных имен собственных в устном и письменном переводах» проведен анализ передачи инокультурных ИС в двух видах перевода: устном синхронном и письменном [Аржевитина, Аликина, 2013]. В данной работе выдвигается идея о том, что способы передачи инокультурных антропонимов в ходе устного перевода отличаются от способов их передачи

в ходе письменного перевода. Успешность письменного перевода определяется, по мнению авторов, тщательностью информационного поиска переводчика

Нас интересует понятие инокультурного имени собственного, которое предлагают авторы исследования: «слово (словосочетание), которое служит для индивидуализации, идентификации и выделения из ряда подобных именуемого ими субъекта, объекта или реалии одного лингвокультурного пространства, заимствованный характер которого осознается представителями другого лингвокультурного сообщества» [Аржевитина, Аликина 2013].

Наиболее подробная классификация способов передачи имен собственных представлена в работе Д.И.Ермолович, о которой речь шла выше [Ермолович 2001].

Во-первых, автор характеризует основные виды соответствий при передаче имен собственных:

1. Прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода;
2. Поиск ономастического соответствия;
3. Комментирующий перевод;
4. Уточняющий перевод;
5. Описательный перевод;
6. Преобразующий перевод.

Во-вторых, ученый обозначает основные принципы передачи ИС. Напомним эти принципы:

1. Принцип графического подобия – транслитерация - состоит в том, что переносится графическая форма имени без изменений, что особенно удобно с опорой на латиницу. При переносе ИС с латиницы на кириллицу возникают проблемы, т.к. каждый использует родное произношение, что может вызвать расхождения в понимании ИС. Например, фамилия *Ельцин* в английской и французской транскрипции имеет разную языковую форму:

Yeltsin (англ.) *Eltsin* (франц.), по которым бывает трудно восстановить исходную форму.

2. Принцип фонетического подобия – транскрипция основан на том, что звуковая система языка первична, а письменная система вторична. Часто используется так называемая практическая транскрипция, сочетающая транскрипцию и транслитерацию.

3. Принцип этимологического соответствия, или этимологическая транспозиция состоит в том, что ИС в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. Например, если раньше лексема *Казахстан* передавалась как *Kazakhstan*, то сейчас передается как *Kazakstan*.

4. Принцип благозвучия нацелен на исключение нежелательных ассоциаций в другом языке.

5. Учет исторических традиций предполагает, что некоторые ИС закрепились в языковом сознании носителей другой культуры, даже в тех случаях, когда существующий перевод оказывается ошибочным, но общепринятым. Например, фамилия *В.Гюго* (*V.Hugo*) переведена на русский язык некорректно, но мы используем данный антропоним, который соотносим с великим французским писателем.

6. Учет национальных традиций касается. прежде всего, использования отчества в русских антропонимах, что является своего рода психологическим барьером для иностранцев, приезжающих в Россию. С другой стороны, французские и английские имена и фамилии часто бывают двух-трехсложные, чего нет в русском языке. Например, *Мари-Франс* (*Marie-France*), *Жан-Клод* (*Jean-Claude*) и др. и что необходимо учитывать переводчику.

7. Учет словообразовательных – деривационных возможностей языка. Если русскоязычные ИС облают богатыми словообразовательными ресурсами, образуя множество уменьшительных, ласкательных, сокращенных, фамильярных имен, то в европейских языках их выбор гораздо

меньше, что вызывает трудности перевода. Как мы покажем ниже, именно метапереводческая деятельность компенсирует отсутствие деривационного багажа французского языка при передаче ИС с русского языка на французский.

Проблема перевода ономастической лексики с позиций современной культурно-ориентированной парадигмы исследуется Т.Г. Пшенкиной [Пшенкина 2005]. Ученый подчеркивает, что ономастическая лексика является наиболее «культурологическим» элементом языка. Являясь представителем психолингвистического направления в переводоведении, Т.Г. Пшенкина подчеркивает, что «подход к значению должен осуществляться с ориентацией на психологическую структуру личного имени» [Пшенкина 2005: 182]. По мнению автора, за ИС стоит все, что содержится в индивидуальном сознании личности, включая не только бытийные, классифицирующие, индивидуализирующие компоненты значения, но также эмоционально-маркированные языковые и энциклопедические знания. «В результате в ИС аккумулируется информация различного типа от дейктической, указывающей на соотнесение знака с определенным классом имени (собственного, нарицательного, антропонима, топонима и т.д.) до индивидуализирующей, выводящей на широкий диапазон смыслового обогащения имени» [Пшенкина 2005: 182].

Автор монографии приводит интересные факты перевода имен собственных с английского языка на русский, относящиеся к периоду, когда когнитивная лингвистика проникла в отечественную лингвистику и понадобился перевод фамилий крупнейших ученых-когнитологов. Переводчики обращались к приему комментирования различных вариантов транслитерации фамилий, т.к. их перевод приобретал различные формы, в результате чего в языковом сознании русских смысловое расстояние между разными вариантами одной фамилии было иногда настолько далеко, что ассоциировать данные фамилии с одним и тем же человеком было сложно.

Например, *Хомский* вместо *Чомский*; *Лангакер* вместо *Лэнекер/Лангакр* и др. Приоритет при выборе фамилии отдавался традиции.

В некоторых случаях имеет место канонизация формы имени, имени/отчества; имени/отчества/фамилии. Возможна, также, канонизации аббревиатуры и ее дериватов.

Т.Г. Пшенкина анализирует случаи, связанные со смысловыми приращениями ИС. Здесь возможны три направления переводческой рефлексии.

1). ИС выполняет роль стереотипа в обеих культурах. Форма имени обеспечивает доступ к его ментальной структуре: *Thomas* – *Фома*, *Charlemagne* – *Карл Великий*.

2). ИС является частью языкового сознания реципиента, но не входит в его ядро. Актуализация смыслового признака требует расширения информации, отсылки к культурному контексту в виде примечания и комментариев.

3) ИС занимает любое положение в сознании коммуникантов, и в зависимости от индивидуально-субъективных характеристик осуществляется его ментальная репрезентация и речевая реализация. В этой ситуации важна креативность переводчика.

Проблема перевода драматического произведения исследуется лингвистами, начиная с работ чешского ученого Иржи Левого, впервые опубликованных в середине прошлого века, но не потерявших своей актуальности ввиду отсутствия достаточного количества работ в данном направлении. В течение последующих лет изучение специфики перевода драмы оставалось на периферии исследований. Если в зарубежной лингвистике перевод драмы являлся предметом специального рассмотрения (С. Басснет, Ж. Мунен, П. Пави и др.), то отечественные ученые до сих пор редко обращаются к данной проблеме.

Лингвистический и переводческий анализ перевода драмы содержится в работах Л. Сальмон, Д.А. Олицкой, Т.Е. Некряч.

Начнем с основополагающих принципов перевода драматургического текста, сформулированных И. Левым.

Во-первых, сценический диалог должен отвечать требованиям удобопонятности и удобопроизносимости, что отличает данный тип перевода от всех других типов филологического перевода, для которых данные требования не существуют.

Во-вторых, сценический диалог является дейктическим диалогом, означающим, что произносимые актерами реплики относятся и к объектам, и к партнерам, и к зрителям, что выражается в жестах, в мимике, в движениях.

В-третьих, сценический диалог обладает свойствами словесного действия, раскрывающего сценическую энергию в виде темпа, ритма, интонации, передающимися зрителям – реципиентам перевода.

В-четвертых, диалог на сцене – это не только речь персонажей, но и их характеристика.

И. Левый выявляет переводческую доминанту, которая отражена в функции перевода как партитуры будущей постановки. Нельзя не упомянуть мысль ученого о том, что перевод драмы не является окончательной целью переводческой деятельности, а лишь ее определенным этапом, т.к. в процессе постановки переводной текст должен быть подвижным в зависимости от намерений режиссера, от игры актеров и других факторов. В связи с этим необходимо гибкое отношение переводчика к тексту, что объясняется понятием, введенным И. Левым – «неравномерная точность». Это означает, что переводчик должен видеть перспективу дальнейшей трансформации текста в полноценный театральный текст.

Мы полагаем, что мысли И. Левого о гибком отношении переводчика к тексту, о «неравномерной точности» перевода нашли развитие в концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая выдвинула идею переводческой гармонии, предполагающей, что смыслы текстов оригинала и перевода должны быть соразмерны друг другу. Переводческая гармония не приемлет использования точных словарных соответствий, трактуемых

автором концепции как адекватность, равно как поиска тождественных значений, полученных в результате межъязыковых трансформаций. Суть переводческой гармонии состоит в поиске межкультурных преобразований, что позволяет переводному тексту быть интегрированным в принимающую культуру. Аналогичное соотношение мы наблюдаем при анализе категории верности текстов оригинала и перевода, изложенной в работах Ж. Мунена и У. Эко. В своих рассуждениях о переводе драмы Ж. Мунен подчеркивал, что лексическая, грамматическая и синтаксическая верность при переводе драмы не востребованы. Ученый понимал верность как верность тому, что обеспечивает произведению сценический успех. В работах Л.В. Кушнина также утверждается, что гармоничность перевода не может быть реализована на уровне отдельных слов или предложений, гармоничным может быть целый текст, который естественным образом воспринимается носителями другой культуры, т.е. имеет успех инокультурной читательской аудитории

Проблема перевода драмы содержится в работе Т.Е. Некряч. Автор сетует на то, что перевод драмы остается на периферии переводческих исследований. Основную сложность автор видит в дуалистической природе данного типа перевода, ориентированного на двойную аудиторию – читателя и зрителя.

Обратимся к работе Д.А. Олицкой, посвященной переводу драмы. Исследователь подчеркивает синтетический вид и двойной эстетический код текста драмы, сочетающего в себе литературный и театральные тексты, что придает ему интермедиаальный характер. В связи с этим перевод текста драмы следует рассматривать как самостоятельную область исследований, представляющий собой транспозицию текста пьесы на сцену. Автор подчеркивает двойственность коммуникационной задачи, стоящей перед переводчиком. С одной стороны, текст должен предполагать неоднократное вдумчивое чтение читателем-режиссером и читателем-актером с использованием комментариев культурологических лакун, аллюзий, игры слов, что в нашей работе трактуется как переводческий метатекст. С другой

стороны, текст должен быть нацелен на сценическую постановку, направленную на однократное, мгновенное восприятие зрителем. Это совершенно разные сущности.

Итак, ключевая идея Д.А. Олицкой состоит в том, что при переводе текста пьесы происходит раздвоение текста оригинала на литературный текст и театральный текст, что соответствует двум семиотическим системам.

Проблема перевода драмы освещается в исследовании Л. Сальмон.

В разделе «Перевод для экрана и сцены» ученый акцентирует внимание на многочисленных параметрах, имеющих место при описании процедур реализации перевода для экрана и сцены. Трудность данного вида перевода связана с необходимостью учета взаимодействия участников этой процедуры, протекающей в несколько этапов. В нее вовлечены усилия разных специалистов: авторы диалогов, режиссеры, актеры. Как пишет Л.Сальмон, «Перевод для спектакля является идеальным примером для понимания, что такое хороший перевод, благодаря которому люди смеются, плачут, пугаются, переживают. При хорошем переводе никого не занимает мысль о том, насколько искажен оригинал» [Сальмон 2007: 190]. Рассуждая о переводе драмы, ученый подвергает сомнению понятие верности перевода, признавая его мифом: «...чтобы функционировать, спектакли должны превратиться в произведения автономные и перерезать пуповину, связывающую их с ИТ» (исходным текстом) (там же). Развивая эту мысль, Л. Сальмон полагает, что и автор диалогов, и режиссер, и даже переводчик могут претендовать на то, что их произведения являются авторскими и должны быть защищены авторским правом» [Сальмон 2007: 192].

Л. Сальмон анализирует две возможности перевода театральных произведений. В первом случае речь идет о переведенном тексте, который нацелен на представление, не является независимым продуктом, а своего рода инструментом для режиссера, который манипулирует им по своему усмотрению. Во втором случае переведенный текст предназначен для публикации, т.е. может быть использован как для чтения, так и для

представления. При этом режиссер имеет право вносить изменения для того, чтобы использовать опубликованный текст для создания ролей. Как поясняет ученый, режиссер может пригласить переводчика для внесения нужных изменений, а может ограничиться разрешением издательства на использование готового текста перевода.

Отметим, что исследование закономерностей перевода драматических произведений и театрального дискурса в целом не изучено относительно перевода имен собственных в театральном дискурсе.

Наряду с исследованием литературных и театральных онимов предметом нашего интереса являются апеллятивы. Большинство исследователей относят их к именам нарицательным, обозначая как апеллятивы, или апеллятивная лексика, и противопоставляют их онимам как проприальной лексике. Другие ученые рассматривают их в одном ряду с антропонимами. Между тем, как показал исследуемый нами материал, процесс транспозиции антропонимов тесно связан с транспозицией апеллятивов, что требует обзора их исследований.

Апеллятивы в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков представлены в исследовании В.Г. Дыковой. Автор полагает, что такие единицы как апеллятивы, обращения, форма обращения являются синонимами. Они выполняют в речи адресатную функцию. Эти языковые единицы активно участвуют в отношении речевого этикета.

С. Влахов и С. Флорин определяют апеллятивы как языковое средство, выражающее апеллятивную функцию, с помощью которой они осуществляют обращение и привлечение внимания участников коммуникации [Влахов, Флорин 2009],

Референтные слова используются для называния кого-то (*сестрица Аленушка и братец Иванушка*), апеллятивы используются для обращения к кому-то (*коли красная девица, будь нам милая сестрица!*).

Среди апеллятивов встречаются устаревшие, фамильярные, просторечные. В некоторых случаях из пассивного запаса культурной памяти

устаревшее слово вновь начинается употребляться. Например, из русского языка исчезло слово *государь*, но вернулось слово *господа*.

Таким образом, в рамках данного параграфа были рассмотрены основные подходы, принципы, классификации, способы передачи антропонимов из одной лингвокультуры в другую, существующие в отечественных и зарубежных исследованиях. В настоящее время ведущими подходами при осуществлении лингвопереводческого анализа антропонимов выступают культурно-ориентированный и когнитивный подходы, на которые мы будем опираться в нашей работе.

2.2. Исследование антропонимов в переводческом и метапереводческом пространстве

Методологией проводимого исследования в нашей работе выступает концепция переводческого пространства Л.В. Кушниной. [Кушникова 2003, 2004, 2009 и др.]. Подчеркивая системный характер перевода, автор признает перевод как синергетическую систему транспонирования множества смыслов из одной лингвокультуры в другую.

В основе синергетического мировидения лежат идеи синергетики, заложенные Г. Хакеном, который утверждал, что синергетика занимается исследованием процессов возникновения новых свойств в сложных системах, «эмергенцией» новых качеств этих систем [Хакен, Хакен-Крелль 2002].

Лингвистические аспекты синергетики раскрыты в работах Н.Л.Мышкиной и Г.Г.Москальчук, которые определили текст как синергетическую систему [Мышкина 1998, Москальчук 2003]

Согласно исследованиям Л.В.Кушниной, процесс перевода можно уподобить синергетической системе, которая представлена в виде полевой структуры, содержащей ядро и периферию. И ядро, и периферия являются смыслообразующими. При этом в ядерной зоне образуются эксплицитные смыслы, а на периферии – имплицитные. Кроме того, в полевой структуре

вычленяют текстовые поля и поля субъектов переводческой коммуникации. К текстовым полям относятся энергетическое и фатическое, поля субъектов представлены полем автора, полем переводчика, полем реципиента. Ядром переводческого пространства является содержание текста, которое формирует фактуальный смысл – единственный эксплицитный смысл текста. Имплицитные смыслы обозначены следующим образом: модальный смысл поля автора, индивидуально-образный смысл поля переводчика, рефлексивный смысл поля реципиента, эмотивный смысл энергетического поля, культурологический смысл фатического поля. Автор определяет также источники формирования всех смыслов. Фактуальный смысл, выступающий своего рода инвариантом для переводчика, образуется на основе понимания переводчиком тема-рематической прогрессии текста: перевод всех тем и всех рем текста создает каркас будущего текста. Для понимания модального смысла переводчик изучает интенции автора, пресуппозиции, аллюзии и пр. Индивидуально-образный смысл поля переводчика основан на постижении подтекста - глубинного смысла текста. Рефлексивный смысл поля реципиента основан на прогнозировании переводчиком фонового контекста, которым владеет реципиент, его потенциальных знаний. Эмотивные смыслы раскрывают для переводчика эмоционально-экспрессивную составляющую текста оригинала, которая должна быть транспонирована в текст перевода. Источником культурологических смыслов выступают интертексты контактирующих культур: прецедентные феномены; художественное или научное творчество как автора текста, так и других представителей его эпохи, направления, сферы исследования; артефакты культуры; лингвокультурологические реалии и многие другие феномены, обуславливающие уникальность каждой культуры, ее национальную самобытность, детерминируемые столь же уникальной языковой картиной мира.

Задача переводчика состоит не только в постижении и извлечении этих разнородных смыслов, но, главным образом, в их совокупном анализе в виде

синергии и достижения синергетического эффекта. Главная особенность синергии заключается в том, что она предполагает приращение новых смыслов, приемлемых принимающей культурой. Это означает, что один и тот же текст будет «прирастать» разными культуурообусловленными смыслами при его переводе на разные языки. Это означает также, что в каждой новой культуре текст приобретет новую жизнь.

С позиций оценки качества перевода синергия смыслов в переводческом пространстве приобретает другую значимость: она приводит к гармонии как результату достижения соразмерности смыслов оригинала и перевода. В случае переводческой ошибки возникает дисгармония. Что касается традиционных критериев оценки качества перевода – адекватности и эквивалентности – они занимают промежуточное положение между гармонией и дисгармонией.

Л.В. Кушнина приходит к выводу о том, что весь текст, от начала до конца, не может быть переведен исключительно гармонично. Компоненты адекватности и эквивалентности в сочетании с компонентами гармоничности обуславливают естественное вхождение текста перевода в другую культуру. Мера гармоничности в каждом случае выявляется индивидуально, ее трудно предсказать, но к ней необходимо стремиться [Кушнина 2012: 18].

Концепция переводческого пространства вписывается в рамки современной когнитивной парадигмы исследований, что будет рассмотрено нами ниже, при описании процесса метапереводческой деятельности при транспозиции антропонима. В целом в переводческом пространстве сочетаются два основополагающих подхода: текстоцентризм и антропоцентризм, каждый из которых реализуется в тех или иных полях переводческого пространства.

Ключевая идея концепции переводческого пространства состоит в том, что смысл текста перевода представляет собой результат синергии смыслов всех полей переводческого пространства с приращением смыслов, приемлемых в принимающей культуре. При этом каждая принимающая

культура имеет уникальные культурно значимые предпочтения и ожидания, что находит отражение в достижении переводческой гармонии как динамической категории: тот перевод, который признается гармоничным в одной лингвокультуре, может оказаться неприемлемым в другой лингвокультуре, а в некоторых случаях, даже дисгармоничным. Данное положение в полной мере относится к феномену транспозиции, включая транспозицию антропонимов. Это означает, что успешная транспозиция антропонима из одной лингвокультуры в другую окажется неудачной в случае контакта других языков и культур.

Согласно концепции переводческого пространства, антропоним может быть переведён гармонично, дисгармонично, адекватно, эквивалентно, что характеризует различные уровни рецепции иноязычного и инокультурного текста/дискурса коммуникантами.

Проиллюстрируем на конкретных примерах различные уровни перевода антропонимов.

1) Адекватный перевод ИС с русского языка на французский:

<i>Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова</i>	<i>Anna Sergueevna ne parlait plus et respirait le parfum des fleurs sans regarder Gourov</i>
(Чехов 1993: 34).	(Tchekhov1993:35).

Данный перевод мы признаем адекватным, так как переводчик воспользовался традиционным приемом передачи ИС – транскрипцией.

2) Эквивалентный перевод ИС с русского языка на французский:

<i>Константин Гаврилович Тrepлев</i>	<i>Konstantin Gavrilovitch Trepliev</i>
(Чехов, Чайка)	(Tchekhov1993:35).

В данном случае перевод имени *Константин* как *Konstantin* мы признаем эквивалентным, так как его звучание на французском языке отличается от оригинала (букв.: *Константэн*).

3) Гармоничный перевод ИС с русского языка на французский

<i>Я скажу тебе</i>	<i>Je l'affirme, Mary-Ange,</i>
<i>С последней прямой</i>	<i>Ma Chérie,</i>
<i>Все лишь бредни, шерри-бренди</i>	<i>Cherche, - rien ne vaut au change</i>
<i>Ангел мой.</i>	<i>Le cherry.</i>
<i>Там, где эллину сияла</i>	<i>Là, ou le pean d'Homère</i>
<i>Красота,</i>	<i>Résonnait,</i>
<i>Мне из черных дыр зияла</i>	<i>Je n'ai vu que la misère</i>
<i>Срамота.</i>	<i>Qui béait.</i>
<i>Греки сбондили Елену</i>	<i>Eux. - Hélène qu'ils kidnappent,</i>
<i>По волнам</i>	<i>Tout ardents;</i>
<i>Ну а мне – соленой пеной</i>	<i>Moi, -l'écume qui me tape</i>
<i>По губам.</i>	<i>Dans les dents.</i>
<i>По губам меня помажет</i>	<i>Dans les dents, pour mono bole,-</i>
<i>Пустота,</i>	<i>“Va aux Grecs!”</i>
<i>Строгий кукиш мне покажет</i>	<i>Honte et vide, à tasse folle,</i>
<i>Нищета.</i>	<i>Et cul sec!</i>
<i>Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,</i>	<i>Crie, crie pas, tu peux en croire</i>
<i>Все равно.</i>	<i>Un mortel,</i>
<i>Ангел Мэри, пей коктейли,</i>	<i>Ange, mange, non pas sans boire</i>
<i>Дуй вино!</i>	<i>Tes cocktails.</i>
<i>Я скажу тебе с последней</i>	<i>Je l'affirme, Mary-Ange,</i>
<i>Прямой:</i>	<i>Ma Chérie,</i>
<i>Все лишь бредни, шерри-бренди,</i>	<i>Cherche, -rien ne vaut au change</i>
<i>Ангел мой!</i>	<i>Le cherry.</i>

[О.Мандельштам: с. 120-122].

[там же: p.122- 123).

Поясним, почему перевод стихотворения О. Мандельштама на французский язык мы признаем гармоничным. Во-первых, гармония в данном случае проявляется на уровне целого текста. Как видим, в тексте оригинала мы встречаем ИС *Ангел Мэри* в шестой строфе, в то время как в переводе это же ИС встречается дважды: в первой и в последней строфах: *Mary-Ange*. В оригинале первая и шестая строфы содержат лишь апеллятив:

Ангел мой. Возникает своего рода асимметрия в употреблении ИС, но именно эта асимметрия становится источником гармоничного перевода поэтического текста, воссоздавая для франкоязычного читателя тот же ритм, ту же мелодику стиха.

Кроме того, гармоничный перевод становится таковым лишь в результате синергии смыслов, извлекаемых переводчиком в различных полях переводческого пространства: перемещение ИС в переводе в те строфы, где его не было в оригинале, говорит о приращении смыслов как наиболее явном результате синергии. Если в оригинале автор обращается к своей героине как «ангел мой», то в переводе характер обращения удваивается: *Ma Chérie* (Р.Я.: *моя дорогая*), *Mary-Ange* (РЯ.: *Ангел Мэри*, что явно свидетельствует о приращении смыслов. Синергия возникает в поле переводчика, в частности, при использовании обращения *Mary-Ange*, и в фатическом поле: *Ma Chérie*, использованием обращения, которое является типичным для французской лингвокультуры, и отражает добрые, искренние отношения мужчины и женщины.

Таким образом, синергетическая концепция переводческого пространства Л.В. Кушниной лежит в основе нашего анализа метапереводческой транспозиции ИС в художественном и театральном дискурсах, что позволит нам опираться на критерии гармоничного перевода при оценке его качества.

Развивая идеи переводческого пространства, сформулированные в концепции Л.В. Кушниной, а также идеи метаперевода, изложенные Н.А. Пластининой, можно предположить, что, наряду с переводческим пространством, существует метапереводческое пространство, которое мы намерены описать в данном параграфе.

Начнем с уточнения понятий «метатекст», «метаперевод», «паратекст», «параперевод». Несмотря на то, что метатекстовая и метапереводческая деятельность существуют давно, сами термины появились лишь в конце XX века. При этом зарубежные исследователи склоняются к терминам

«paratranslation» (англ.), «paratraduction» (франц.), а отечественные ученые предпочитают термин «метаперевод», который мы также используем в нашей работе.

Франкоязычные исследователи исследуют проблемы параперевода. Нас заинтересовала работа М.П. Идальго [Panchon Hidalgo 2014].

М. Паншон Идальго поясняет, что концепт «параперевод» был введен в научный оборот в Испании в г. Виго в 2004г. Данный концепт представляет собой совокупность вербальных, иконических, вербально-иконических и материальных паратекстов, издаваемых вместе с текстами переводов, а сами паратексты понимаются как все то, что сопровождает и окружает собственно текст. В оригинале: “Le concept ‘paratraduction’ fut créé à Vigo (Espagne) en 2004 et fait référence à l’ensemble visuel des productions verbales, iconiques, verbo-iconiques et matérielles des paratextes édités dans les traductions, considérant les paratextes comme tout ce qui accompagne et encadre le texte proprement dit” [Panchon Hidalgo 2014: 137]. Автор поясняет, что цель параперевода состоит в создании исторического и культурного контекста, облегчающего восприятие читателя. Параперевод создается переводчиком для того, чтобы не только представить выполненный им собственно перевод, но быть уверенным, что текст перевода будет успешно воспринят реципиентом. М. Паншон Идальго делает акцент на том, что параперевод предполагает создание новых визуальных компонентов, в частности, речь идет об иллюстрации на обложке переведенной книги, которая должна быть, по мнению исследователя, более выразительной, чем иллюстрация к тексту оригинала, чтобы привлекать потенциального испаноязычного читателя к французскому роману.

Одним из первых отечественных лингвистов, который обозначил границы метапереводческой деятельности и ее виды стал В.Б. Кашкин. Выступая на «Десятых Федоровских чтениях», ученый представил свое видение метакогнитивных исследований перевода [Кашкин 2009]. В.Б. Кашкин пишет: «Среди аспектов обширного поля метапереводческой

деятельности перечислим следующие: обыденные представления (клиента, заказчика и т.п.) о переводе, представления начинающего переводчика, формирование научно обоснованных представлений в процессе подготовки профессионала, параметры (собственной и чужой) оценки перевода, комментарии и примечания, общественные представления о переводческой деятельности и т.п.» [Кашкин 2009: 231]. Ученый подчеркивает, что этот список не является исчерпывающим, но во всех этих сферах отмечается охват различных видов околопереводческой деятельности, отражающей ментальные движения переводящей личности. В этой же работе автор формулирует жанры метаперевода и относит к ним вступительные и заключительные статьи к переводам (предисловия и послесловия переводчика), сноски и внутритекстовые примечания, критические статьи, воспоминания переводчиков, художественную литературу и фильмы о переводчиках, размышления о переводе и пр. Ученый приходит к выводу о том, что можно проследить «...целый континуум взаимоотношений собственно текста перевода и вынужденного метаперевода.... метатекст, фактически принадлежащий автору перевода, и являющийся посторонним по отношению к исходному авторскому тексту, стремится слиться с финальным текстом, предъявляемым потребителю перевода» [Кашкин 2009: 238]. В этом высказывании В.Б. Кашкин излагает суть метапереводческой деятельности, и данная позиция является для нас отправной точкой при изучении метапереводческой транспозиции. Важны также рассуждения ученого о когнитивной составляющей метапереводческой деятельности, вовлеченной в континуум идей, мыслей, мнений о процессе перевода как одном из способов познания и интерпретации окружающего мира.

Принимая идеи В.Б. Кашкина как основополагающие, мы обратились к работам других ученых, которые изучали различные виды метапереводческой деятельности, но не рассматривали их в рамках общей проблемы метаперевода. Известны работы, посвященные переводческим комментариям, переводческим примечаниям, переводческому

комментированию, которые можно было бы объединить единым термином – метаперевод, что позволит представить более полную картину данного феномена.

Мы обратили внимание на исследование Н.И. Герасимовой «Примечания» как продукт рефлексии переводчика в философском переводе» [Герасимова 2008]. Автор статьи анализирует два направления переводческой рефлексии: обоснование средств перевода и прогнозирование уровня понимания текста реципиентом. В основе рассуждений автора лежит предположение о том, что текст перевода является когнитивной базой реципиента, при этом когнитивная база автора философского текста и читателей в общих чертах совпадает. С позиций обоснования средств перевода описываются две стратегии: цитирование на языке оригинала и уточнение семантики посредством комментирования внутренней формы слова. Цитирование предназначено для читателей, владеющих иностранным (английским) языком, например, для передачи неперевоаемой игры слов. Стратегия уточнения семантики внутренней формы слова используется при наличии расхождений возможностей исходного и переводящего языков.

Прогнозирование уровня понимания текста реципиентом осуществляется за счет расширения когнитивной базы реципиентов. С этой целью используются следующие возможности: описательный перевод реалий в форме культурологической или энциклопедической справки, дублирование иноязычных «вкраплений», интерпретация аллюзий, реминисценций, каламбуров, или смысловая реконструкция денотата. Н.И. Герасимова приходит к следующему выводу: «В большинстве случаев текстовые разъяснения примечаний переводчика сосредоточены на экстралингвистическом фоне произведения, прояснение которого позволяет активизировать в переводе те средства текстопостроения (игра слов, аллюзии, реминисценции и т.д.), которые, по замыслу автора, способны вызвать рефлексию читателя» [Герасимова 2008: 542]. Благодаря комментированию, переводчик обеспечивает понимание реципиентом

имплицитных смыслов исходного текста, тем самым текст продолжает свое существование в другой лингвокультуре. Идеи ученого представляют несомненный интерес для нашего исследования и выявления типологии метапереводческой транспозиции ИС. В этом смысле важно замечание М.Л. Гаспарова, отмечавшего, что перевод начинает интерпретацию, а комментарий ее продолжает [Гаспаров 2004].

Диссертационное исследование Н.А. Пластининой «Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на примере переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту)», выполненное в 2018 г., раскрывает сущность речемыслительной деятельности переводчика и обосновывает роль категории метапереводческого пространства. Как отмечает автор работы, метаперевод является сложным синергетическим феноменом, так как «... содержит как новые смыслы, привносимые переводчиком, так и «расшифрованные» смыслы автора, что в совокупности порождает смыслы реципиента» [Пластинина 2018: 12]. Автор исследования вводит понятие метадискурсивной деятельности переводчика, трактуемой как «... коммуникативное событие, интегративная совокупность коммуникативных актов: аппроксимация текста оригинала, рецепция и ассимиляция текста перевода принимающей культурой» [Пластинина 2018: 15].

В коллективной монографии «Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология», опубликованной в 2020 г., Н.А. Пластинина следующим образом объясняет данные процессы: «Переводчик является первым читателем оригинала и в отличие от «обычного, рядового» читателя, прочитывает его не для себя, а для «кого-то еще», т.е. потенциального читателя. Он первым осуществляет аппроксимацию текста оригинала («взвешивание» и прогнозирование трудностей восприятия исходного текста), его рецепцию (воспроизводит его в виде перевода) и ассимилирует

его в иноязычной культуре (наращивает основной текст метатекстом)» [Пластинина 2020: 57].

Как показало данное исследование, обращение внимания на создание метатекста позволяет говорить о новом комплексе переводческих задач, таких как анализ текста перевода, порождение текста перевода, создание текста метаперевода, придающего привлекательность для потенциального читателя и оригинала, и перевода. Метаперевод обладает, по мнению исследователя, так называемой символической ценностью, что позволяет ему выполнять культуруформирующую функцию, т.е. стать феноменом другой культуры. Иными словами, переводческий метатекст лишь усиливает эффект гармонизации смыслов между автором, переводчиком и реципиентом. Ассимиляция текста перевода и метаперевода принимающей культурой обуславливает управление пониманием читателя и обеспечивает тем самым медиацию между автором и читателем. Этот вывод представляется существенным при изучении метапереводческой транспозиции ИС, так как раскрывает значимость метадикурсивной деятельности переводчика, обеспечивающего дальнейшее существование переводного текста в новой языковой и культурной среде.

Как показало изучение теоретических основ метаперевода, специальных исследований, посвященных метапереводческим аспектам функционирования имени собственного, не проводилось. Между тем, в исследовании Н.А. Пластининой при анализе синергетического эффекта, возникающего при создании переводческого предисловия, обсуждается метаперевод имен собственных с английского языка на русский. В качестве примера использован поэтический текст О.Нэша в переводе М.Л. Матвеева [Пластинина 2018: 20-22].

Приведем фрагмент оригинала и перевода:

PG Wooster, Just as he Useter

Which came first, the egg or the moster?

Вот Пэлем Вустер, вновь жив и

шустр он

<i>PG Wodehouse or Bertram Wooster?</i>	<i>Кто первый из них?</i>
<i>I know hawk from handsaw,</i>	<i>Кто яйцо, а кто курица,</i>
<i>and Finn from Fiji...</i>	<i>Вустер? Вудхаус?</i>
	<i>Тут впору нахмуриться...</i>

На примере перевода заголовка исследователь поясняет, что русская лексема *шустр* созвучна не только имени собственному оригинала *Вустер* (*Wooster*), но и имени издателя *Шустер* (*Schuster*). Заметим, что Н.А. Пластинина в данном случае продемонстрировала порождение новых смыслов при переводе, обладающих «притягательной силой» как одного из компонентов сложного текстового комплекса, включающего текст оригинала, текст перевода, переводческий метатекст. Нам важно подчеркнуть, что метапереводческая деятельность не исключает передачу антропонима.

В рамках данного параграфа была рассмотрена синергетическая концепция перевода - переводческое пространство. Были проанализированы принципы метапереводческой деятельности, направленные на создание переводческого метатекста, раскрывающего или дополняющего содержание текста перевода, что может быть положено в основу исследования процесса передачи антропонимов.

В следующих параграфах данной главы будет рассмотрен феномен транспозиции, исследование которого в переводческом аспекте в совокупности с метапереводческой деятельностью позволит пролить свет на некоторые проблемы функционирования антропонима в другой лингвокультуре.

2.3. Антропоним в аспекте транспозиции

Необходимо начать с того, что всплеск научного интереса к феномену транспозиции наблюдался в первой половине XX века, затем появлялись отдельные исследования в этом направлении. И если зарождение теории

транспозиции состоялось гораздо раньше, то в настоящее время почти отсутствуют работы в данной сфере. Между тем, при изучении проблем передачи имени собственного одним из распространенных способов учеными называется транспозиция. Об этом пишет Д.И. Ермолович, который рассматривает транспозицию как один из возможных способов передачи ИС в другой язык. Именно такой подход позволил нам обратить внимание на возможность исследования транспозиции в переводческом аспекте.

Исследование имени собственного в нашей работе проводится с позиций феномена транспозиции, являющегося универсальным языковым механизмом. Интерес к транспозиции возник в связи с тем, что мы имеем дело не только с процессом перевода антропонима, но также с метапереводческим процессом, что обусловлено выбором материала и направления исследования.

В связи с тем, что мы изучаем транспозицию антропонима в художественном и театральном дискурсах, было бы интересно проследить различные проявления транспозиции, например, транспозицию антропонима из текста пьесы в текст театрального представления, осуществляемую переводчиком. По сути, речь идет о двух видах перевода: сначала текст пьесы переводится с иностранного языка на родной, в нашем случае, с французского языка на русский, а затем текст пьесы переводится в сценический текст, причем этот процесс можно назвать «перекрестным»: переводчик обращается и к тексту оригинала, и к тексту перевода, создавая особый метатекст, который будет положен в основу сценического произведения. Данное направление исследований касается исключительно театрального дискурса, и оно могло бы стать предметом специального рассмотрения. Мы изучаем в работе другие особенности транспозиции антропонима, свойственные и художественному, и театральному дискурсу.

Прежде всего, считаем целесообразным обратиться к пониманию транспозиции в широком лингвистическом аспекте, соотносимым со знаковой природой языка.

Термин транспозиция введен в лингвистику в начале XX века Ш. Балли. Сущность данного явления ученый охарактеризовал следующим образом: «...Языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-либо лексической категории, к которой он не принадлежит» [Балли 1965: 130]. Ш. Балли расценивал транспозицию как функциональное изменение языкового знака, что позволяет отнести данный феномен к языковым универсалиям. Роль транспозиции в языке как знаковой системе ученый оценил так: «замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки» [Балли 1961: 143]. Как видим, в этом высказывании заложены идеи когнитивной лингвистики и теории дискурса, т.к. ученый рассматривает транспозицию сквозь призму мыслительной деятельности говорящего, ориентированной на порождение дискурсивной речевой деятельности.

По мнению Ш. Балли, транспозиция есть следствие актуализации принципа асимметрии между означающим и означаемым. В результате механизма транспозиции, который в силу его связи со структурой языкового знака носит универсальный характер, в речевом контексте слово обогащается новыми смыслами, которые могут быть представлены в виде коннотативных оттенков. Но Ш. Балли писал о внутриязыковой транспозиции. Если же мы будем рассматривать межъязыковую транспозицию имени собственного, то приобретение новых смыслов антропонимами является вполне закономерным. Естественно, что смыслообразование на межъязыковом уровне приобретает свои характерные черты. Интерес вызывает и мнение Ш. Балли о том, что характерной чертой транспозиции является ее свойство иметь свою точку отправления и точку прибытия, что также свойственно переводу, где есть исходный текст оригинала и текст перевода. Ученый

различает два типа транспозиции: направленная и свободная, что также может найти отражение в межъязыковой транспозиции.

Теория транспозиции, разработанная Ш. Балли, в течение долгого времени была предана забвению, затем она получила дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных ученых. Наибольшее значение в рамках нашей работы приобретают результаты исследований Е.С. Кубряковой, которая следующим образом сформулировала сущность транспозиции: «Возможность транспозиции означает, что человек понимает не только дискретность объективной действительности, ее разделенность на классы явлений с более или менее устойчивыми признаками, но и тесные связи между этими явлениями, их отношения между собой. В какой-то мере можно расценивать транспозицию как отраженное в языке понимание природы с отсутствием в ней жестких границ и диалектики бытия. Транспозиция – это лингвистическое средство, способствующее закреплению за новым наименованием его диалектически понятых свойств» [Кубрякова 1978: 67]. Из этого определения можно сделать следующие выводы: во-первых, исследователь подчеркивает динамический, процессуальный характер транспозиции, во-вторых, реальное бытие языковых явлений возможно лишь в случае их функционирования в речи, в-третьих, акцентируется внимание на тесной связи теории транспозиции и теории номинации, что приобретает особое значение в нашей работе, исследующей номинативные функции языка и речи.

Е.С. Кубрякова утверждает, что транспозиция есть особая форма переосмысления языкового знака. Ученый объясняет происхождение транспозиции воздействием экстралингвистических факторов: в обществе появляются новые понятия и реалии, появляется потребность их обозначения, но не путем создания действительно новых названий, а путем перевода знаков из одной категории в другую.

Значительный вклад в учение о транспозиции внес В.Г. Гак, который изучал синтаксическую транспозицию - использование частей речи во

вторичных функциях [Гак 1985] По мнению В.Г. Гака, транспозиция представляет собой один из случаев проявления вторичной функции. Необходимо подчеркнуть, что начало исследованию проблемы первичных и вторичных функций положил Е. Курилович. Ученый относит к первичным, исходным функциям неотмеченные синтаксические функции, т.е. не нуждающиеся в специальной примете. Это означает, что первичные функции задает система языка. Что касается вторичных функций, они возникают в процессе употребления языковых единиц в речи, т.е. является следствием определенных условий коммуникации, что особенно значимо для нашей работы [Курилович 1962].

Сущностная характеристика транспозиции предложена О.М. Ким, которая акцентирует внимание на «механизме обмена функциями между элементами функционально и семантически противоположных классов и установлении асимметричных отношений между категориальным значением и функцией» [Ким 1978: 42].

Идея языковой асимметрии в течение многих лет волнует ученых. Начиная с работы С.А. Карцевского «Об асимметрическом дуализме языкового знака», впервые опубликованной в 1929 г., лингвистами признается тот факт, что обозначающее и обозначаемое находятся в состоянии «неустойчивого равновесия», т.к. они асимметричны. Асимметрия выражается, прежде всего, в стремлении обозначаемого быть выраженным другими средствами, и в стремлении обозначающего приобрести новые функции, что является предпосылкой эволюции языкового знака [Карцевский 1965].

В работах В.Г. Гака идея языковой асимметрии также нашла воплощение. Ученый анализировал проявление синтагматической и семиотической асимметрии в языке. Так, синтагматический аспект проявляется в асимметричном соотношении смысловых и формальных единиц: одна смысловая единица может быть выражена сочетанием двух и более формальных единиц (развернутое обозначение, аналитические

конструкции, фразеологизмы), одна формальная единица выражает две и более смысловые единицы (свернутое обозначение, конденсация, кумуляция). Семиотический аспект касается таких явлений как отсутствие ожидаемой формальной единицы при наличии соответствующей смысловой (упрощенное обозначение, нулевой знак, эллипсис, умолчание) или отсутствие ожидаемой смысловой единицы при наличии соответствующей формальной (десемантизация, семиотическая избыточность знака) [Гак 1977, 2000].

В исследованиях Н.К. Рябцевой дана трактовка асимметрического дуализма языкового знака как «...отсутствие жесткого, однозначного, неизменного, формального и прямого соответствия между двумя его сторонами и потому в возможности изменения одной из них при сохранении другой (например, в возникновении у *одного* слова *нескольких* значений, ср. *коса*)» [Рябцева 2005: 20]. Это ключевое свойство предопределяет многие другие: неоднозначные соответствия между формой и содержанием, содержанием и значением, значением и смыслом, смыслом и способом его выражения и пр. В результате возникают, по мнению Н.К. Рябцевой, дополнительность и компенсаторность, противопоставленность и неразрывность, нерегулярность, неединообразность, совмещенность, наличие разнообразных исключений и лакун. Например, *поздравляю – поздравлю, побеждаю – победу* [Рябцева 2005].

В настоящее время появляются исследования, в которых асимметрия языкового знака исследуются не только на внутриязыковом или внеязыковом уровне, но также и на уровне взаимодействия культур при переводе. Эта идея нашла воплощение в диссертационном исследовании Н.Г. Гончар, которой удалось показать, что асимметрия, наблюдаемая на межкультурном уровне, выступает сущностным свойством перевода [Гончар 2009]. Предметом исследования Н.Г. Гончар стала этнолингвокультурная асимметрия, которая обладает двойственной природой. В одном случае она приводит к

переводческими ошибкам и несоответствиям, в другом случае именно асимметрия обуславливает порождение гармоничного текста перевода.

Приведем пример проявления этнолингвокультурной асимметрии, выступающей как позитивный текстоформирующий фактор [Гончар 2009: 13]:

- *Funfundzwanzig Jahre Sibirien fur ein halbes Pfund Kaffee!* – Двадцать пять лет в Сибири за полкило кофе!
- *Die Geschichte kenn ich auch, aber da war ein halbes Jahr Siobirien fur- Funfundzwanzig Pfund – Kaffee* – Знаю я эту историю. Ты спутал, дядя: полгода в Сибири за двадцать пять кило кофе..

Как поясняет Н.Г. Гончар, в фатическом поле переводческого пространства асимметрия проявляется в том, что немецкая мера веса *Pfund*, равная 500 гр., заменена русской мерой веса, равной 1000 гр. Данный перевод признается исследователем гармоничным, так как в сознании русскоязычного реципиента возникли те же ассоциации, которые были запланированы автором текст.

Таким образом, транспозиция является языковой универсалией, связанной с билатеральностью языкового знака, функционирование которого характеризуется как симметричными, так и асимметричными отношениями между двумя сторонами знака. При этом именно асимметрия выступает текстообразующим фактором, что в ситуации перевода обуславливает порождение гармоничного текста перевода.

Механизм транспозиции может быть рассмотрен в различных аспектах. Наше внимание привлекли исследования лингвистов-дериватологов, которые внесли свой вклад в понимание транспозиционных преобразований как внутри одного языка, так и в межъязыковой коммуникации. Деривационная динамика языка, или дериватология, как самостоятельное направление исследований приобрела расцвет в 1980-е годы прошлого века благодаря исследованиям Л.Н. Мурзина и созданной им научной школы, где среди

прочих проблем изучалась транспозиция как деривационный механизм [Мурзин 1984]. Интерес к исследованию деривационных процессов не прекращается до сих пор.

Механизм транспозиции в деривационном аспекте исследован О.И. Ким, которая объясняет его как «...обмен функциями между элементами функционально и семантически противоположных классов и установлении асимметричных отношений между категориальным значением и функцией» [Ким 1978: 42].

Как подчеркивает С.Ф. Плясунова, суть дериватологии состоит в том, что «дериватология изучает функцию и семантику лингвистических единиц в тексте....Эти процессы непосредственно ненаблюдаемы, ибо они протекают на речемыслительном уровне, в сознании говорящих, и поэтому о деривации можно судить лишь по некоторым результатам, по косвенным данным, по каким-то ее внешним причинам, оставленным в тексте» [Плясунова 2019: 40].

С позиции исследования деривационных процессов, транспозиция рассматривается как разновидность лингвистической компрессии, обладающей специфическим характером семантического сдвига транспозита: семантика определяемого компонента имплицитно входит в семантику транспозита.

Изучение внутриязыковой транспозиции имени собственного в художественном тексте также вписывается в рамки деривационных процессов. Рассмотрим проявления внутриязыковой транспозиции как деривационного процесса в художественном тексте, где она принимает форму языковой игры. Ярким примером языковой игры личного имени собственного как проявления внутриязыковой транспозиции является текст романа современного французского писателя Оливье Бурдо «В ожидании Божангла» (Olivier Bourdeaut "En attendant Bojangles"). Этот роман, впервые опубликованный в 2015 году, стал литературной сенсацией Франции.

Дебютное произведение молодого автора получило признание сразу после его публикации. Его перевод на русский язык выполнен И. Волевич в 2017г.

В этом романе критики отметили влияние Бориса Виана и Льюиса Кэролла.

В центре повествования – семья: Папа, Мамочка, сын и ручная журавлиха. Родители безумно любят друга, и их любовь выливается в страстные танцы под песню Дж. Уокера «Мистер Божанглз» в исполнении известной джазовой певицы Нины Симон. Экстравагантность главной героини романа, которую автор называет «Maman», а в переводе «Мамочка», состоит в том, что она предлагает супругу каждые два дня называть ее разными именами. Писатель создает тем самым необычную языковую игру с ИС. И если в начале романа имена главных героев – Georges et Georgette (Жорж и Жоржетта), то на протяжении романа Папа остается Жорж, в то время как Мамочка появляется в самых различных именах-образах: Pauline (Полин), Marguerite (Маргерит), Marie-Lou (Мари-Лу), Annette (Аннет), Hortense (Ортанс), Henriette (Анриетта), Elsa (Эльза), Eugène (Эжен), Renée (Рене) и др.

Судьба Мамочки складывается трагически: из веселой, вечно танцующей под волшебную музыку Мистера Божанглза хозяйки бала она превращается в несчастную больную, пациентку психиатрической больницы, и затем навсегда исчезает из жизни, увлекая за собой Папу, чтобы эта сумасшедшая и прекрасная история любви продолжалась вечно.

Эта история находит объяснение в работе Р.С. Кудряшовой и Л.Ф. Фатыховой, которые отмечают, что смена имени героев в художественном тексте означает смену в их судьбе, что и произошло с Мамочкой [Кудряшова, Фатыхова 2017]. Поясним, что Мамочка не просто постоянно меняет имена, но автор наделяет свою героиню красивыми женскими именами, в то время как остальные персонажи обладают скорее прозвищами, чем именами: Yaourt, Ordure, Bulle (Йогурт, Мусор, Пустышка).

В данных случаях мы наблюдаем внутриязыковую транспозицию, т.е. смещение функциональных особенностей ИС внутри текста и внутри одного языка. Вместе с тем, анализируя перевод романа на русский язык, мы наблюдаем проявления межъязыковой транспозиции, что будет проанализировано в третьей главе нашего исследования.

Исследование деривационного механизма компрессии с позиций современной когнитивной лингвистики проводится С.Ф. Плясуновой, которая также развивает идеи Л.Н. Мурзина. Исследуя текстообразующую функцию метафоры и метонимии, в частности, такое комплексное явление, которое состоит из цепочки метафор и метонимий и образует метафтонимию, автор описывает процесс деривации метонимических смыслов и разрабатывает деривационную модель метонимии [Плясунова 2019]. Описанная автором модель метонимии является частным случаем деривационной модели, в рамках которой сам процесс метонимизации означает функциональное изменение исходной единицы, которая употребляется в новом качестве. При этом семантическая структура результирующей единицы как один из способов лексического оформления результата компрессии, представляется гибкой и разнообразной.

Представляется, что идеи дериватологии, касающиеся внутриязыковой динамики, в частности, механизмов компрессии, находят отражение и в межъязыковой динамике, в процессе преобразования языковых единиц из одного языка в другой. Транспозиция антропонимов при их переводе с русского языка на французский и с французского языка на русский при определенных лингвистических и экстралингвистических условиях подвержена тем же механизмам компрессии.

Основная идея транспозиционных преобразований заложена в противоречивой природе языкового знака: с одной стороны, она связана с асимметрией языкового знака, с другой стороны, с приобретением языковым знаком вторичных синтаксических функций. Кроме того, деривационное описание процесса транспозиции выявляет текстообразующую, а вслед за

ней, и дискурсообразующую функцию транспонируемых единиц, что мы намерены наблюдать на примере антропонимов.

2.4. Метапереводческая транспозиция поэтонимов и театронимов в арт-дискурсе

Рассмотрев в предыдущем параграфе сущность транспозиции как универсального механизма языка и деривационного механизма порождения текста и дискурса, а также изучив метапереводческую деятельность, ориентированную на приближение текста перевода к культуре реципиента, мы посчитали возможным ввести понятие **метапереводческой транспозиции как комплексного феномена, объединяющего механизмы транспозиции и метаперевода, характеризующие процесс передачи имени собственного-антропонима из одной лингвокультуры в другую.** Мы выдвинули предположение о том, что было бы целесообразным ввести понятие метапереводческой транспозиции, которая может рассматриваться как стратегия передачи антропонима из арт-дискурса одной лингвокультуры в другую.

В качестве научных предпосылок введения данного понятия мы опираемся на идею вторичной номинации ИС.

В исследованиях В.Г. Гака, посвященных типологии лингвистических номинаций раскрывается сущность вторичной номинации, которую мы соотносим с феноменом транспозиции [Гак 1977]. Ученый рассуждает следующим образом. Каждый языковой элемент имеет в языке особую функцию, ради которой он был создан. Это первичная функция языкового элемента, которая обладает первичной языковой формой. Но форма способна приспособливаться для выполнения других функций. Так возникает вторичная функция и вторичная лексическая номинация. Благодаря данному процессу используются имеющиеся номинативные средства языка, Вторичные номинации основаны на ассоциативном характере человеческого

мышления, а сам процесс переосмысления в актах вторичной номинации происходит по метафорическому или по метонимическому типу [Гак 1977].

Согласно концепции Ш. Балли, именно приобретение вторичной функции является показателем транспозиции.

Необходимо подчеркнуть, что идея первичных и вторичных функций, а также их четкое разграничение впервые была высказана Е. Куриловичем, который подчеркивал следующую мысль: «Первичной функцией данной формы называется та, которая является независимой от семантического или синтаксического контекста, вторичной – функция зависимая от контекста... первичная функция базируется на релевантных противопоставлениях, вторичная – на первичной плюс контекст» [Курилович 1965: 411]. В настоящее время бесспорно, что «...лишь та семантическая теория может считаться адекватной, которая удовлетворительно объясняет не только первичные, но и вторичные функции» [Мурзин 1986: 4].

Представленная выше транспозиция носит общелингвистический характер. Между тем, появляются ономастические исследования, в которых исследуются вторичные номинации, что может быть проанализировано в свете теории транспозиции. Так, в диссертационном исследовании Е.А. Москаленко, посвященном функционально-прагматическим особенностям неофициальных именовании лица, важнейшим категориальным признаком официальных и неофициальных имен признается их первичность/вторичность. Можно предположить, что именно вторичная функция последних позволяет рассматривать их сквозь призму транспозиции, что расширит теоретическую базу проводимого нами исследования.

Речь идет о неофициальных именовании человека, созданных в результате имьятворчества, т.е. вне официального процесса номинации, что характеризует снижение стандарта общения в современном обществе. Эти номинации служат для выражения неформальных межличностных отношений.

Автор исследования высказывает мысль о «потенциальной многоименности» индивида, что, с одной стороны, подчеркивает социальную обусловленность именованности, с другой стороны, многообразие речевого проявления официальной номинации в зависимости от коммуникативной ситуации. Мы полагаем, что внутрилингвистическим механизмом этого процесса выступает именно транспозиция как отражение вариативности и динамичности онимов, что приводит к семантико-прагматическому сдвигу. Вторичность, о которой говорит автор, реализуется в виде вторичной синтаксической функции исходного онима, что мы относим к транспозиции. Данная концепция «сближает» теорию номинации и теорию транспозиции. Как подчеркивает Е.А. Москаленко, «...множественные антропонимы обретают вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникшим ассоциациям, которые впоследствии могут закрепляться в речевой практике и фиксироваться в словарях» [Москаленко 2015: 13].

Согласно представленным выше концепциям, транспозиция является общелингвистическим механизмом функционирования языковых и речевых единиц, что позволяет им выступать средством вторичной номинации.

Рассмотрим теперь, какую роль играет межкультурная транспозиция антропонимов и метапереводческая деятельность при передаче антропонимов. Создание метатекста ориентировано на передачу антропонимических смыслов из одной лингвокультуры в другую. Межкультурная транспозиция представляет собой актуализацию принципа асимметрии как естественного свойства естественного языка. Языки асимметричны по природе, поэтому семантический и функциональный сдвиги при переводе столь же естественны. При передаче антропонима как любого другого языкового знака межкультурная транспозиция также характеризуется асимметрией. Но если транспозиция является имманентным свойством языка и речи, то метатекст является продуктом сознательной деятельности переводчика. В связи с этим метапереводческая транспозиция представляется нам организованным, целенаправленным процессом,

результатом которого должен стать гармоничный перевод. В связи с этим метапереводческая транспозиция может стать для переводчика стратегией, благодаря которой он создаст гармоничный перевод.

Итак, мы рассматриваем метапереводческую транспозицию антропонима в переводческом пространстве как одну из переводческих стратегий, реализуемую посредством выбора определенной переводческой тактики в рамках поставленной переводческой задачи.

Как известно, исследование переводческой стратегии неоднократно рассматривалось учеными. Согласно ключевым принципам переводческой стратегии сформулированным В.Н. Комиссаровым, данное понятие включает в себя следующие компоненты: понимание оригинала, корректная интерпретация интенций автора, выявление иерархической и ценностной структуры оригинала, достижение соответствия перевода нормам языка и прагматическим задачам перевода [Комиссаров 1990].

В работе мы опираемся на трактовку переводческой стратегии, предложенную О.А. Бурукиной: «Переводческая стратегия – это общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода, разработанный с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации (включая характеристики переводимого текста), рассчитанный на некоторый период времени. Переводческая стратегия предполагает эффективное использование имеющихся у переводчика ресурсов для достижения основной цели» [Бурукина 2009: 79].

Поясняя роль переводческих стратегий, О.А. Бурукина вводит понятия набора переводческих стратегий, промежуточных тактических задач и переводческих тактик как конкретных инструментов реализации стратегии. О.А.Бурукина предлагает следующее определение переводческой тактики: «переводческая тактика - это план выполнения конкретной переводческой задачи в рамках намеченной переводчиком стратегии перевода данного

текста.... Переводческая тактика реализуется в конкретном способе перевода» [Бурукина 2009: 79-80].

Данная трактовка переводческой стратегии и тактики является основополагающей для нашей работы. Суть наших рассуждений сводится к следующему. В переводческом пространстве арт-дискурса выбирается стратегия гармоничного перевода, предполагающая, что в тексте перевода происходит порождение смыслов, соразмерных смыслам оригинала. Механизмом этого процесса является синергия, т.е. синергетический эффект возникает в результате приращения новых культурно значимых смыслов. Гармонизация смыслов в переводческом пространстве путем метапереводческой транспозиции – это общий план действий переводчика, который можно уподобить переводческой стратегии. Но перед нами стоит конкретная переводческая задача – гармонично передать антропоним. Для решения поставленной переводческой задачи необходим набор различных тактических решений. В связи с этим различные виды и типы метапереводческой транспозиции при передаче ИС можно рассматривать как переводческие тактики. В качестве переводческой задачи можно обозначить создание такого переводческого метатекста, который обеспечивает естественное восприятие и понимание иноязычным и инокультурным реципиентом.

Таким образом, иерархическая цепочка, выстроенная О.А.Бурукиной, а именно: цель - стратегия – задача – тактика – способ, в нашей работе уточняется и приобретает следующий вид:

- 1) цель – гармоничный перевод имени собственного-антропонима;
- 2) стратегия – метапереводческая транспозиция;
- 3) задача: обеспечить понимание ИС иноязычным и инокультурным реципиентом;
- 4) тактика – выбор одного из двух типов метапереводческой транспозиции: создание основного метатекста; создание периферийного метатекста

5) способ – выбор конкретного подтипа метапереводческой транспозиции.

Таким образом, в работе мы вводим понятие метапереводческой транспозиции, представляющей собой одну из возможных стратегий передачи антропонима, типология которой будет представлена в третьей главе нашего исследования.

В настоящее время лингвисты акцентируют внимание на когнитивной функции языка, а специалисты в области перевода – на когнитивной функции перевода. Когнитивный подход к языку и переводу означает, что язык расценивается как средство познания и мышления, а в ситуации с художественным переводом – средство интерпретации глубинного содержания текста/дискурса. Когнитивное переводоведение нацелено на выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе речемыслительной деятельности переводчика.

В нашей работе мы также намерены обратить внимание не только на отдельные языковые структуры и механизмы, но, главным образом, на их взаимодействие с когнитивными свойствами и механизмами. Мы рассматриваем процесс транспозиции имен собственных не только с языковых позиций, но и с ментальных. Ввиду того, что создание метапереводческого текста не исчерпывается лингвистическим толкованием онимов в другой лингвокультуре, но опирается на переводческую рефлексию, мы предположили, что эта деятельность регулируется определенным лингвокогнитивным механизмом. Его понимание требует изучения различных когнитивных операций: образных, понятийных, ценностных, а также способностях переводчика давать оценку, выражать чувства и эмоции, обладать эмпатией, определять прагматическую ценность продукта перевода и др.

В рамках данного раздела диссертации нам необходимо, прежде всего, соотнести переводческую рефлексию и метатапереводческую деятельность.

Термин «рефлексия» - латинского происхождения “reflexio” и обозначает «обращение назад», «отражение». Как отмечается в Новейшем философском словаре, рефлексия трактуется как «...тип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок, требующий обращения сознания на себя» [НФС 2003: 828]. Рефлексия понимается авторами словаря как «отраженное» или «зеркальное» Я, как способность субъекта мысленно воспринимать позицию другого субъекта, как знание и понимание субъектом самого себя и того, как он оценивается другими.

Проблема рефлексии переводчика изучается Т.Г. Пшенкиной, которая размышляет об особой языковой конфигурации в сознании переводчика, складывающейся не только под влиянием разных языков, но и разных образов мира, что характеризуется особыми когнитивными, эмоциональными, поведенческими реакциями [Пшенкина 2005]. Принимаемые переводчиком решения зависят от того, «... встретятся ли образы мира в сознании коммуникантов» [Пшенкина 2005: 211]. Исследователь приходит к выводу, что рефлексия - одна из разновидностей когнитивных реакций языкового сознания переводчика.

Если экстраполировать данные трактовки на метапереводческую деятельность, можно предположить, что рефлексия переводчика обращена на понимание его собственных переводческих действий и операций над смыслами. Анализируя метатекстовую деятельность переводчика, мы полагаем, что эта деятельность возможна в результате выполнения предыдущей деятельности - собственно перевода, и создание переводческого метатекста направлено на преодоление непонимания, которое может возникнуть при переводе. Таким образом, рефлексия переводчика дает импульс к созданию переводческого метатекста, обеспечивая тем самым гармоничную рецепцию текста иноязычным и инокультурным читателем.

Мы предположили, что метапереводческая транспозиция антропонима отражает результаты переводческой рефлексии как сложной

интеллектуально-эмоциональной речемыслительной деятельности переводчика, оперирующего гетерогенными смыслами в переводческом пространстве. Это означает, что собственно лингвистических знаний переводчика явно недостаточно для достижения гармоничности при переводе. Переводчику необходимо выйти за рамки арт-дискурса, чтобы транспонируемый оним (театроним и поэтоним) был понятен иноязычному и инокультурному реципиенту. Важно, чтобы текст был не только понятен, но приносил эстетическое наслаждение, сопоставимое с его восприятием реципиентом оригинала, чтобы авторское видение мира в лице персонажа было естественным образом воспринято и оценено коммуникантами принимающей лингвокультуры.

Прежде чем мы сформулируем нашу трактовку лингвокогнитивного механизма перевода, обратимся к примеру, иллюстрирующему достижение переводческой гармонии за счет гармоничной метапереводческой транспозиции поэтонимов при переводе на французский язык. В исследуемом нами фрагменте, который принадлежит роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», не только в переводе, но, главным образом, в метапереводе ощущается билингвизм писателя-переводчика И.А. Тургенева, в совершенстве владеющего французским языком и прекрасно разбирающегося в культуре современной ему Франции, что можно определить термином «переводческая эрудиция», которую мы наблюдаем в метапереводческом пространстве.

Приведём фрагмент оригинала:

*Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев.*

Представим в таблице результаты перевода и метаперевода антропонимов *Полина* и *Прасковья*.

Оригинал	Перевод	Метаперевод	Букв. обр. пер. метатекста:
<i>Звала Полиною</i>	<i>Elle</i>	<i>nommait</i>	<i>Comme on dirait</i>
			<i>Как сказали бы во Франции:</i>

*Прасковью Praskovia Pauline en France: elle она звала Жанною Жани
nommait Jeanne-
Jeanny*

Напомним, что в романе *Прасковьей* звали старшую *Ларину*, мать *Ольги* и *Татьяны*. Согласно лексикографическим источникам, имя *Прасковья* является русским вариантом греческого имени *Параскева* и означает «канун праздника». В русском языке оно имеет множество вариантов: *Прасковьюшка*, *Праскуня*, *Прося*, *Параня*, *Панюша*, *Паша*, *Паранья*, *Парания* и др. Отметим, что имеются общепринятые переводы этого имени на другие языки. Так на французском языке существует эквивалент *Paracève*. Представленный вариант мы признаем гармоничным, так как переводчик создал метатекст, используя ассоциации на французском языке, что расширило контекст франкоязычных реципиентов, и им стало понятно, как трактовать данное русское имя собственное.

В рассматриваемом отношении важно, что понимание лингвокогнитивного механизма перевода и метаперевода требует обращения к общелингвистическим исследованиям, что привело нас к проблеме тезауруса и ментального лексикона человека.

Идея тезауруса рассматривается учеными на протяжении десятилетий, но ее эвристический потенциал до сих пор не исчерпан. Мы обратились к работам А.А.Залевской, Ю.Н. Караулова, С.А.Осокиной, И.В.Толочина, Т.А.Фесенко, М.Ледерер (M.Lederer).

Теория тезауруса представлена в исследовании Ю.Н.Караулова «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка», созданном в 1981г. Автор работы определяет тезаурус как компактное представление семантического пространства языка, его системных отношений: «Тезаурус - это всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [Караулов 1981: 148]. Тезаурус является своего рода моделью лексической системы языка.

Современное представление тезауруса изложено в исследовании С.А.Осокиной «Основания лингвистической теории тезауруса» [Осокина 2012]. Как подчеркивает автор работы, в лингвистике термин «тезаурус» (от греч. *θησαυρός* «сокровище») изначально обозначал словарь, который раскрывает семантику слов не через дефиниции, а посредством экспликации семантической связи данного слова с другими словами. В широком смысле, тезаурус – это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект. Каждый человек имеет индивидуальный тезаурус, в котором представлена иерархическая организация значений. И если тезаурус – это открытое множество иерархии значений, то в процессе речевого общения у каждого человека актуализируется определенный фрагмент тезауруса.

В рамках нашей работы мы опираемся на представленное С.А.Осокиной понятие «индивидуальный тезаурус», которым потенциально обладает переводчик, а также на идею актуализации фрагмента тезауруса в процессе перевода и метаперевода.

В исследованиях А.А.Залевской излагается концепция лексикона индивида как «средства доступа к единому информационному тезаурусу, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями...» [Залевская 2001: 101]. Изучая значение слова как достояние индивида, ученый определяет его как результат сложного взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных процессов.

В работах Т.А.Фесенко анализируется ментальный лексикон человека, под которым понимается вся необходимая информация для кодирования невербального концептуального содержания в вербальные структуры. Речевая деятельность индивида обусловлена его ментальным лексиконом. Автор исследует вопрос о том, каким образом происходит концептуальное выражение вербальных единиц при переводе, что представляется нам важным для объяснения метаперевода.

Особый интерес представляет для нас работа И.В. Толочина «Метафора и интертекст в англоязычной поэзии», который вводит понятие «культурный тезаурус» читателя, включая в его трактовку наличие в сознании читателя устойчивых ассоциаций энциклопедического характера, обеспечивающих успешное восприятие иноязычного и инокультурного текста (Толочин 1996). Нас заинтересовало понятие культурного тезауруса.

Переводческий аспект данной проблемы представлен в работах современного французского исследователя М. Ледерер [Lederer 1994].

М. Ледерер пишет: “...les mots d’un auteur sont imprégnés et chargés de son esprit, presque imperceptiblement mais très profondément modifiés quant à leur signification brute, par ses intentions et les démarches de sa pensée auxquelles nous n’avions accès que grâce à une compréhension intime de tout le contexte” [Lederer 1994: 36] – «...слова автора, пронизанные его идеями, изменяются почти неощутимо, но очень глубоко, когда речь идет об их непосредственном контекстуальном значении, намерения автора, движения его мысли, становятся нам доступны лишь благодаря хорошему пониманию всего контекста» (пер. наш. Я.Г.). М. Ледерер вводит понятия «когнитивное дополнение» (*le complément cognitif*) и «когнитивный багаж» (*le bagage cognitif*).

Рассуждая о когнитивных и аффективных дополнениях при переводе текста, М.Ледерер подчеркивает, что когнитивное всегда содержит и понятийные, и эмотивные составляющие; их слияние со значением придает смысл высказыванию. Иными словами, термин «когнитивное» становится родовым по отношению к терминам когнитивное и аффективное. Можно сказать, что понятия «когнитивный багаж» и «когнитивный контекст» подразумевают включение аффективного (эмотивного) багажа и аффективного контекста. Под когнитивным багажом понимаются лингвистические и экстралингвистические знания, хранящиеся в долговременной памяти переводчика. Когнитивный контекст включает в себя знания, приобретенные при чтении конкретного текста, они хранятся в

кратковременной памяти переводчика и служат для интерпретации последующих сегментов текста.

Приведем эти рассуждения автора в оригинале: «L'affectif et le cognitif étant psychologiquement inséparables et ayant tous deux leur origine dans le cerveau, je les englobe sous le seul terme de compléments cognitifs et dans ceux-ci je distingue ...le bagage cognitif...et le contexte cognitif...» [Lederer 1994: 37] – «В связи с тем, что психологически аффективное и когнитивное неразделимы, и оба они порождаются в мозгу человека, я объединяю их в едином термине когнитивных дополнений, в рамках которых различаю... когнитивный багаж... и когнитивный контекст...» (пер. наш. – Я.Г.).

Уточним, что М. Ледерер рассуждает исключительно о переводе, не обращаясь к проблеме метаперевода. Но данная идея представляется нам особенно плодотворной для объяснения сущности метапереводческой деятельности.

Таким образом, опираясь на понятие рефлексии, которое лежит в основе любой метапереводческой деятельности, включая метапереводческую транспозицию антропонима, а также изучив и проанализировав термины «когнитивный багаж» переводчика, М.Ледерер, «ментальный лексикон» индивида А.А. Залевской, «тезаурус» С.А. Осокиной, «культурный тезаурус» И.В. Толочина, мы предложили свой термин для трактовки лингвокогнитивного механизма метапереводческой транспозиции антропонима, а именно: «актуальный когнитивный тезаурус» переводчика. Это значит, во-первых, что характерные черты и признаки обозначенных выше понятий находят отражение в понятии «актуальный когнитивный тезаурус» переводчика: его концептуальное содержание складывается из экстралингвистических и лингвистических, энциклопедических и языковых компонентов. Во-вторых, порождаемые в процессе метаперевода смыслы являются результатом синергетических приращений, естественно воспринимаемыми иноязычными реципиентами. В-третьих, смыслы

метаперевода обладают когнитивно-аффективными коннотациями, которые гармонично вписываются в целевую лингвокультуру.

Итак, формирование «актуального когнитивного тезауруса» в сознании переводчика, осуществляющего метапереводческую транспозицию антропонима, становится возможным благодаря механизму рефлексии, проявлению когнитивных способностей языковой личности переводчика, что позволяет ему создать гармоничный перевод поэтоноимов и театронимов в арт-дискурсе, смыслы которого соразмерны интенциям, замыслу, мировидению автора. Благодаря гармоничному переводу антропонима в процессе создания переводческого метатекста, иноязычные читатели не испытывают сложностей понимания, так как продукт метапереводческой транспозиции вызывает в их сознании знакомые и понятные образы и ассоциации, свойственные родной культуре.

Можно предположить, что процесс метапереводческой транспозиции антропонима вызывает в сознании реципиента соответствующие ментальные представления, которые расширяют ономастическое пространство переводного текста и дискурса.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

1. В рамках данной главы обоснован понятийный аппарат, подходы и принципы исследования. Методологическим основанием работы выступает концепция переводческого пространства как синергетической модели перевода, предполагающая достижение синергетического эффекта при передаче гетерогенных смыслов из одной лингвокультуры в другую. В основу исследования положен метакогнитивный подход к переводу, согласно которому создание переводческого метатекста является одной из возможных стратегий, обеспечивающих понимание текста реципиентом. В работе мы опираемся на принципы общелингвистической теории транспозиции, являющейся одним из механизмов развития языка и порождения как целого текста, так и отдельных текстовых единиц.

2. Транспозиция рассматривается в работе не только как внутриязыковой механизм (Ш.Балли, 1955), как деривационный процесс текстопорождения и текстовосприятия (Л.Н. Мурзин, 1991), но и как межъязыковой механизм, соотносимый с трансляцией смыслов при передаче антропонимов из одной лингвокультуры в другую. Транспозиция антропонима как межъязыковое и межкультурное транспонирование смыслов в арт-дискурсе, осуществляется в переводческом и метапереводческом пространстве в ходе создания переводчиком метатекста как переводческой стратегии, нацеленной на решение конкретной переводческой задачи.

3. Метапереводческая транспозиция антропонима отражает результаты переводческой рефлексии как сложной интеллектуально-эмоциональной речемыслительной деятельности переводчика, оперирующего гетерогенными смыслами в переводческом и метапереводческом пространстве, что позволяет ему создать гармоничный перевод поэтоноимов и театроноимов в арт-дискурсе, смыслы которого соразмерны интенциям, замыслу, мировидению автора. Благодаря гармоничному переводу антропонима, опирающемуся на создание переводческого метатекста, иноязычные

читатели не испытывают сложностей понимания, так как продукт метапереводческой транспозиции вызывает в их сознании знакомые и понятные образы и ассоциации, свойственные родной культуре.

4. В работе установлено, что лингвокогнитивный механизм метапереводческой транспозиции поэтонима и театронима в арт-дискурсе может быть выражен понятием «актуальный когнитивный тезаурус» переводчика, включающем в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, когнитивно-аффективные синергетические приращения смыслов, возникающие в сознании переводчика, что расширяет и обогащает ономастическое пространство переводного дискурса, способствуя его гармоничному восприятию иноязычным и инокультурным реципиентом. В этом нам видится сущность метапереводческой транспозиции антропонима.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ АНТРОПОНИМОВ В АРТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- ФРАНЦУЗСКИХ И ФРАНКО-РУССКИХ ПОЭТОНИМОВ И ТЕАТРОНИМОВ)

3.1. Процедура анализа метапереводческой транспозиции антропонимов в арт-дискурсе

В данной главе мы предпримем попытку разработать типологию метапереводческой транспозиции антропонима в переводном арт-дискурсе, включающем в себя три вида дискурса: художественный прозаический, художественный поэтический и театральный. Тематическое единство арт-дискурса обусловлено наличием в нем общих элементов, соотносимых с такими коммуникативно-речевыми сферами как художественное творчество, искусство, литература, которые раскрывают комплексную взаимосвязь многих текстов в их интертекстуальном и интердискурсивном взаимодействии. Изучая арт-дискурс, мы солидарны с А.А. Кибрик в том, что «термин дискурс включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат» [Кибрик 2003: 10]. Наше понимание дискурса основывается на положениях, сформулированных В.Е. Чернявской, согласно которым «под дискурсом понимается совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме» [Чернявская 2014: 112]. При изучении метапереводческой транспозиции в арт-дискурсе мы апеллируем к антропонимическому материалу в ментальной парадигме, что находит отражение в художественной языковой картине мира, обладающей ассоциациями, аналогиями, подобиями, свойственными всем субъектам переводческой коммуникации, независимо от их принадлежности к той или иной лингвокультуре. Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы выстроить типологию представленной в арт-

дискурсе метапереводческой транспозиции антропонимов, определить их функции и описать проявления переводческой и метапереводческой транспозиции.

Представим результаты проведенного анализа в следующей последовательности:

1. Общая характеристика материала исследования;
2. Выявление функций метапереводческой транспозиции антропонима;
3. Разработка типологии метапереводческой транспозиции в ее сопоставлении с переводческой транспозицией;
4. Описание и интерпретация каждого типа переводческой и метапереводческой транспозиции,

В работе мы основывались на следующей методике подсчета антропонимического материала, которая представлена на конкретном примере.

Обратимся к рассказу Л.Е. Улицкой «Диана» из сборника «Сквозная линия» //М., «Эксмо», 2006- С. 7-62. - Ludmila Oulitskaia. Diana// “Mensonges de femmes” Gallimard, traduit du russe par Sophie Bénéch, 2003.-P. 13-46.

Мы встречаем следующие пары антропонимов:

Диана – Diana, Айрин Лири – Irène Leary, Сьюзен Яковлевна – Suzanne Iakovlevna, Сузи – une Suzy, Саша – Sacha, Сашка – Sacha, Александр – Alexandre, Женя – Génia, Женька – Génia, Горбачев – Gorbatchev, Анна – Anna, Анна Вениаминовна – Anna Véniaminivna, Дора – Dora, Дора Суреновна – Dora Sourenovna, Анна Аркадьевна – Anna Arkadieivna, Доналд – Donald, маркиз де Сад – marquis de Sad, Вера – Véra, Валентин – Valentin, Дэвид – David, Яков – Iakov, Гоша – Gocha, Георгий – Gocha, Ахматова – Akhmatova, Кузмин – Kouzmine, Котик Кротов – Kotik Krotov, Дина Дубрин – Dina Doubrine, Анна Каренина – Anna Karénine, Анна Корт – Anna Cork, Лиля Брик – Lily Brik.

В данном тексте мы насчитали 28 различных пар антропонимов. При этом один и тот же персонаж в оригинале имеет разные варианты имени, что может восприниматься иноязычным читателем как различные антропонимы, и что вынуждает переводчиков прибегать к метапереводческой транспозиции. Данное переводческое решение мы признаем компромиссным, так как, с одной стороны, читатель однозначно идентифицирует персонажа, с другой стороны, переводчик нейтрализует авторскую интенцию, заменяя разговорный регистр на литературный. Мы рассматриваем разные варианты имени как самостоятельные антропонимические пары:

Гоша – Gocha, Георгий – Gocha;

Женя – Génia, Женька – Génia;

Женечка – Génia; Женечка – petite Génia;

Саша – Sacha, Саука – Sacha.

В тексте встречаются прецедентные имена: Горбачев – Gorbatchev, Ахматова – Akhmatova, Кузмин – Kouzmine, Дина Дубрин – Dina Doubrine Анна Корк – Anna Cork, Лиля Брик – Lily Brik, перевод которых мы признаем адекватным.

Антропонимы представлены и в оригинале, и в переводе в виде игры слов: Сашка-пташка! – Sacha-le petit chat! Женька-пенька! – Génia-la petite poix! Переводчик воссоздает игру слов, что мы признаем гармоничным.

Антропонимы являются предметом эмоционального переживания автора: Айрин Лири - каково имя! – Irène Leary (quel nom!). Мы констатируем проявление гармоничной метапереводческой транспозиции антропонима

В тексте мы наблюдаем следующее соотношение переводческой и метапереводческой транспозиции: 72% и 28% соответственно. Как видим, в большинстве случаев переводчик С. Бенеш прибегает к переводческой транспозиции, что вполне естественно. Нас интересует именно метапереводческая транспозиция антропонимов, процент которых значительно ниже, но их специфика почти не изучена специалистами.

3.2. Характеристика материала исследования

В качестве эмпирического материала мы использовали тексты на русском и на французском языках, относящиеся к арт-дискурсу. Единицы анализа представлены именами собственными-поэтонимами и именами собственными-театронимами, которые в совокупности создают ономастическое пространство арт-дискурса. Нами были проанализированы также апеллятивы, которые взаимодействуют в тексте с именами собственными-антропонимами, и результат этого взаимодействия влияет на характер их передачи из одного арт-дискурса в другой. Вместе с тем, ввиду периферийного характера данных онимов, мы не включили их в типологию, но лишь представили эмпирический анализ.

Дадим краткую характеристику исследуемого материала. В работе мы анализировали метапереводческую транспозицию антропонимов, которые были извлечены приемом сплошной выборки как из произведений классиков русской и французской литературы, так из современных произведений, относящихся к художественному прозаическому, художественному поэтическому и театральному дискурсам.

Давая общую характеристику материала исследования, мы намеренно не излагали ни биографии авторов, ни их творчество, но акцентировали внимание на переводческой проблематике ввиду ограниченного объема диссертационного исследования. В работе представлена информация по историографии переводов с русского языка на французский (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, Л.Е. Улицкая, А. Иванов) и с французского языка на русский (П. Мериме, Э. Ионеско, Р. Кено, Р. Тома, А. Гавальда, М. Барбери, О. Бурдо).

История переводов пьес А.П. Чехова изложена М.В. Зыряновой [Зырянова 2010]. Автор отмечает, что первые переводы были выполнены при жизни писателя. Первым произведением, переведенным на французский

язык, была пьеса «Три сестры», опубликованная в 1903 г. Писатель переписывался с Д. Рош, который получил эксклюзивное право на переводы пьес и пользовался им вплоть до 1954 г. Специалисты в области театральной эстетики отмечали низкое качество его переводов, буквализм, неспособность передать «дух» оригинала, что вызывало негативную реакцию читателей, но сам Чехов не смог отказать неудавшемуся переводчику продолжить работу. Позднее все пьесы А.П. Чехова были неоднократно переведены на французский язык. Одним из первых признанных критиками переводчиков был Ж. Питоев, который являлся режиссером, и его спектакли имели успех. Пьесы А.П. Чехова переводила Э. Триоле, которая стремилась сохранить «славянский шарм». Последующие переводы были ориентированы на дерусификацию. Среди современных переводчиков особое место занимает А. Маркович, которому удалось передать внутренний мир героев, оценить и передать скрытый гуманизм чеховских текстов.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на французский язык, выполненный К. Лини (Claude Ligny) не получил такого признания, как в оригинале, что объясняется многоплановостью произведения, его уникальностью, загадочностью мастера – талантливого писателя и яркой личности. Перевод содержит множество погрешностей, переводческих ошибок и несоответствий. Вместе с тем, подчеркнем, что переводчик снабдил текст множеством комментариев, которые мы рассматриваем как метатекст, компенсирующий недостатки собственно перевода. Известно, что англоязычные переводы романа М.А. Булгакова также не отличаются высоким качеством и не получили достойного читательского признания. Как отмечает автор предисловия к французскому изданию романа М. Гур (M. Gourg), в течение более десяти лет (1928 по 1939) произведение выдержало шесть редакторских правок автора, порой противоречивых, что подтверждает сложность булгаковского шедевра.

Богатая история перевода романов Л.Н. Толстого на французский язык началась еще при жизни писателя. Биографы называют имена трех известных

переводчиков, сотрудничавших с Л.Н. Толстым: Ги де Визев, И.Д. Гальперин-Каминский, В.Л.Биншток. Первым произведением писателя, увидевшим свет на французском языке, был роман «Воскресенье», который стал сенсацией во Франции. Романы Толстого переводились и издавались на иностранных языках одновременно с их печатанием на русском языке. В Париже подготовку романов к переводу организовал сын Л.Н. Толстого, Сергей Львович. К сожалению, писатель не был удовлетворен качеством переводов, которые он мог оценить, в совершенстве владея французским языком. Первый перевод романа «Война и мир» был издан во Франции под псевдонимом “Une Russe”(«Одна русская»). Затем с французского языка роман был переведен на английский, польский, венгерский, турецкий и другие языки. Первой переводчицей была И.И. Паскевич. В XX веке роман «Война и мир» был издан на французском языке с предисловием А. Моруа.

Творчество П. Мериме тесно связано с русскоязычной переводной литературой, Французский писатель высоко ценил и перевел на французский язык произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и др. В работе мы анализируем новеллу «Венера Илльская», где писатель создал сказочно-символический характер богини любви Венеры, наказавшей людей за поругание любви. В новелле встречается персонаж по имени господин де П. (Monsieur de P.)

Романы современной французской писательницы М. Барбери «Лакомство» и «Элегантность ежика», получившие несколько литературных премий во Франции, переведены на 14 и на 39 языков соответственно. Переводчиками выступили Н. Хотинская, Н. Мавлевич и М. Кожевникова, которым удалось передать внутренний дух героев.

Романы А. Гавальда, также принадлежащей к современным писателям Франции, переведены на 36 языков, включая русский. А. Гавальда часто приезжает в Россию, на русский язык ее произведения переводят Е. Клокова, Н. Мавлевич, М. Кожевникова

Поэтические тексты А. Тарковского и О. Мандельштама во французской версии не потеряли своего истинного значения благодаря переводам Е. Поликашина и П. Митурича, которые в целом мы признаем гармоничными. Предисловие к переводам О. Мандельштама написано по воспоминаниям А.А. Ахматовой.

В работе были также проанализированы переводы пьес Э. Ионеско, прозы Р. Кэно, поэтических текстов Б. Пастернака, романов современного французского писателя О. Бурдо, рассказов современной российской писательницы Л. Улицкой, романов современного российского прозаика А. Иванова с позиций осуществления в них переводческой и метапереводческой транспозиции онимов в ономастическом пространстве целого произведения.

Общий объем проанализированного материала составляет **1300** единиц, каждая из которых содержит антропоним на языке оригинала и антропоним на языке перевода, т.е. мы изучаем антропонимическую пару.

3.3. Функции метапереводческой транспозиции в арт-дискурсе

Исходя из общей номенклатуры функций в лингвистике, мы обратили внимание на метаязыковую функцию, разновидностью которой выступает метакстовая и соответствующая ей метапереводческая.

В рамках данной главы мы намерены рассмотреть функции метапереводческой транспозиции. Их выявление мы основываем на анализе эмпирического материала, опираясь на теоретические принципы В.В. Сдобникова, отмечавшего, что переводоведение развивается и обогащается новыми идеями благодаря своей ориентации на переводческую практику [Сдобников 2018].

Изучая речемыслительную деятельность переводчика, создающего переводческий метатекст как разновидность транспозиции, мы предположили, что такой тип вербального взаимодействия выполняет

определенные функции. В результате анализа эмпирического материала, представленного антропонимами – поэтонимами и антропонимами-театронимами, функционирующими в арт-дискурсе оригинала на русском/французском языках и перевода на французский/русский языки, нами были выявлено три основных функции метапереводческой транспозиции антропонимов:

- 1) **ассоциативная функция**
- 2) **актуализирующая функция**
- 3) **интенциональная функция**

В ходе анализа эмпирического материала, выявления и интерпретации различных типов транспозиции, в каждом конкретном случае указана соответствующая данному типу функция.

В рамках данного параграфа, проиллюстрируем проявление обозначенных выше функций на конкретных примерах.

Ассоциативная функция реализуется в том случае, если переводческий метатекст содержит лингвокультурологический комментарий, восполняющий внеязыковые ассоциации, свойственные носителям языка. При этом иноязычный читатель не имеет подобных ассоциаций, и переводчик вынужден создать метатекст, чтобы облегчить восприятие читателя.

Проиллюстрируем данную функцию на примере передачи антропонима с французского языка на русский при переводе романа современного французского писателя О. Бурдо. Текст романа был впервые опубликован в 2015 г. и переведен на русский язык И. Волевич в 2017 г. (Olivier Bourdeaut “En attendant Bojangles”).

Оригинал: *Et moi dans ce cirque, j'avais accepté d'endosser le rôle de Monsieur Loyal.....*

Перевод: *Ну а что я делал во всем этом цирке? Мне пришлось взять на себя роль месье Луайяля.....*

Переводческий метатекст: *Месье Луайяль* – известный цирковой распорядитель, имя которого впоследствии стало нарицательным во Франции для этой профессии [Бурдо 2017: 163].

Как видим, при передаче имени собственного переводчик изучает фатическое поле переводческого пространства, ориентированное на постижение интертекстуальной информации как неотъемлемого компонента иноязычной культуры, иными словами, культурологический смысл. Номинацию «Месье Луайяль» вряд ли можно назвать прецедентным именем, т.к. она известна определенному кругу лиц, проживающих во Франции в определенный период времени. Создание данного переводческого метатекста, в котором реализуется его ассоциативная функция, приводит к гармоничному переводу.

Переводческий метатекст создает новые ассоциации для иноязычного читателя, которые не могли бы возникнуть только в результате адекватного перевода этой фразы. Следовательно, именно ассоциативная функция метатекста приводит к полноценному пониманию антропонима иноязычными реципиентами. Мы констатируем в данном случае, что текст и метатекст в своей совокупности порождают гармоничный перевод поэтонима.

Интенциональная функция. В данном случае антропоним имплицитно присутствует в тексте оригинала, он хорошо известен носителям исходного языка и национальной культуры, т.е. является прецедентным именем. Что касается целевой культуры, переводчику нужно обладать определенным уровнем филологического образования, знаниями иноязычной литературы и культуры, чтобы понять интенции автора оригинала, догадаться, каковы его пресуппозиции, аллюзии относительно той или иной личности, которая послужила импульсом для написания того или иного текста, фразы, для использования той или иной структуры.

Приведем пример. Текст оригинала: *Alors il avait fumé sa pipe et moi, ma cigarette; nous avions bu nos cocktails assis dans le canapé sans dire un mot, sans nous regarder pour rester concentrés.*

Текст перевода: *Итак, он выкурил свою трубку, я свою сигарету, а потом мы запили их нашими коктейлями, сидя на стеганом диване, не разговаривая друг с другом, не глядя друг на друга, чтобы лучше сконцентрироваться*

Переводческий метатекст: *Отсылка к стихотворению Жака Превра «Завтрак» (“Le déjeuner du matin”: sans me parler, sans me regarder – не разговаривая со мной / Не глядя на меня) [Бурдо2017: 137].*

В данном случае метаперевод содержит прецедентное имя – Жак Превр – известный французский поэт XX века, которого может не знать современный русский читатель. Благодаря метатексту переводчик раскрывает читателю намерения автора воссоздать атмосферу безразличия, равнодушия персонажей друг к другу, что присутствует в тексте оригинала в виде имплицитной отсылки к творчеству Жака Превра.

Актуализирующая функция означает, что имя собственное (как антропоним, так и топоним) предполагает наличие определенного исторического, социального, политически окрашенного контекста, который не упоминается автором, но переводчик принимает решение актуализировать информацию с целью облегчения рецепции текста потенциальным читателем. Тем самым переводчик расширяет контекстуальный фон реципиента, обуславливая порождение рефлексивного смысла в переводческом и метапереводческом пространстве.

Проиллюстрируем актуализирующую функцию на примере.

Текст оригинала: *En rentrant il disait que son métier était beaucoup plus drôle avant la chute du mur parce qu'on voyait beaucoup plus clair.*

Текст перевода: *Приезжая к нам, он сетовал на то, что его профессия была куда интересней до падения стены – тогда мол, все выглядело гораздо яснее.*

Переводческий метатекст: *Речь идет о Берлинской стене, выстроенной в 1960 году и разрушенной в 1989* [Бурдо 2017: 32-33].

Как видим, переводчик актуализирует определенный исторический этап в жизни немецкого государства.

Выявление функций метапереводческой транспозиции - это один из этапов проводимого исследования. Основное внимание в ходе анализа эмпирического материала мы уделили разработке типологии метапереводческой транспозиции антропонимов в художественном и театральном дискурсах, которые в совокупности составляют арт-дискурс.

3.4. Переводческая и метапереводческая транспозиция антропонима

В результате анализа эмпирического материала нами была разработана типология метапереводческой транспозиции антропонимов в арт-дискурсе.

Мы выяснили, что при передаче имен собственных – антропонимов из арт-дискурса одной лингвокультуры в арт-дискурс другой лингвокультуры имеют место разные по своему характеру транспозиционные процессы: с одной стороны, речь идет о переводческой транспозиции, с другой стороны, мы наблюдаем метапереводческую транспозицию. Их количественное соотношение представлено ниже. Поясним, что вся совокупность исследуемого материала представлена тремя **супертипами** переводческой и метапереводческой транспозиции антропонима:

- 1) переводческая транспозиция антропонима как создание основного текста перевода
- 2) метапереводческая транспозиция антропонима как создание основного метатекста
- 3) метапереводческая транспозиция антропонима как создание периферийного метатекста

В каждом супертипе мы выделяем **типы**.

В случае проявления переводческой транспозиции антропонима, ориентированной на создание **основного переводческого текста** мы выявили **формальную** транспозицию, имеющую следующие **подтипы**: транспозицию-транскрипцию, транспозицию-транслитерацию, транспозицию-элиминирование, транспозицию-добавление, транспозицию-унификацию, транспозицию-игру слов.

В случае проявления метапереводческой транспозиции мы выявили **семантическую транспозицию**, которая включает в себя следующие подтипы: транспозиция-деперсонализация, транспозиция-реперсонализация, генерализующая транспозиция, уподобляющая транспозиция, транспозиция-версификация, конверсивная транспозиция, нейтрализующая транспозиция.

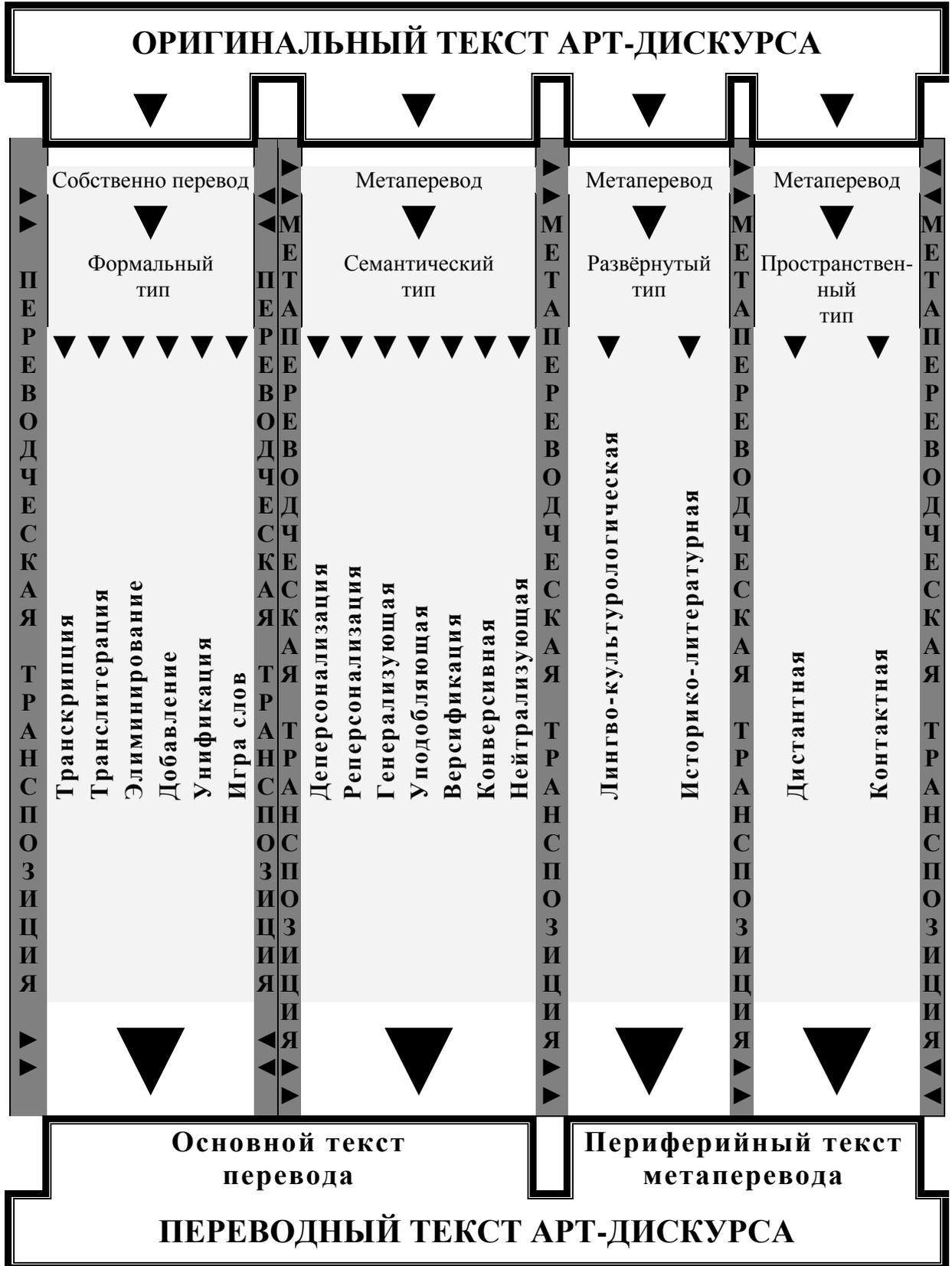
Проявление метапереводческой транспозиции антропонимов нацелено на создание **периферийного переводческого метатекста**, что позволило нам разграничить два типа:

- 1) **развернутая** транспозиция, включающая **два подтипа**: лингво-культурологическую и историко-литературную;
- 2) **пространственная** транспозиция, включающая **два подтипа**: дистантную и контактную.

Изложенная выше типология может быть представлена в виде следующей схемы:

Таблица № 1

Карта типологии способов транспозиции антропонимов арт-дискурса

Переходим к анализу обозначенных выше типов транспозиции антропонимов

3.4.1. Переводческая транспозиция антропонима как создание основного текста перевода – формальный тип и его подтипы

В рамках данного параграфа рассмотрим различные способы проявления формальной переводческой транспозиции антропонима на примерах русско-французского и французско-русского арт-дискурса.

Поясним, что при изучении имен собственных исследователи сталкиваются с проблемой их делимитации от имен нарицательных. При выявлении метапереводческой транспозиции нам также необходимо провести демаркационную линию с переводческой транспозицией.

Как показал наш анализ, характер транспозиционных преобразований при передаче антропонимов из одного языка в другой может быть различным. Это значит, что в одних случаях достаточно традиционного, общепринятого или зафиксированного в ономастической лексикографии способа перевода, что мы относим к формальной переводческой транспозиции. В других случаях необходимо создание переводческого метатекста, что мы расцениваем как метапереводческую транспозицию.

Мы называем формальной такой тип транспозиции антропонимов, при котором используются традиционные способы передачи антропонимов в другой лингвокультуре, основными из которых являются транскрипция и транслитерация. Наряду с ними мы выявили также следующие способы переводческой транспозиции антропонимов: элиминирование, добавление, унификация, игра слов.

1) Транскрипция как способ формальной переводческой транспозиции имени собственного-антропонима

Проанализируем транспозицию антропонима в театральном дискурсе на примере пьесы А.П. Чехова «Чайка» («La Mouette»).

Назовем основных персонажей пьесы в оригинале и переводе как проявление формальной переводческой транспозиции:

<i>Ирина Николаевна Аркадина</i>	<i>Irina Nikolaevna Arkadina</i>
<i>Константин Гаврилович Треплев -</i>	<i>Konstantin Gavriliivitch Trepliev</i>
<i>Петр Николаевич Сорин -</i>	<i>Piotr Nikolaievitch Sorine</i>
<i>Нина Михайловна Заречная</i>	<i>Nina Mikhailovna Zarietchnaia</i>
<i>Илья Афанасьевич Шамраев</i>	<i>Ivan Afanassievitch Chamraev</i>
<i>Полина Андреевна</i>	<i>Polina Andreievna</i>
<i>Маша</i>	<i>Macha</i>
<i>Борис Алексеевич Тригорин</i>	<i>Boris Alexeievitch Trigorine</i>
<i>Евгений Сергеевич Дорн</i>	<i>Evgueni Sergueievitch Dorn</i>
<i>Семен Семенович Медведенко</i>	<i>Semion Semionovitch Medviedenko</i>
<i>Яков</i>	<i>Iakov</i>

Подчеркнём, что выявленные нами примеры формальной переводческой транспозиции отражают определённые тенденции перевода антропонимов, но не закономерности. Так, например, если мы сопоставим передачу антропонимов в проанализированных нами художественном и театральном дискурсах, отметим, что антропонимы в пьесах переведены иными способами, чем это сделано при переводе прозы или поэзии. Расхождения проявляются при сопоставлении переводов одних и тех же русских имен на французский язык.

Так, имя *Петр* переведено в тексте пьесы как *Piotr (Piotr Nikolaievitch)*, в то время как при переводе художественного текста как *Pierre*. Данный вариант мы наблюдаем при переводе повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка»: *Петр Андреевич* переведено как «*Pierre Andrievitch*». Как видим, антропоним в первом случае транслитерирован, во втором - к нему подобран существующий во французском языке эквивалент, который использовал переводчик.

Аналогичные наблюдения мы констатируем при переводе имени *Семен*. Если в переводах Л. Толстого переводчики использует антропоним *Semen*, то при переводе пьесы мы встречаем *Semion*. Можно отметить, что с

позиций резистивного и адаптивного способов перевода (термины И.Э. Клюканова), при переводе антропонимов прозаического текста переводчики прибегают к адаптивному переводу, т.е. с ориентацией на читателя, а при переводе антропонимов театральной пьесы – к резистивному, т.е. с ориентацией на автора.

Приведем примеры из театрального дискурса. Пьеса современного французского драматурга Р. Тома «Восемь женщин» не только переведена на русский язык, но и поставлена в российских театрах.

Имена персонажей пьесы переведены на русский язык с помощью формальной транспозиции – транскрипции. Например, Gaby – Габи, Suzon – Сюзон, Catherine – Катрин. Некоторые имена также переведены с помощью транскрипции, но окончание женского имени русифицировано: Augustine – Огюстина, Pierette – Пьеретта, Louise – Луиза.

Ниже будут рассмотрены примеры проявления транскрипции личного имени, отчества, имени и отчества.

а) Транскрипция личного имени собственного:

В широком смысле транскрипция представляет собой запись иноязычных слов средствами национального алфавита с учетом их произношения. Например, при переводе повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» встречаем следующие проявления переводческой транспозиции:

Аннушка – Annouchka

Палашка – Palachka

Маша – Macha

Петруша – Petroucha

В пьесе Э. Ионеску «Урок» наблюдаем следующий пример:

Merci, ma petite Marie, comme ça, je suis tranquille *Спасибо, милая Мари, теперь я спокоен.*

(Ionesco 1994: 89)

Переводчик использует транспозицию-транскрипцию имени собственного: *Marie - Мари*.

В рассказах Л. Улицкой «Линия жизни» встречаем:

Вася – Vassia

Таня – Tania

Женя – Génia

Ира – Ira

Мила – Mila

Надя – Nadia

Приведем примеры из текста.

«Сжалься, Маша, надо мной...» [с. 426]

«*Marie, et prends pitié de moi* [p. 33];

«Ежели хочешь, чтоб Маша Миронова
ходила к тебе... [с. 427].-»

«... *si tu veux que Macha vienne chez toi...*»
[p. 34]

В данных примерах переводчик варьирует форму имени собственного, несмотря на то, что в оригинале во всех случаях она неизменна: «*Маша*». Выбор франкоязычного антропонима «*Macha*» отражает прием формальной транскрипции, в то время как выбор антропонима «*Marie*» не имеет отношения ни к транскрипции, ни к транслитерации. В данном случае переводчик использует способ передачи антропонима, существующий во французском языке.

Вызывает интерес перевод имени Петруша: в одном случае переводчик обращает к приему формальной транспозиции в виде транскрипции, выбирая форму *Petroucha*, в другом – имеет место создание переводческого метатекста: *petit Pierre*, т.е. реципиент понимает, что сочетание «*маленький Пьер*» отражает уменьшительную форму этого ИС.

б) Транскрипция имени и отчества

Марья Ивановна – Maria Ivanovna

Василиса Егоровна – Vassilissa Iegorovna

Иван Кузмич – Ivan Kouzmitch

Иван Игнатич – Ivan Ignatich

в) Транскрипция отчества

Савельич – Savelitch

Егоровна – Iegorovna

Игнатич – Ignatich

г) Транскрипция отчества и передача личного имени с помощью существующего в принимающем языке эквивалента: имя переводится в соответствии с нормами французского языка, а отчество транскрибируется

Петр Андреевич – Pierre Andreievitch

Петр Андреич – Pierre Andreitch

Андрей Карлович – André Kharlovitch

Алексей Иванович – Alexis Ivanovitch

Елизавета Карловна – Elisabeth Kharlovna

Обратимся к тексту: «... я поспорил с Алексеем Ивановичем» (с. 428) – «...*je m'étais disputé avec Alexis Ivanytch...*(р. 35). В данном случае антропоним *Алексей* транспонировано как *Alexis* а отчество *Иваныч* переведено с помощью транскрипции. *Ivanytch*.

Создание переводческого текста четко прослеживается в следующем примере: «С А.С. Швабриным я виделся каждый день» (с. 425)

2) Транслитерация как способ формальной переводческой транспозиции антропонима

Транслитерация представляет собой побуквенную запись передачи слов, записанных с помощью одной графической системы средствами другой графической системы.

Приведем пример (Л.Н. Толстой сказка «Два старика», перевод выполнен Jean Pierre Vasseur)

*Нашел на Ефима страх, только виду
не показал.....*

*Efim sentit lui aussi que la peur
s'empare de lui, mais il n'en laissa rien voir.*

В данном случае переводчик обратился к транслитерации, т.е. побуквенному выражению ИС на языке перевода, что приводит к формальному соответствию оригинала и перевода. В этом случае франкоязычный реципиент прочитает имя как «Эфэн», что не согласуется с его произношением в оригинале. В связи с этим мы отдаем предпочтение транскрипции.

Заметим, что при передаче антропонимов транскрипция используется гораздо чаще, чем транслитерация, что можно объяснить стремлением переводчиков уподобить произношение к оригиналу.

Приведем пример типичной транслитерации при переводе антропонимов из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

<i>Сегодня и ежедневно в театре</i>	<i>Aujourd'hui et chaque jour au théâtre</i>
<i>Варьете сверх программы</i>	<i>Professeur des Variétés hors programme le professeur</i>
<i>Воланд</i> [с. 114]	<i>Woland</i> [p.153].

Используя транслитерацию, переводчик не дает возможности франкоязычному реципиенту произнести данный оним так, как его произносит носитель русского языка, так как конечная согласная во французском языке не произносится. Мы соотносим данный вариант перевода с дисгармонией.

При переводе рассказов Л. Улицкой мы также отмечаем использование способа транспозиции-транслитерации:

Constantin Mikhailovitch [Oulitskaia, p.69] – данный пример показывает, что транслитерированное ИС будет произнесено по-французски как «Константен», что не соответствует оригиналу.

Ah, et voilà mon passeport. Et les extraits de naissance d'Ahmed, d'Elvira, d'Iskander, de Roustam [p.150]. Выделенные нами антропонимы переведены с

помощью транслитерации, так как они отражают буквенное изображение, но не соответствуют звуковой формы антропонима в тексте оригинала.

Речь идет о таких случаях транспозиции антропонима, при которых фамилия персонажа-женщины переводится в форме мужского рода. Данный тип транспозиции широко употреблялся в XIX и в начале XX веков. Тем не менее, даже в современных переводах такие случаи возможны.

Приведем примеры переводов рассказов Л.Улицкой:

«— *А тетя Катя Труфанова от немца даже родила*», — сообщила *Надя*.

“*Katia Troufanov a même eu un enfant avec un Allemand*” [p.50].

Согласно современным представлениям, женская форма фамилии *Труфанова* приобретает форму *Troufanova*.

В том же контексте встречаем аналогичные случаи маскулинизации фамилии:

« — *Мать моя была красавица — вылитая Дина Дурбин, если тебе это что-нибудь говорит*» [22]

“*Ma mère était une beauté – Dina Dourbine toute crachée, si ça te dit quelque chose*”[22].

3) Элиминирование как способ формальной переводческой транспозиции антропонима

Транспозиция-элиминирование наблюдается в тех случаях, когда переводчик опускает личное имя собственное, заменяя его личным местоимением или опуская и то, и другое.

Приведем примеры:

И заснул Елисей до утра. Проснулся *Et l'Elysee s'endormit jusqu'au matin, se leva Eлисей рано.* (Толстой 2016:67) *de bonne heure...*(Tolstoi 2016:67).

Как видим, если в оригинале имя Елисей упоминается дважды, то переводчик ограничивается одним упоминанием, предпочитая во втором

случае опустить ИС, объединив при этом два предложения в одно. Мы не считаем, что в данном случае имеет место переводческая ошибка, т.е. контекст является достаточным для адекватного понимания антропонима в тексте перевода.

В некоторых случаях опускается апеллятив, который сопровождает ИС.

Например, в пьесе Р. Тома автор называет персонажа *Madame Chanel* – (Мадам Шанель), переводчик оставляет лишь *Шанель*, что соответствует нормам русского языка, позволяющего опускать апеллятивы.

4) Добавление как способ формальной переводческой транспозиции антропонима

Приведём пример из пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад»

Если в оригинале автор называет своего персонажа не прибегая к использованию апеллтива: *Раневская*, то переводчик, соблюдая лингвистические нормы французского языка, использует способ добавления: *Madame Ranevskaia*

5) Унификация как способ формальной переводческой транспозиции антропонима

Транспозиция-унификация. Речь идет о таком виде формальной транспозиции, когда в сочетании имени и отчества при переводе полное имя заменяется кратким с целью унификации полного и сокращенного имени в сознании иноязычного реципиента. Для франкоязычного читателя такая замена облегчает понимание имени персонажа, в то время как в русскоязычной традиции это было бы неприемлемым. Данный тип транспозиции мы встречаем в современных переводах.

Обратимся к рассказам Л.Е. Улицкой «Сквозная линия» в переводе С. Бенеш (L. Oulitskaia “Les mensonges de femmes” trduit par S. Benezh).

Женя открыла дверь незнакомой толстенной тетке в красивых очках, и та сразу заголосила:

- Женечка!.... Дорогая моя! ...О Господи! Женечка! [с. 196].

Génia avait ouvert la porte à une grosse mémère avec de superbes lunettes qui s'était aussitôt exclamée:

Génia!... Ma Chérie! Seigneur Dieu! Ma petite Génia! [P. 130].

В данном контексте в оригинале трижды употреблен антропоним Женя в разных вариантах. Во всех случаях имеет место формальная переводческая транспозиция: 1) транскрипция *Женя* - *Génia*. 2) унификация *Женечка!* - *Génia!* 3) добавление *Женечка!* - *petite Génia!*

Первый вариант мы признаем адекватным, что соответствует принципам формальной транспозиции.

Второй вариант мы признаем компромиссным: с позиции читателя унификация способствует сохранению идентифицирующей функций антропонима, с позиции автора происходит нейтрализация его намерений. Но с позиций концепции переводческого пространства мы признаем перевод дисгармоничным.

Третий вариант мы признаем эквивалентным.

Таким образом, унификация может оказаться как удачным, так и неудачным переводческим решением.

б) Игра слов как способ формальной переводческой транспозиции антропонима

Рассмотрим уникальный пример метапереводческой транспозиции антропонима на примере «Упражнений в стиле» Р. Кено в оригинале и переводе. (Raymond Quineau, “Exercices de style”, Guallimard, 1947). Р. Кено, основатель школы УЛИПО, описал банальную историю и изложил ее 99 раз. Каждая история занимает не более одной страницы. По мнению У. Эко, переведившего это произведение с французского языка на итальянский, автор создал энциклопедию стилей, жанров, риторических фигур, где доминирует игра слов, мыслей, чувств, вдохновения. На русский язык это произведение было переведено лишь в 1991 г. группой авторов, которые дополнили переводы собственными «упражнениями».

Приведем в качестве примера текст оригинала (один из 99) и его перевод:

Surprises

Ce que nous étions serrés sur cette plate-forme d'autobus! Et que ce garçon pouvait avoir l'air bête et ridicule! Et que fait-il? Ne le voilà-t-il pas qui se met à vouloir se quereller avec un bonhomme qui – prétendait-il ce damoiseau!- le bousculer! Et ensuite il ne trouve rien de mieux à faire que d'aller vite occuper une place laissée libre! Au lieu de la laisser à une dame!

Deux heures après, devinez qui je rencontre devant la gare Sait-Lazare? Le même godelureau! En train de se faire donner des conseils vestimentaires! Par un camarade!

A ne pas croire!

(Raymond Queneau, "Exercices de style, Gallimard, 1947.- P.13)

Удивления

Как же было тесно на этой автобусной остановке! А какой глупый и смешной вид был у этого парня! И что же он задумал? Ничего лучшего, как затеять ссору с человеком, который, - как утверждал этот щеголь – его толкал! Наконец, может себе представить, он поскакал к месут, оставившемуся свободным! Которое было предназначено для дамы!

А кого, угадайте, я встретил спустя два часа перед вокзалом Сен-лазар? Того же пижона! Раз когда он выслушивал совет! По поводу гардероба! От своего друга!

Просто невозможно поверить!

(Т.Б. Бонч-Осмоловская, С.Н. Федин, С.А. Орлов. «Занимательная риторика Раймона Кено. М, 2009 - С.21).

В качестве примера приведем еще один текст, где история рассказана сквозь призму имен собственных, которые являются предметом нашего рассмотрения.

Текст оригинала:

Текст перевода (переводчики

Т.Б. Бонч-Осмоловская, С.Н. Федин)

Noms propres

Собственные имена

*Sur la Joséphine arrière d'un Léon
complet, j'aperçus un jour Théodule avec*

*На задней Поле Шацкой полного
Авто Бусина я заметил Че Лоека со*

Charles le trop long et Gibus entouré par Trissotin et pas par Rubens. Tout à coup Théodule interpella Théodose qui pietinait Laurel et Hardy chaque fois que montaient ou descendaient des Polvèdes. Théodule abandonna d'ailleurs rapidement Eros pour Laplace. слишком длинным Шуйским и Шапокляком, окруженным Тесе́й Моей, а не Ле Нтогом. Внезапно Че Лоек окликнул Дора Гозу, который растаптывал ему Нон-Оглы и Мозы Ойли всякий раз, когда заходили или выходили Паши Жиры. Впрочем, Че Лоек быстро оставил Сосо Ру ради Севы

Deux Huyghens plus tard , je revis Бодного Суда Ния.

Théodule devant Saint-Lazard en grand Ciceron avec Brummel qui lui disait de retourner chez O'Rossen pour faire remonter Jules de trois centimètres (Queneau 1947: 121). Двумя Сашами позже я увидел Че Лоека перед Сан-Лазаром при Розе Воре с Птро Ятелем, который советовал ему обратиться к Путру Ному, чтобы тот заставил подняться трехсантиметрового Пуговюля (Бонч-Осмоловская, Федин 1991: 94)

Очевидно, мы читаем вымышленную историю, где имена нарицательные заменены на экзотические, несуществующие имена собственные, которые по звучанию ассоциируются с ними. При этом смысл истории уловить достаточно трудно, но переводчики сохраняют идею оригинала: рассказать обычную историю с помощью необычного использования и сочетания обычных языковых средств. В данном случае таким средством выступают ИС. Так, в исходном тексте на французском языке речь идет пуговице, которую необходимо пришить к пальто. В текстах на русском языке используется слово *пуговица*, но в данном случае оно заменено на ИС *Пуговюля*, которое по звучанию ассоциируется со словом *пуговица*. Кроме того, переводчики в примечаниях (которые мы рассматриваем как пространственный дистантный метатекст), отмечают следующее «Имена оригинального упражнения (Рубенс, Лаплас, Гюйогенс, Цицерон, Брюмель и др.) заменены именами, имеющими осмысленное звучание в русском языке» [Бонч-Осмоловская, Федин 1991: 94].

Ниже представлена таблица, демонстрирующая все выявленные и описанные выше подтипы переводческой транспозиции, которые относятся к

формальному типу. Таблица содержит пять столбцов, включающих следующую информацию: подтип, фрагмент текста оригинала, фрагмент текста перевода, фамилия автора и фамилия переводчика (если он указан в тексте перевода), оценка качества перевода с позиций концепции переводческого пространства: гармоничность, эквивалентность, адекватность, дисгармоничность).

Таблица № 2

Тип: Формальная переводческая транспозиция

Подтипы	Текст оригинала	Текст перевода	Автор/Переводчик	Оценка качества перевода
Транскрипция	«Ежели хочешь, чтоб Маши Миронова ходила к тебе...	«... <i>it u veux que Macha vienne chez toi...</i> ».	А.С.Пушкин /	Гармоничный перевод
Транслитерация	Нашел на Ефима страх, только виду не показал...	<i>Efim sentit lui aussi que la peur s'empare de lui, mais il n'en laissa rien voir.</i>	Л.Н.Толстой / Jean Pierre Vasseur	Дисгармоничный перевод
Элиминирование	Madame Chanel descend et court A plume d'aigle sert de cible A Jacob Born le mal foutu	Мадам бежит к входной двери. А шляпа друга служит Борну Тот превратил её в мишень.	Robert Thomas / G.Apollinaire Михаил Яснов	Дисгармоничный перевод
Добавление	Раневская	Madame Ranevskaia	А.П. Чехов	Гармоничный перевод
Унификация	Женя Женечка	<i>Génia</i> <i>Génia</i> <i>ma petite Genia</i>	Л.Е.Улицкая Sophie Benech	/ Адекватный перевод Дисгармоничный перевод Эквивалентный перевод
Игра слов	Сашика-пташка!	<i>Sacha-le-petit-chat</i>	Л.Е.Улицкая Sophie Benech	/ Гармоничный перевод

3.4.2. Метапереводческая транспозиция антропони́ма как создание основного текста перевода – семантический тип и его подтипы

В процессе анализа эмпирического материала мы выявили семь типов семантической метапереводческой транспозиции антропони́ма, которые обозначили следующим образом:

- 1). Генерализующая транспозиция

- 2) Транспозиция-версификация
- 3) Транспозиция-деперсонализация
- 4) Транспозиция-реперсонализация
- 5) Уподобляющая транспозиция (по аналогии)
- 6) Нейтрализующая транспозиция
- 7) Конверсивная транспозиция

Рассмотрим каждый тип на конкретных примерах.

1) Генерализующая транспозиция как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

Начнем анализ с примеров, в которых транспозиция произошла на уровне ключевой для проводимого исследования номинации «Личное имя собственное», которая находит различное воплощение в текстах оригинала и перевода.

Обратимся к роману современной французской писательницы М. Барбери «Элегантность ежика» (Muriel Barbery «*Elégance de l'hérisson*») и его переводу на русский язык, выполненному Н.Мавлевич и М.Кожевниковой.

Приведем фрагмент оригинала:

Renée. Il s'agissait de moi. Pour la première fois, quelqu'un s'adressait à moi en disant mon prénom. Là où mes parents usaient du geste ou du grondement, une femme dont je considérais à présent les yeux claires et la bouche souriante, se frayait un chemin vers mon Coeur et prononçant mon nom entrait avec moi dans une proximité dont je n'avais pas idée jusqu'alors....On croit à tort que l'éveil de la conscience coïncide avec l'heure de notre première naissance, peut-être parce que nous ne savons pas imaginer d'autre état vivant que celui-là...Car pour que la conscience advienne, il faut un nom...Or, par un concours de circonstances si malheureux, il apparaît que nul n'avait songé à me donner le mien...[Barbery 2010: 46-47].

Фрагмент перевода выглядит так:

Рене. Это же я. Впервые кто-то позвал меня по имени. Родители обычно просто призывно махали руками или односложно меня окликали, и когда эта незнакомая женщина – первым, что я увидела, были ее светлые глаза и улыбка - произнесла мое имя, душа моя распахнулась перед ней, она внезапно стала мне так близка, как никто и

никогда прежде.... Многие думают, что сознание просыпается в тот миг, когда мы рождаемся, но это заблуждение, которое объясняется, скорее всего, тем, что мы не можем представить себе живое, но лишённое сознания существо.... На самом деле, сознание включается тогда, когда произносится **имя**. Меня же, по несчастному стечению обстоятельств, никто и не думал называть по имени.... [Барбери 2010: 48-49].

В данном фрагменте героиня романа, старая и одинокая консьержка Рене рассуждает о том, как она впервые услышала свое имя из уст незнакомой женщины, интуитивно ощущая внутреннюю радость от осознания того, что к ней обратились по имени. Можно сказать, что обращение по имени символизирует чувство эмпатии, которое испытывает один человек по отношению к другому. Успешный перевод имени может означать, что чувство эмпатии оригинала транспонировано в текст перевода.

Переходим к лингвопереводческому анализу. Ключевые концепты текста выражены лексемами *nom*, *prénom* в тексте оригинала и *имя* в тексте перевода.

Сопоставив данные фрагменты оригинала и перевода, мы склоняемся к мысли, что переводчикам удалось гармонизировать смыслы и актуализировать ключевые концепты. При этом концептуальная симметрия не означает лексическую симметрию. Скорее наоборот. Так, если во французском тексте актуализированы лексемы «*nom*», «*prénom*», означающие соответственно «фамилия», «имя», то русские переводчики используют одну лексему «имя», что не противоречит духу оригинала, и что естественно воспринимается в русской лингвокультуре.

Данный тип транспозиции мы обозначили как **генерализующая метапереводческая транспозиция** антропонима, так как в процессе перевода актуализируется русскоязычный концепт «имя», который, в данном контексте, является равноценным двум франкоязычным концептам «фамилия», «имя» (*nom*, *prénom*), что мы признаем гармоничным. Поясним, что в общелингвистическом значении концепты «имя» и «фамилия» в русском языке не взаимозаменяемы и не тождественны.

2) Транспозиция-версификация как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

Термин восходит к латинским словам: *versus* - стих и *facere* - делать. В поэтике обозначает принцип ритмической организации стихотворной речи. Искусство выражения мыслей в стихах при переводе характеризует такой тип метапереводческой транспозиции, при котором переводчик воссоздает стихотворную форму текста. Метатекст характеризуется благозвучием на языке перевода, что создает атмосферу, гармоничную исходной.

Рассмотрим пример перевода поэтического текста С.Я. Маршака «Вот какой рассеянный». Переводчик Анри Абриль (*Henri Abril*) изобретает имя-прозвище, которое рифмуется с названием улицы:

*Жил человек **рассеянный***

*На улице **Бассейной...***

*Connaissez-vous **l'Urluberlu***

*De la rue **Lanturlu?***

В данном случае нет необходимости переводить название улицы, т.к. задача переводчика состоит в ритмическом согласовании звучания улицы и характеристики человека, поэтому выбор переводчика считаем оправданным. Создаваемый переводчиком метатекст позволяет читателю понять, что речь идет о смешном человеке *l'urluberlu*, который живет на улице со смешным названием: *la rue Lanturlu*. Мы признаем данный перевод гармоничным, т.к. придуманные переводчиком рифмованные окказионализмы совершенно естественно звучат на французском языке, и они будут восприняты франкоговорящими детьми с таким же юмором, как было задумано автором оригинала и воспринято русскими читателями.

Транспозицию-версификацию мы наблюдаем в других переводах, выполненных А. Абрилем. К их числу относятся сказочные персонажи, среди которых Муха-Цокотуха, созданная К. Чуковским:

Муха, муха, Цокотуха,

*Ah, petite **mouche-Zizouche***

Позолоченное Брюхо!
Муха по полю пошла
Муха денежку нашла.
Пошла муха на базар
И купила самовар....

Aux reflets d'or peu farouches!
Un jour, au beau milieu d'un champ,
Elle a trouvé un peu d'argent.
Et voice la mouche au bazar,
Ou elle achète un samovar....

В данном случае ИС *mouche-Zizouche* на французском языке передает образ сказочного персонажа столь же гармонично, как оно звучит в оригинале.

Напомним высказывание К. Чуковского о переводах детских стихов С.Я. Маршака: «...переводя музыкальный строй того или иного произведения, считая его одним из важнейших элементов перевода, Маршак никогда не переводил букву – буквой, слово – словом. А всегда: юмор – юмором, красоту – красотой» [Воспоминания о Маршаке 1988: 132]. Транспозиция-версификация выполняет специфическую функцию благозвучия.

3) Транспозиция-деперсонализация как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

В данном случае, с формальной точки зрения, имя собственное заменяется именем нарицательным, с функциональной точки зрения, именно эта замена восполняет экстралингвистические знания иноязычного адресата, что обеспечивает полноценное понимание текста франкоязычным реципиентом. Создаваемый в ходе формально-функциональной транспозиции **переводческий метатекст** можно определить как когнитивный.

Обратимся к художественным поэтическим текстам Арсения Тарковского и их переводам на французский язык.

Еще в ушах стоит и гром и звон:
У, как трезвонил вагоновожатый!
Туда ходил трамвай, и там была

J'entends encore ce bruit, ce tintamarre:
Hein, comme il trompétait, notre wattman!
On s'y tendait en tram, il y avait

<i>Неспешная и мелкая река –</i>	<i>Là-bas une rivière peu profonde,</i>
<i>Вся в камыше и ряске,</i>	<i>Couverte d'une fleur de moisissure,</i>
<i>Я и Валя</i>	<i>Bordée de joncs. Mon frère aîné et moi,</i>
<i>Сидим верхом на пушках у ворот</i>	<i>Nous sommes à cheval sur les canons</i>
	<i>Devant les portes du Jardin public,</i>
<i>В Казенный сад, где двухсотлений дуб,</i>	<i>Où il y a un chêne séculaire,</i>
<i>Морожещники, будка с лимонадом</i>	<i>De l'eau gazeuse et des marchands de glaces,</i>
<i>И в синей раковине музыканты</i>	<i>Des musiciens dans un kiosque bleu.</i>
<i>Июнь сияет над Казенным садом.....</i>	<i>Juin resplendit sur le Jardin public...</i>

(traduit par Cyralla Falk)

Проанализируем перевод имени собственного «Валя» в выражении «Я и Валя», что приобрело метатекстовое воплощение в переводе на французский язык: “*Mon frère aîné et moi*”. Если выполнить обратный перевод, получим «*Мой старший брат и я*». Данное переводческое решение мы признаем результатом порождения метатекста: этот выбор объясняется тем, что ИС «Валя» неизвестно французскому читателю, для которого гораздо важнее узнать, что речь идет о нем самом и его старшем брате. Таким образом, транспозиция-деперсонализация выполняет актуализирующую функцию, в результате чего формируется гармоничный переводческий метатекст, который становится фактом другой культуры, понятным для иноязычного реципиента.

Приведем другой пример. Речь идет об именах собственных-астронимах (космонимах)

В поэтическом тексте

О.Мандельштама читаем:

Черный Вестер в зеркале мерцает.
Все проходит. Истина темна.
Человек рождается. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна.

(1991: 68)

В переводе Анри Абриля этот

фрагмент выглядит так:

Voici dans un miroir l'astre noir est trembleur.
Tout s'envole. Obscure est la vérité.
L'homme naît. La perle se meurt.

Et par les vieillards Suzanne est guettée (traduit

par Henri Abril)

В данном случае имеет место деперсонализация, что мы признаем гармоничным, так как переводчик создает когнитивный метатекст, объясняющий читателю зашифрованное название Венеры, заменяя «Черный Вестер» на «*l'astre noir*». Известно, что в римской мифологии Вестер является олицетворением утренней и вечерней звезды - Венеры, которая появляется перед восходом солнца и вечером, в сумерках.

4) Транспозиция-реперсонализация как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

Приведем пример поэтического текста В. Берестова в переводе А. Абриль:

<i>Геометрия</i>	<i>Géometrie</i>
<i>Геометр отправился в Египет</i>	<i>En Egypte alla Archimède</i>
<i>Посмотреть на параллелепипед.</i>	<i>Voir des parallélépipèdes</i>
<i>И представьте вы его обиду,</i>	<i>Mais là-bas il dit: c'est stupide,</i>
<i>Когда он увидел пирамиду</i>	<i>Il n'y a que des pyramides!</i>

В данном случае имеет место метапереводческая транспозиция-реперсонализация: если в оригинале речь идет о специалисте в области геометрии –Геометре, то переводчик избирает прецедентное имя собственное – Archimede (Архимед), т.к. в сознании многих людей египетская цивилизация соотносится с именем великого ученого Архимеда. В связи с этим замена имени нарицательного именем собственным является примером создания непосредственно переводческого метатекста, а сам перевод мы расцениваем как гармоничный. Функция транспозиции-реперсонализации может быть обозначена как актуализирующая.

Чередующийся тип транспозиции: деперсонализация/реперсонализация в одном и том же контексте

Наблюдаются такие случаи, когда в одном и том же тексте присутствует и деперсонализация, и реперсонализация. Примеры подобного рода мы не

выделяем в отдельный подтип транспозиции, но их изучение в тексте также представляет интерес.

Приведем пример. Поэтический текст Мориса Карема (Maurice Carême) и его перевод на французский язык.

Текст оригинала:

*Neiges d'antant
Que vaut ma joie, que vaut mon rire?
Autant on emporte le vent.
Ah! que le mal se fasse pire!
Disait **Moreas**, ricanant.
Mes romances qui s'en soucie!
Mieux vaut rire, rire et aimer.
Autant on emporte la vie
Et le sygne de Mallarmé.
Quand à faire pleurer Verlaine,
Qui maintenant y songe encore?
Autant on emporte ma peine
Et le sourire de **Paul Fort**.
Apollinaire avait raison:
Les souvenirs sont cors de chasse.
Se tourmenter lorsque tout passe?
Où sont les neiges de Villon?*

Текст перевода

*Прошлогодний снег
Не знал я радостям числа –
Игде теперь мои прикрасы?
Зло не бывает хуже зла –
Припомним **Жана Мориаса**.
Мои стихи! Сказать всерьез,
Уж лучше петь или смеяться.
Их лебедь Малларме унес –
И где теперь за ним угнаться!
А как печалился Верлен?
Была тоска стихам опора.
Игде теперь их нежный плен?
Ну разве что в улыбке **Фора**.
Минувшее лесным рожком
Аполлинер назвал резонно...
Каким теперь покрыт снежком
Тот прошлогодний снег Вийона?*

В данном примере в одной антропонимической паре происходит частичная реперсонализация, когда переводчик добавляет к фамилии имя, **Moreas – Жан Мориас**, во втором случае **Paul Fort – Фор** происходит частичная деперсонализация, когда переводчик устраняет личное имя, оставляя лишь фамилию

5) Уподобляющая транспозиция (по аналогии) как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

Транспозиция по аналогии отличается разнообразием вариантов.

1) антропоним в одном языке заменяется существующим в языке перевода аналогом. Например, личное имя *Peter* заменяется на *Pierre*, личное имя *Андрей* заменяется на *André* и др.

2) имеет место полная замена антропонима, когда переводческий метатекст создается заново по аналогии с исходным текстом. Данный тип транспозиции соотносится с использованием прецедентного имени, которое является лакунарным для другой культуры.

3) проявлением аналогии при передаче антропонима может быть смена фамилии, обозначающей в языке-источнике отсылку к тому или иному явлению, вещи, живому существу, а в целевом языке переводчик подбирает аналогичную отсылку, которая приобретает новую звуковую и графическую форму.

Приведем пример использования прецедентного имени при переводе географических топонимов, которые заменяются на аналогичные топонимы другой страны. При этом перевод мы можем признать гармоничным, т.к. он естественно воспринимается носителями принимающей культуры.

Приведем пример из цитированного выше поэтического текста С.Я. Маршака.

...*Это что за остановка –*

Бологое иль *Поповка*?-

А с платформы говорят:

– *Это город Ленинград.*

...*Mais quel est cet arrêt?*

Trifouillis ou *Tremblay*?

Non, pardi, c'est Paris,-

Lui répond-on du quai.

В данном случае транспозиция имени собственного проявилась сразу в трех топонимах: вместо *Бологое*, *Поповка*, *Ленинград* переводчик использует *Trifouillis*, *Tremblay*, *Paris*, т.е. номинации, близкие и понятные французским детям. Мы рассматриваем данные случаи как метатекст, который выполняет **ассоциативную функцию** для иноязычного читателя.

К данному типу транспозиции имени собственного относится также такой метатекст, при котором происходит замена инокультурного апеллиатива на апеллиатив, приемлемый в принимающей культуре.

Приведем пример перевода апеллиатива из поэтического текста С. Черного, выполненного А. Абриль:

Барыня-сударыня...

Mesdames-mesdemoiselles

В данном случае замену по аналогии можно признать естественной, а перевод - гармоничным, несмотря на то, что ни одна из лексем оригинала не является словарным соответствием.

Следующий пример касается замены фамилии по аналогии. Так, при переводе фамилии из поэтического текста Д. Хармса переводчик Анри Абриль заменяет фамилию *Бобров* на *Castorov* (*Касторов*), т.к. в русском языке номинация *Бобров* восходит к животному *бобр*, что в переводе на французский звучит как *castor*. Так появилась при переводе фамилия *Castorov*:

Бобров шел по дороге и думал: почему если в суп насыпать песка, то суп становится невкусным....(с. 82). *Castorov* marchait sur la route en se demandant: pourquoi la soupe, quand on y verse du sable est-elle moins bonne?.....(p. 83).

Мы считаем, что в данном случае имеет место метапереводческая транспозиция по аналогии. Вместе с тем, данный тип аналогии мы признаем дисгармоничным. Поясним, что дисгармония может быть четырех типов: переводческая ошибка, переводческое несоответствие, переводческая погрешность, переводческая неточность. Данный тип дисгармонии можно обозначить как переводческое несоответствие.

Приведем пример метапереводческой транспозиции по аналогии из повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка»:

Матушка ... говорит Андрей Петрович, Ma mère ... dit André Pietrovitch, notre petit Петруша приехал. Pierre est arrivé.

Мы наблюдаем замену антропонима *Андрей* на существующий аналог *André*, а уменьшительное имя *Петруша* заменено на близкое по смыслу сочетание, которое также можно признать аналогом: *petit Pierre*.

В следующем примере мы наблюдаем метапереводческую транспозицию по аналогии, но констатируем переводческую ошибку:

<i>О. Григорьев. Апельсин</i>	<i>L'orange</i>
<i>Коля сидит на бревне и ест апельсин. Дольку за долькой. Приходит Петя.</i>	<i>Boris, assis sur un rondin, mangeait une orange. Quartier après quartier. Nicolas est venu s'asseoir pres de lui.</i>
<i>-Вкусно?- спрашивает Петя.</i>	<i>-C'est bon?</i>
<i>-Еще как.-отвечает Коля</i>	<i>-Tres bon! repond Boris.</i>
<i>-Эх, - говорит Петя, садись рядышком.</i>	<i>Ah! soupire Nicolas. Si j'avais une orange, je l'aurais partage avec toi.</i>
<i>Если бы у меня был апельсин, я бы обязательно с тобой поделился.-</i>	<i>-Ouais, dit Boris en avalant son dernier quartier d'orange. Dommage que tu n'aies pas d'orange!</i>
<i>-Да, - сказал Коля, доедая апельсин.- жаль, что у тебя нет апельсина.</i>	

Как видим, антропонимы оригинала *Коля* и *Петя* заменены другими именами *Boris* и *Nicolas* (*Борис* и *Николай*), при этом мотивация переводчика совершенно неясная. Вероятно, его намерение состояло лишь в том, чтобы это были русские имена. Мы считаем, что в данном случае имеет место переводческая ошибка.

б) Нейтрализующая транспозиция как способ семантической метапереводческой транспозиции антропонима

Речь идет о такой метапереводческой транспозиции, результатом которой является сохранение антропонимом идентифицирующей или апеллятивной функции при ослаблении экспрессивно-эмотивной функции. К

данному типу транспозиции мы относим и такие случаи, когда сохраняется лишь идентифицирующая функция, а апеллятивная функция элиминируется. Иными словами, опускается имя и отчество персонажа, но сохраняется родственная принадлежность. В обоих случаях имеет место семантический сдвиг в значении антропонима. Заметим, что нейтрализующая транспозиция обычно имеет место при переводе антропонимов с русского языка на французский, так как русскоязычные имена обладают множеством форм – уменьшительных, ласкательных, разговорных, неофициальных и пр., что гораздо реже встречается во французском языке. Приведем пример: имя *Мария* имеет широкий диапазон форм в русском языке: *Маша, Машенька, Маруся, Марусечка, Маня, Маняша, Машуня, Машута, Марийка, Машика* и др., что трудно выразить при его передаче на французский язык.

В качестве примера приведем перевод антропонимов в рассказах Л.Н. Толстого на французский язык, когда переводчик вынужден заменить просторечную форму ИС полной литературной формой, что приводит к нейтрализации ее значения для франкоязычного читателя:

1) <i>Ай, Сема, неладно!</i>	<i>Aie!Semen, ce n'est pas bien!</i>
2) <i>Тебя как звать? Михаил.</i>	<i>Quel est ton nom? Mikhail</i>
3) <i>Ну, Михайла, сказывать про себя
не хочешь - твое дело, а кормиться надо.
Работать будешь, что прикажу, - кормить
буду.</i>	<i>Et bien, Mikhail, tu ne veux rien dire
sur toi, c'est ton affaire. Il faut manger, sit u
fais ce que je te dirai, je te donnerai a manger.</i>

Данный тип транспозиции мы определяем как транспозицию с отрицательным вектором, что можно рассматривать как дисгармоничный перевод.

Аналогичные примеры наблюдаем при анализе переводов ИС в рассказах Л.Н. Толстого. Так, в рассказе «Архиерей» («L'évêque») читаем:

<i>Пойдем, Катечка, - пусть владыка
поспит (с. 116)</i> | <i>Viens, Katia, que Monseigneur dorme
un peu (p. 117)</i> |
|--|---|

В данном случае уменьшительная, ласкательная форма ИС *Катенька* заменена на нейтральную *Katia (Катя)*, что является выражением нейтрализующей транспозиции.

В этом же рассказе наблюдаем примеры, когда антропоним элиминируется и заменяется именем нарицательным:

Как и вчера, из соседних комнат сквозь стену доносились голоса, звук стаканов, чайных ложек... Мария Тимофеевна весело с прибаутками рассказывала о чем-то отцу Сисою.... (с. 112). *Comme la veille, il entendait dans les pièces voisines, à travers les cloisons des voix, des bruits de verre, de petites cuillères.... Sa mère racontait gaiement quelque chose qu'elle parsemait de dictons au père Sissoi.... (p.113).*

Как видим, *Мария Тимофеевна* заменена в переводе на *sa mère (мать)*, что можно рассматривать как индивидуальный выбор переводчика.

При переводе А.С. Пушкина констатируем следующее проявление нейтрализующего подтипа метапереводческой транспозиции антропонима:

Палаша прибежала тут же за мною (с. 469). *Palachka était accourue à ma suite (p.66).*

В данном контексте антропоним *Палаша* переведен как *Palachka*, что мы рассматриваем как нейтрализацию. В других контекстах, в оригинале данный антропоним чаще встречается в разговорной форме *Палашка*, что мы признаем адекватным: *Палашка-Palachka*. Речь идет о ситуациях обращения прислуге. Но говоря об этом персонаже в третьем лице, автор использует общепринятую форму, что не было учтено переводчиком.

Нейтрализующая транспозиция отмечена нами также при переводе с французского языка на русский. В качестве примера мы используем фрагмент романа современной французской писательницы М. Барбери «Элегантность ежика» (Muriel Barbery, «L'élégance du hérisson»):

*Cela peut sonner comme un proverbe populaire, bien que ce soient aussi les paroles que le **maréchal Koutouзов**, dans "Guerre et Paix », adresse au prince André (p. 126).* Звучит как поговорка, а на самом деле, это слова, которые **Кутузов** в «Войне и мире» говорит князю Андрею (с. 127).

Переводчик сохраняет прецедентное имя *Кутузов*, но элиминирует его военный чин *маршал*, что не препятствует пониманию.

Нейтрализующая транспозиция встречается при передаче ИС в поэтическом тексте, как это было отмечено ранее в прозаическом тексте. Проиллюстрируем на примере перевода стихотворения Р. Сеф с русского языка на французский. В тексте один антропоним употреблен автором и в разговорной форме *Ваня*, и в литературной *Иван*; в переводе же использована лишь полная форма имени – *Ivan*, что не снижает денотативных свойств ИС, но ослабляет экспрессивно-эмотивные.

Текст оригинала

Путешествие

В океане плыл диван.

*А на нем лежал **Иван**.*

Так приятно в океане

Плавать лежа на диване.

*Долго плыл **Иван**,*

Но случился ураган.

И акулы, вот напасть –

На диван хотят напасть...

*А у **Вани** нету весел.*

Плохо дело! Но для вас

*Я **Ивана** все же спас.*

Трус не станет в океане

Плавать лежа на диване (с. 144)

Текст перевода:

Le grand voyage

Ivan s'en va souvent

Sur l'ocean.

Eveille ou revant

Hiver comme printemps

Ivan vogue gaiement

Sur l'ocean

Sans peur des vents

Ni des riquins geants

Ivan va vaillament

Sur l'ocean.

Ivan s'en va souvent

Sur l'ocean

Sans quitter pour autant

Son divan.

7) Конверсивная транспозиция как способ семантической метAPEReводческой транспозиции антропонима (прономинализация/адвербиализация)

Речь идет о таком типе транспозиции, при котором антропоним приобретает форму неопределенного местоимения или наречия, т.е. является достаточно необычным в тексте оригинала и для достижения гармонии переводчик создает другое необычное имя, которое по мере его употребления в тексте становится приемлемым и понятным как читателю оригинала, так и читателю перевода.

Приведем пример такой транспозиции на внутриязыковом и межъязыковом уровне, а затем проиллюстрируем функционирование ИС в тексте.

Мы обратились к цитированному выше роману М. Барбери «Элегантность ежика». В главе «Грамматика», в разделе «Бесконечная малость» автор употребляет следующую номинацию: «*M. Quelque Chose*», что буквально переводится как «*Месье Что-то*» и является во французском языке неопределенным местоимением. Переводчик выбирает форму наречия, нарекая персонажа именем «*Месье Как-то там*», что, на наш взгляд, звучит совершенно естественно на русском языке. Действительно, когда мы не можем о чем-то или о ком-то вспомнить, мы говорим: «*Как-то там.....*».

Обратимся к тексту.

<i>Il s'appelle</i>	<i>Kakuro</i>	<i>Quelque</i>	<i>Его зовут</i>	<i>Какуро Как-то там</i> (с. 161).
<i>Chose....p. 161</i>				
- <i>Vous montrerez</i>	<i>monsieur</i>		- <i>Покажите месье</i>	<i>Как-то там</i>
<i>Quelque Chose (Chou?)</i>	<i>les communs?</i>		<i>(Шу?)</i>	<i>места общего пользования!</i>
- <i>Pouvez-vous expliquer a</i>			- <i>Объясните месье</i>	<i>Как-то</i>
<i>monsieur Quelque Chose (Pschou?)</i>	<i>la</i>	<i>там(Пуу?)</i> ,	<i>когда и как у нас разносят</i>	
<i>distribution du courrier?</i>		<i>почту.</i>		
- <i>Des decorateurs vont venir</i>			- <i>Завтра между десятью и половиной</i>	
<i>vendredi. Pourriez-vous la guetter pour</i>	<i>одиннадцатого</i>	<i>придут</i>	<i>отделочники.</i>	

monsieur Quelque Chose (Opchou?)entre dix heures et dix heures et demie? Дождитесь их и проводите в квартиру
mesme Как-то там (Опшу?).

- Etc.

И так далее.

- M. *Quelque Chose ne montre aucune impatience....* (p.. 162)

Месье Как-то там, само спокойствие и учтивость(с. 162).

Сопоставим метапереводческие транспозиционные преобразования в тексте перевода с оригиналом. Во-первых, отметим, что автор романа создает искусственное, специально сконструированное имя, которое используется для номинации одного из жильцов дома, где главная героиня работает консьержкой. Речь идет о господине из Японии, поселившемся в этом доме, фамилию которого достаточно трудно произнести французам. Если в оригинале сконструированное имя тяготеет к прономинализации: *quelque chose* - неопределенное местоимение, то в переводе *как то там* мы наблюдаем адвербиализацию, т.к. данная форма является наречием. Мы констатируем, что в данном случае речь идет о конверсии одной части речи в другую. Мы признаем данный вариант метапереводческого текста гармоничным, т.к. сконструированное автором ИС было реконструировано переводчиком, что создает у потенциального читателя ощущение, сходное с ощущениями читателя оригинала.

Все рассмотренные выше подтипы метапереводческой транспозиции представлены в таблице.

Таблица № 3

Тип: Семантическая метапереводческая транспозиция

	Подтипы	Текст оригинала	Текст перевода	Автор/Переводчик	Функция / Оценка качества перевода
1.	генерализующая транспозиция	<i>Renée. Il s'agissait de moi. Pour la première fois, quelqu'un s'adressait à moi en disant mon prénom. (...) Car pour que la conscience advienne, il faut un nom...</i>	<i>Рене. Это же я. Впервые кто-то позвал меня по имени. (...) На самом деле, сознание включается тогда, когда произносится имя.</i>	Muriel Barbery / Н.Мавлевич-М.Кожевникова	Интенциональная / Гармоничный метаперевод
2.	транспозиция-	<i>Жил человек</i>	<i>Connaissez-vous</i>	С.Я.Маршак /	Ассоциативная /

	версификация	<i>рассеянный</i> На _____ улице <i>Бассейной...</i>	<i>L'Urluberlu</i> <i>De la rue Lanturlu?</i>	Henri Abril	Гармоничный метаперевод
3.	транспозиция- деперсонализация	<i>Черный Вестер</i> в зеркале мерцает. Все проходит. Истина темна.	<i>Voici dans un miroir</i> <i>l'astre noir est</i> <i>trembleur.</i> <i>Tout s'envole. Obscure</i> <i>est la vérité.</i>	О. Мандельштам / Henri Abril	Актуализирующ ая / Гармоничный метаперевод
4.	транспозиция- реперсонализация	<i>Геометр</i> отправился в Египет Посмотреть на параллелепипед. И представьте вы его обиду, Когда он увидел пирамиду	<i>En Egypte alla</i> <i>Archimède</i> <i>Voir des</i> <i>parallelepipedes</i> <i>Mais là-bas il dit: c'est</i> <i>stupide,</i> <i>Il n'y a que des</i> <i>pyramides!</i>	В.Берестов / Henri Abril	Актуализирующ ая / Гармоничный метаперевод
5.	уподобляющая транспозиция	<i>Бобров</i> шел по дороге и думал: почему если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным....	<i>Castorov marchait sur</i> <i>la route en se</i> <i>demandant: pourquoi</i> <i>la soupe, quand on y</i> <i>verse du sable est-elle</i> <i>moins bonne?...</i>	Д.Хармс / <i>Henri</i> <i>Abril</i>	Интенциональн ая / Эквивалентный метаперевод
6.	нейтрализующая транспозиция	Ну, <i>Михайла</i> , сказывать про себя не хочешь – твое дело, а кормиться надо. Работать будешь, что прикажу, - кормить буду. Пойдем, <i>Катечка</i> , - пусть владыка поспит	<i>Et bien, Mikhail, tu ne</i> <i>veux rien dire sur toi,</i> <i>c'est ton affaire. Il faut</i> <i>manger, it u fais ce que</i> <i>je te dirai, je te</i> <i>donnerai a manger</i> <i>Viens, Katia, que</i> <i>Monseigneur dorme un</i> <i>peu</i>	Л.Н.Толстой / Jean Pierre Vasseur	Ассоциативная / Эквивалентный метаперевод Ассоциативная / Эквивалентный метаперевод
7.	конверсивная транспозиция	<i>Pouvez-vous expliquer</i> <i>a monsieur Quelque</i> <i>Chose (Pschou?) la</i> <i>distribution du</i> <i>courier?</i>	<i>Объясните мне</i> <i>Как-то там (Пуш?),</i> <i>когда и как у нас</i> <i>разносят почту</i>	Muriel Barbery / Н.Мавлевич- М.Кожевникова	Интенциональн ая / Гармоничный метаперевод

3.4.3. Метапереводческая транспозиция как создание периферийного текста перевода – развернутый и пространственный тип и подтипы

1) Лингвокультурная метапереводческая транспозиция антропонима

Речь идет о создании переводчиком развернутого метатекста, содержащего подробный комментарий, касающийся образования и

использования русскоязычных имён собственных при их переводе на французский язык. Метатекст представлен в сносках, сопровождающих основной текст и расположен на той же странице. Мы предположили, что развернутые метатексты являются относительно новым явлением, нацеленным на более глубокое понимание переводного текста иноязычным и инокультурным реципиентом, в частности, если речь идет о новых переводах классических произведений, которые, в некоторых случаях, не понятны и для собственных читателей, что также требует создания особого метатекста.

В качестве примера назовем перевод А.П. Чехова «Чайка» на французский язык.

После того, как были обозначены все персонажи, переводчик дает следующие пояснения: *Treplieva: l'usage russe féminise le nom de famille en -a –ainsi Treplieva et Trepliev sont-ils un seul et même nom-, et place entre le prénom et le nom de famille le patronyme formé sur le prénom du père suivi des suffixes –ovitch ou -evitch pour les hommes et -ovna et -evna pour les femmes. Dans les didascalies, les personnages sont désignés soit par leur nom de famille (Sorine, Trepliev...) soit par leur prénom (Nina, Macha).*

С помощью данного метатекста переводчик поясняет значение суффиксов для образования мужских и женских отчеств, а также типы окончаний женских фамилий и пр.

Кроме того, переводчик объясняет варианты русских имен, что мы относим к метатексту и метапереводу. Так, *Kostia: diminutif affectueux de Konstantin* (Костя: нежное уменьшительное от Константин), *Pietroucha-diminutif de Piotr* (Петруша – уменьшительное от Петр).

Аналогичные примеры встречаем при переводе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Текст перевода:

C'est Dounia qui verse le thé

Текст метаперевода:

Dounia – diminutif d'Eudoxie.

Комментируя данный метаперевод, заметим, что в эпоху И.С. Тургенева, переводчика пушкинского текста, билингва, который в совершенстве владел французским языком, много лет жил во Франции, франкоязычный антропоним *Eudoxie* был естественным и понятным, в то время как современные переводчики выбрали бы другую языковую форму, транслитерируя ее: *Evdokia*.

Как видим, переводческий метатекст содержит лингвокультурологический комментарий, дополняющий внеязыковые ассоциации имен, свойственные носителям языка. При этом иноязычный читатель не имеет подобных ассоциаций, и переводчик вынужден создать метатекст ИС, чтобы облегчить восприятие текста перевода в целом. В этом случае метапереводческая транспозиция выполняет актуализирующую функцию.

2) Историко-литературная метапереводческая транспозиция антропонима

Проиллюстрируем на примере перевода пьесы А.П. Чехова «Чайка» проявление данного типа транспозиции:

Текст оригинала:

Мило, талантливо... но... после

Толстого или Золя не захочешь читать
Тригорина.

Текст перевода:

C'est gentil, plein de talent....mais...

après Tolstoi ou Zola, on n'a pas envie de lire
Trigorine (p.44)

Переводческий метатекст: *Léon Tolstoi: romancier, conteur et dramaturge russe (1828-1910); écrivain réaliste, auteur notamment de Guerre et Paix. Emile Zola: romancier, naturaliste (1848-1902), auteur notamment du cycle Rougon-Macquart, Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second empire. Par ces références on comprend que Trigorine est un auteur réaliste, qui s'applique à représenter le plus fidèlement possible la réalité (p. 44).*

Исходя из представленного выше метатекста, делаем вывод, что все имена собственные данного фрагмента текста оригинала (*Толстой, Золя, Тригорин*) нашли метапереводческое осмысление. Подчеркнем, что анализируемый нами перевод был опубликован во Франции в 2006 г.

издательством Фламмарьон (Editions Classiques, GF Flammarion). Переводчик посчитал необходимым объяснить для современного французского читателя пьесы А.П.Чехова и русское, и французское прецедентное имя, обозначив годы жизни писателей и их самые выдающиеся произведения. Более того, переводчик поясняет также, что персонаж романа Тригорин относится к писателям-реалистам, как известные писатели Л. Толстой и Э. Золя. На данном примере создания переводческого метатекста убеждаемся в его значимости при чтении классической литературы современными читателями как в оригинале, так и в переводе. В данном случае метатекст выполняет интенциональную функцию.

В этом же тексте встречаем аналогичный пример:

<p>Текст оригинала: <i>Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?</i></p>	<p>Текст перевода: <i>Peut-être savez-vous ou se trouve à présent le comique Tchadine, Pavel Semionytch? Il était incomparable dans le rôle de Raspliuoiev meilleur que Sadovski, je vous le jure, chère madame. Ou est-il à présent? (p. 51).</i></p>
---	---

Переводческий метатекст: *L'acteur N.M.Sadovski (1818-1872) fut le premier interprète de Raspliuoiev, héros du Mariage de Kretchinskij, pièce de A.V.Soukhovo-Kobyline (1855). (p. 51).*

Проанализируем метапереводческую транспозицию имени собственного *Садовский*. Переводчик объясняет современному читателю, что речь идет о первом исполнителе данной роли, он также напоминает, о какой пьесе идет речь и называет годы жизни актера. Для современного читателя оригинала эта информация также может оказаться неизвестной. Но переводчик, который стремится как можно полнее раскрыть интенции автора оригинала, данная внетекстовая информация представляется значимой, тем самым он реализует интенциональную функцию метапереводческой транспозиции.

Приведем пример создания переводческого метатекста из театрального дискурса. Пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня» в переводе Д. Рош (Denis Roche):

Текст оригинала:	Текст перевода:	Переводческий метатекст – метапереводческая транспозиция:
<p>Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского</p>	<p>Oui, une scène digne du pinceau d'Aivazovski.</p>	<p>Trait d'humour. Aivazovski était un peintre de marine, qui peignait surtout des vues de Crimée, très fades.</p>

Обратный перевод метатекста: юмористическая черта. Айвазовский был поэтом-маринистом, который особенно любил рисовать виды Крыма, очень....

Широкий литературно-исторический контекст в виде переводческого метатекста создан при переводе «Евгения Онегина».

Текст оригинала:	Текст перевода:	Текст метаперевода:
<p>Волшебный край! там в стары годы, Сатиры смелый властелин, Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин; Там Озеров невольны дани Народных рукоплесканий С молодой Семеновой делил; Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый; Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный рой, Там и Дидло венчался</p>	<p>Séjour enchanteur. Là, naguers, brillait le hardi maître de satire, l'ami de la liberté, von Wiesen et le facile imitateur Kniajinine, là, Ozérof, partageait avec la jeune Séménof le tribut des larmes et d'applaudissements arraché à tout public, là, notre Katénine a ressuscité le mâle génie de Cornelle, là – le piquant Chakovski, a laché le brilliant essaim de ses comédies, la, Didlot, s'est couronné de gloire.</p>	<p>Wiesen – écrivain du temps de Catherine II. Il est auteur de deux comédies, le Brigadier et le Gentilâtre. Kniajinine- écrivain de second ordre qui composa dans la vieillesse une tragédie Vadim. Ozérof- poète tragique que l'on comparait à Racine. Il est auteur d'un Dmitri-Donskoi. Séménof - excellente actrice tragique – Katénine- ami de Pouchkine et traducteur de Corneille. Chakovski- auteur fécond</p>

славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись

*d'une foule des comédies
bourgeoises.
Didelot-danseur français,
maître de ballets*

Как видим, переводческий метатекст раскрывает значимость каждого персонажа, преимущественно в русской культуре, так как А.С. Пушкин апеллировал к известным личностям своего времени, что не требовало авторских пояснений.

Приведем аналогичные примеры из этого же романа, иллюстрирующие создание переводческого метатекста как литературно-исторического контекста, восполняющего недостающие фоновые знания иноязычных реципиентов.

Текст оригинала:	Текст перевода:	Текст метаперевода:	Текст обратного метаперевода:
<i>К Talon помчался:</i> <i>он уверен,</i> Что там уж ждет его Каверин.	<i>Il arrive chez Talon,</i> <i>sûr que Kaverine l'y</i> <i>attend.</i>	<i>L'un restaurateur,</i> <i>l'autre gastronome du</i> <i>temps</i>	<i>Первый -</i> <i>ресторатор, второй</i> <i>– известный в то</i> <i>время гастроном.</i>
<i>«Да та, которая</i> <i>грустна</i> И молчалива, как Светлана,	<i>Celle</i> <i>mélancolique</i> <i>silencieuse comme</i> <i>Svetlana.....</i>	<i>qui Héroïne d'une ballade</i> <i>et de Joukovski.</i>	<i>Героиня баллады</i> <i>Жуковского.</i>

В настоящее время можно сказать, что переводческий комментарий приобретает другую значимость: для нынешних русских читателей эти персонажи также требуют своего метатекста, создаваемого на родном языке, для носителей родной культуры.

В рамках проводимого исследования мы констатируем, что способ перевода данных поэтонимов относится к формальному типу транспозиции: транскрипции или транслитерации. Но создание отдельного переводческого

метатекста, который помещен на той же странице, что и сам перевод, позволяет нам рассматривать транспозицию как создание развернутого переводческого метатекста.

Отметим также, что при переводе романа «Евгений Онегин», выполненного И.С. Тургеневым и Л. Виардо, содержится множество переводческих комментариев, которые мы относим к категории метапереводческой транспозиции.

Обратимся к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводу на французский язык “Le Maître et Marguerite”. Переводчик К. Лини создает переводческий метатекст, объясняя происхождение имени «Маргарита». Глава XIX имеет заголовок «Маргарита»- “Marguerite” и переводчик дает три комментария внизу страницы (что мы могли бы также отнести к пространственной контактной метапереводческой транспозиции):

1. Le nom de Marguerite renvoie tout d ‘abord à la Gretchen de Goete. L’héroïne de Boulgakov en a hérité la force toute-puissante du sentiment amoureux, en revanche le motif de l’infanticide sera transféré à Frida.

2. Ce nom renvoie également à Marguerite de Valois, la reine Margot (1553-1616), Marguerite étant souvent appelée ainsi, notamment au cours du bal de la pleine lune.

3. D’un point de vue biographique, la fugure de Marguerite évoque Elena Serguéevna, la troisième femme de l’écrivain qui avant de se lier à Boulgakov, était épouse de l’état-major de Moscou E.A.Chitovski: même caractère fort, passionné, même dévouement fanatique à l’être aimé |(p. 299).

Согласно данному метатексту, имя Маргарита восходит к именам Гретхен (Гёте) и королева Марго. Сам образ Маргариты воскрешает в памяти супругу писателя Елену Сергеевну. Следовательно, переводчик создает развернутый историко-культурный метатекст, обуславливая позитивное восприятие текста перевода франкоязычным читателем.

В таблице будут представлены все рассмотренные нами выше подтипы метапереводческой транспозиции ИС-антропонима

Таблица № 4

Тип: Развернутая метапереводческая транспозиция

	подтипы	Текст оригинала	Текст перевода	Текст метаперевода	Автор/Переводчик	Функция / Оценка качества перевода
1.	Лингвокультурологическая	А Дуня разливает чай,	<i>C'est Dounia qui verse le thé</i>	<i>Dounia – diminutif d'Eudoxie</i>	Пушкин / Тургенев	Актуализирующая / Гармоничный метаперевод
2.	литературно-историческая	Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?	<i>Peut-être savez-vous où se trouve à présent le comique Tchadine, Pavel Semionytch? Il était incomparable dans le rôle de Raspliuoiev meilleur que Sadovski, je vous le jure, chère madame. Ou est-il à présent?</i>	L'acteur N.M.Sadovski (1818-1872) fut le premier interprète de Raspliuoiev, héros du Mariage de Kretchinskij, pièce de A.V.Soukhovo-Kobyline (1855)	Чехов / Denis Roche	Актуализирующая / Гармоничный метаперевод
		– (предисловие переводчика существует только на языке перевода)	Oui, une scène digne du pinceau d'Aivazovski	Trait d'humour. Aivazovski était un peintre de marine, qui peignait surtout des vues de Crimée, très fades.	Denis Roche	Актуализирующая / гармоничная передача имплицитной информации

Различаем два типа: дистантная и контактная. Если метатекст расположен в непосредственной близости к переведенному ИС, т.е. в сносках, либо в нижней части страницы, такую транспозицию мы считаем контактной. Если же метатекст расположен либо в переводческом

предисловии, послесловии или в примечаниях переводчика, такую транспозицию мы считаем дистантной

1) Контактная метапереводческая транспозиция антропонима

Метатекст выражен в форме переводческого комментария, представленного внизу страницы.

Представим текст оригинала, текст перевода и метатекст переводчика.

Текст оригинала:

Au coin de la rue Grenelle et de la rue du Bac, locataire imperturbable de ses cartons usés, Gégène me regarde approcher comme la mygale sa proie.

Eh, la mère Michel, n'avez-vous encore perdu votre chat? Me lance-t-il et il rigole (p. 146).

Текст перевода:

На углу улицы Гренель и улицы Бак прочно обосновался в будке из старых картонных коробок клошар Жежен. Он углядел меня издали и поджидает, как паука свою жертву, Когда же я подхожу, весело горланит:

- Что, тетушка Мишель, опять пропал любимый кот?(с. 146)

Переводческий метатекст:

Тетушка Мишель – персонаж известной французской народной песенки:

У тетушки Мишель пропал любимый кот.

Рыдает и кричит – кто ей кота вернет! и т.д.

Интерпретация переводческого метатекста. Во-первых, необходимо пояснить, что главный персонаж романа - консьержка Рене, которая проводит всю жизнь в привратничкой, и к которой жильцы дома обращаются со словами «Мадам Мишель». Естественно, клошар (бездомный) Жежен обращается к ней в другом регистре, что можно было бы перевести как *матушка Мишель*, но переводчик избирает *тетушка Мишель*, вероятно, в силу того, что в известной французской песенке речь идет о тетушке Мишель. Во-вторых, Жежен пытается установить контакт с консьержкой, пообщаться, повеселиться, обменяться новостями и пр., поэтому он напоминает слова известной веселой песенки. Ясно, что в данном случае переводческий метатекст выполняет ассоциативную функцию, т.е. создает

для реципиента ряд ассоциаций, которые присутствуют в сознании читателя оригинала.

Многочисленные примеры контактной метапереводческой транспозиции ИС, когда переводчик вынужден представлять иноязычному читателю обширный комментарий в виде сносок внизу страницы, представляет перевод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на французский язык. Отстаивая идеалы национальной и общечеловеческой культуры, писатель создал уникальное произведение, сложное для восприятия как его современниками, так и последующими поколениями читателей, что, естественно, вызывает трудности переводческого понимания, предназначенного для представителей другой лингвокультуры.

Мы обратили внимание на некоторые метатекстовые включения, связанные с ИС. Приведем примеры.

Текст оригинала:

Отставной втируша-регент сидел на том самом месте, где сидел еще недавно сам Иван Николаевич. Теперь регент нацепил себе на нос явно ненужное пенсне в котором одного стекла вовсе не было, а другое треснуло. От этого клетчатый гражданин стал еще гаже, чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь на рельсы (с. 60).

Текст перевода:

Le grotesque chantre en retraite s'était assis à la place même, qu'occupait tres recemment encore, Ivan Nikolaievitch. Il avait chaussait son nez d'un lorgnon absolument superflu , étant donné qu'un des verres manquait et que l'autre était felé, et ce citoyen à carreaux en paraissait plus répugnant encore que tout à l'heure, quand il avait mis Berlioz sur le chemin des rails (. 80).

Текст метаперевода:

Nous apprendrons plus tard qu'il s'agit de Koroviev (déjà apparu p. 27), figure qui associe le monde de la pègre et celui du cirque. Le couple qu'il forme avec le chat Begemot, petit et gros fonctionne sur le mode du duo grotesque (fréquent chez les clowns) très présents dans la cinématographie excentrique (Kosintsev et Trauberg). Il évoque également les diables bouffon de carnaval (p. 80)

В данном случае мы наблюдаем «двойную» метапереводческую транспозицию ИС: дистантную и транспозицию- реперсонализацию. С одной стороны, переводчик создает метатекст, который мы процитировали выше. С другой стороны *клетчатый гражданин* и *citoyen à carreaux* в метатексте заменены на антропоним - *Koroviev (Коровьев)*.

Приведем еще один пример из этого произведения М.А. Булгакова в переводе на французский язык.

Текст оригинала:

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кинтерион, командующий особой кентурией, Марк, прозванный Крысобоєм, предстал перед прокуратором.

Текст перевода:

Un ombre parut s'étendre sur la terrasse quand le centurion Marcus chef de la première centurie et surnommé Mort-aux-rats, se présenta devant le procureur.

Метатекст переводчика:

Boulgakov fait image en transformant le latin Muricidus (qui signifie indolent) en Mort-aux-rats

В данном метатексте переводчик дает отсылку на происхождение антропонима.

В переводе пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» (А. Tchekhov, «La Serisaie») антропоним «**Петя**» сопровождается метатекстом: **Petia – diminutif de Piotr**, в котором переводчик объясняет, что *Петя* – это уменьшительная форма имени для полного имени Петр. В данном случае метатекст существует отдельно от текста пьесы и расположен в переводческих комментариях.

В переводе пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» (А. Tchekhov, “Oncle Vania”) сначала встречаем текст: *Toi, Lénotchka*, затем – метатекст, расположенный в сносках внизу страницы: *Diminutif d'Hélène*.

2) Дистантная метапереводческая транспозиция антропонима

Начнем с примеров, представленных в переводческих предисловиях. Так, в предисловии к сборнику стихов А. Тарковского на французском языке,

составленному переводчиком-редактором Л.Миллер, находим дистантный переводческий метатекст, объясняющий имя и отчество поэта.

Текст предисловия:

“Et qu’y faites-vous donc? Vous torturez?” – s’enquit Arseni Alexandrovitch.

Переводческий метатекст:

Prénom et patronyme de Tarkovski

В следующем фрагменте также имеется дистантный переводческий метатекст, поясняющий имя первой жены А. Тарковского и матери А. Тарковского.

Текст предисловия:

Qu’il est douloureux de regarder Le Miroir à présent que ni André, ni Arseni Alexandrovitch, ni Maria Ivanovna ne sont plus de ce monde.

Дистантный переводческий метатекст:

La première femme de Tarkovski et la mère d’Andrei.

В следующем примере автор предисловия Л. Миллер поясняет, какие фильмы создал А. Тарковский.

Текст предисловия:

Une fois, en 1977, la conversation porta sur André

Дистантный переводческий метатекст:

André Tarkovski, l’auteur des films Andrei Roublev, Solaris, Le Miroir, Nostalghia, le sacrifice.

Обратимся к примерам, репрезентирующим метапереводческую транспозицию ИС-антропонима в примечаниях переводчика. Нас заинтересовали примечания переводчика Н. Мавлевич к комической драме Э. Ионеску «Урок» (Eugène Ionesco, “La leçon|”, Notes, p. 119-128). Уточним, что персонажи пьесы Э. Ионеску имеют два анонимных антропонима, которые пишутся с прописной буквы и одно собственное имя: Professeur, Elève, Marie, которые переведены как Учитель, Ученица, Мари. Но в примечаниях переводчика мы наблюдаем проявления дистантной транспозиции, касающиеся интертекстуальных включений, которые объясняет переводчик. Примечание переводчика мы определяем как

дистантный метатекст: *Трактовка имени Филипп через имя Жерара де Нерваль предполагает наличие эллипса: речь идет об известном французском актере Жераре Филиппе.*

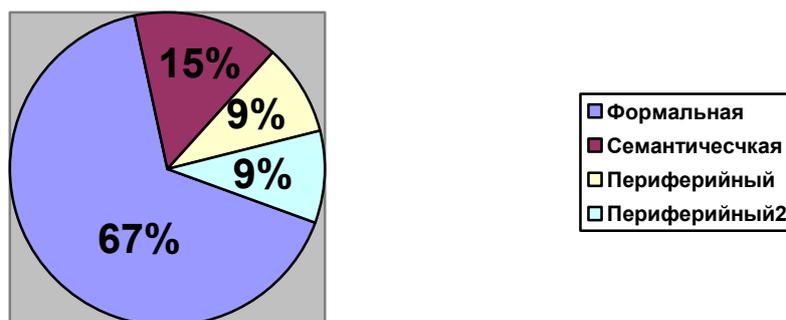
Результаты анализа представлены в таблице.

Таблица № 5

Тип: Пространственная метапереводческая транспозиция

	Подтипы	Текст оригинала	Текст перевода	Текст метаперевода	Автор/Переводчик	Функция / Оценка качества перевода
1.	контактная.	<i>Eh, la mère Michel, n'avez-vous encore perdu votre chat? Me lance-t-il et il rigole (p. 146).</i>	<i>-Что, матушка Мишель, опять пропал любимый кот?(с. 146)</i>	<i>Тетушка Мишель - персонаж известной французской народной песенки: У тетушки Мишель пропал любимый кот. Рыдает и кричит – кто ей кота вернет! и т.д.</i>		Акутализирующая / Гармоничный перевод
2.	дистантная	<i>Une fois, en 1977, la conversation porta sur André (оригинал = предисловие переводчика)</i>	–	<i>André Tarkovski, l'auteur des films Andrei Roublev, Solaris, Le Miroir, Nostalghia, le sacrifice.</i>	Evgueni Polykachine	Акутализирующая / Гармоничный метаперевод

Завершая проведенное исследование, представим схематически полученные результаты в виде диаграммы, иллюстрирующей соотношение выявленных нами типов переводческой и метапереводческой транспозиции антропонимов в арт-дискурсе.

Как явствует из диаграммы, случаи переводческой транспозиции составляют 67% от общего числа проанализированных нами транспозиционных преобразований. Метапереводческая транспозиция антропонимов составляет 33%, в рамках которой мы наблюдали 15% метапереводческой транспозиции как создание основного текста перевода и 18% метапереводческой транспозиции как создание периферийного текста перевода, представленной двумя типами. Несмотря на то, что метаперевод антропонима не превышает 1/3 всех транспозиционных преобразований, именно данный процесс обуславливает переводческие трудности, что свидетельствует о необходимости его специального рассмотрения.

3.5. Метапереводческая транспозиция апеллятивов

В предыдущих параграфах мы намеренно не рассматривали различные апеллятивы: обращения, титулы, звания и другие референтные слова, которые примыкают к поэтонимам и театронимам. Согласно исследованиям отечественных ономастов, данные лексемы не входят в разряд имен собственных. Но при изучении метапереводческой транспозиции антропонимов мы убедились, что их совместная встречаемость в одном языке может оказаться неуместной в другом, в результате чего один тип транспозиции заменяется другим. Данный феномен может быть исследован с позиций комбинаторной лингвистики как коллокация, что нашло отражение в работах М.В. Влавацкой, отмечающей, что появление коллокаций основано на «...регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а чисто семантическими факторами» [Влавацкая 2016: 78].

По нашим наблюдениям, если в оригинале ИС-антропоним сопровождается апеллятивом, то при переводе любое из них может быть элиминировано по принципу межъязыковой транспозиции. Например, в оригинале использован театроним *Madame Chanel*, переводчик использует либо лексему *Мадам*, либо лексему *Шанель*, но не использует сочетание ИС и апеллятива одновременно: *Мадам Шанель*. Очевидно, исходная коллокация мало употребительна в русской культуре, что позволяет нам признать элиминирование лексемы нормативным, а перевод гармоничным. Если же рассматривать апеллятивы отдельно от ИС, то окажется, что даже в рамках одного текста они могут быть переданы по-разному, что свидетельствует о неоднородности процесса транспозиции.

Таким образом, транспозиция антропонимов-обращений, антропонимов-титолов, антропонимов-званий и др., обладающих функцией обращения к собеседнику - распространенное явление, которое имеет особенности перевода, представляющие несомненный научный интерес.

В исследовании В.М. Тарасова изложены современные воззрения на особенности перевода обращений [Тарасов 2011, АКД]. Обращения рассматриваются автором как коммуникативные единицы, являющиеся носителями национально-культурного колорита и элементами этикета. Автор выделяет следующие функции: номинативная, фатическая, социально-регулятивная, эмоционально-экспрессивная. Важно, что использование формальных эквивалентов при переводе обращений возможно не во всех случаях, даже при его наличии в языке. В.М.Тарасов представляет следующую классификацию апеллятивов-обращений:

- 1) имена собственные с титулом или без него;
- 2) титулы почтения с именами собственными или без них;
- 3) имена нарицательные одушевленные или неодушевленные, обозначающие термины родства, профессии, должности, титулы и пр.

Как показал исследуемый нами материал, переводчики не придерживаются определенных критериев в процессе передачи ИС-антропонимов, сопровождаемых апеллятивами, что вносит «разнобой» даже в рамках одного произведения.

При переводе апеллятивов мы констатируем расхождения в рамках одного текста, что можно объяснить развертыванием переводческой рефлексии, которая может привести как к гармонии, так и к дисгармонии.

В качестве примера проанализируем несколько апеллятивов при переводе повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на французский язык:

РЯ	ФЯ
<i>отец мой</i>	<i>mon père</i>
<i>батюшка</i>	<i>mon père</i>
<i>батюшка</i>	<i>mon bon maître</i>
<i>батюшка</i>	<i>mon bon monsieur</i>
<i>матушка</i>	<i>ma mère</i>
<i>тетушка</i>	<i>tante</i>

Как явствует из данных примеров, *mon père* использовано и для *отец мой* и для *батюшка*. Что касается перевода *батюшка*, данный оним приобретает разные формы: *mon père*, *mon bon maître*, *mon bon monsieur*. Разумеется, такой подход снижает эмоциональную окраску текста перевода, не отражая интенции автора.

При переводе лексемы *попадья* в начале текста переводчик использует апеллятив-экспликатив *femme de pope*, а в конце текста появляется апеллятив-неологизм *popesse*, который можно считать переводческой находкой, что мы относим к гармоничному переводу.

В этом же тексте наблюдаем проявление переводческой неудачи: апеллятив *девица* переведен как *mademoiselle*, что не соответствует функционально-стилевой характеристике оригинала, и что мы относим к дисгармоничному переводу.

Приведем примеры транспозиции апеллятивов-обращений, опираясь на представленную выше классификацию В.М. Тарасова.

1) Транспозиция апеллятивов и ИС-антропонимов в художественном прозаическом дискурсе (из рассказов Л.Н. Толстого в переводе Ж-П. Вассер (Jean-Pierre Vasseur).

Оригинал:

-Батюшка и матушка, где живет мой крестный?

Перевод:

- Petit papa et petite maman, ou est mon parrain?

Согласно представленной выше классификации, данные обращения относятся к группе имен нарицательных, обозначающих термины родства. Мы относим их к формальной транспозиции.

Оригинал:

Эх, милый человек!

Перевод:

Eh, cher ami!

В приведенном выше контексте использовано обращение-транспозиция с именами нарицательными.

Оригинал:

Дядя Михаила! Глянь-ка!

Перевод:

Regarde, oncle Mikhail!

В данном случае наблюдаем транспозицию апеллятива и ИС.

2) Транспозиция апеллятивов, сопровождающих ИС-антропонимы в театральном дискурсе (из пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» в оригинале и переводе на французский язык)

Оригинал:

Кушайте, батюшка!

Что, мачеха?

Перевод:

Bois, petit père!

Et quoi, ma belle-mère?

Мы наблюдаем при переводе обращение-транспозицию

3) Транспозиция апеллятивов и ИС в художественном поэтическом дискурсе (из сказки К. Чуковского «Муха-Цокотуха» в оригинале и переводе, выполненном А. Абриль (Henri Abril):

Бабочка-красавица,

Кушайте варенье.

Mademoiselle Papillon!

Prenez un peu de confiture.

*Или вам не нравится
Наше угощенье?*

*Goûtez-y donc, elle est si bonne,
Un vrai régal, pour sûr!*

Как явствует из примера, обращение «бабочка-красавица» в оригинале может быть отнесено к титулам почтения, а в переводе имеет место транспозиция-персонализация, так как переводчик имя нарицательное «бабочка» переводит в имя собственное “Papillon”, написав его с заглавной буквы, что можно признать гармоничным, естественно вписывающимся в принимающую культуру.

Подчеркнем, что в рамках данной работы нас интересуют такие случаи использования обращений, когда они вовлечены в процесс транспозиции антропонимов, что может оказывать влияние на понимание поэтонимов и театронимов в переводном дискурсе целевой культуры.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

1. В результате эмпирического анализа мы пришли к выводу, что метапереводческая транспозиция антропонима выполняет в арт-дискурсе ассоциативную, интенциональную, актуализирующую функции. Ассоциативная функция способствует возникновению в сознании иноязычного и инокультурного реципиента сходных с реципиентом оригинала образов и ассоциаций. Интенциональная функция обуславливает понимание реципиентом прецедентных феноменов, известных носителям языка оригинала. Актуализирующая функция направлена на компенсацию культурно-исторических, литературных, социально-политических феноменов в сознании реципиентов.

2. В рамках данной главы, на основании изученного корпуса антропонимов была разработана типология переводческой и метапереводческой транспозиции антропонима. Нами было выявлено два вектора транспозиционных преобразований антропонимов: создание основного текста перевода и создание периферийного текста перевода. При создании основного текста перевода мы наблюдаем два супертипа транспозиции: переводческую и метапереводческую. В случае переводческой транспозиции имеет место формальный тип, а в случае метапереводческой – семантический тип. При создании периферийного текста перевода выявлен один супертип – метапереводческая транспозиция, выраженная двумя типами: пространственным и развернутым.

3. В качестве подтипов формальной транспозиции выступают транскрипция, транслитерация, элиминирование, добавление, унификация, игра слов. Подтипами семантической транспозиции являются реперсонализация, деперсонализация, версификация, конверсивная транспозиция, уподобляющая транспозиция, нейтрализующая транспозиция. Подтипы пространственной транспозиции - контактная и дистантная. Подтипы развернутой транспозиции – лингво-культурологическая и историко-литературная.

4. В процессе метапереводческой транспозиции из арт-дискурса одной лингвокультуры в арт-дискурс другой лингвокультуры антропонимы как ядро ономастической системы языка, тесно взаимодействуют с апеллятивами, находящимися на периферии.

5. Установлено процентное соотношение каждого типа переводческой и метапереводческой транспозиции антропонимов в русско-французском и франко-русском арт-дискурсе. Проявления переводческой транспозиции составляют 67% от общего числа проанализированных нами транспозиционных преобразований. Согласно полученным нами результатам, метапереводческая транспозиция антропонимов составляет лишь 33%, в рамках которой мы наблюдали 15% метапереводческой транспозиции как создание основного текста перевода и 18.% метапереводческой транспозиции как создание периферийного текста перевода. Вместе с тем, именно проявления метапереводческой транспозиции антропонима вызывают особые переводческие трудности, что обуславливает научный интерес к данному феномену.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание данной исследовательской работы стало возможным благодаря стремительному росту исследований таких направлений лингвистики и теории перевода как ономастика, антропонимика текста, дискурсология, лингвоперсонология, когнитивная лингвистика и когнитивное переводоведение.

В работе предпринято исследование процесса метапереводческой транспозиции антропонима, выступающего универсальной функционально-семантической категорией в языке и речи.

Опираясь на фундаментальные труды отечественных ономастов, на традиционные принципы передачи антропонимов из одного языка в другой, на теорию транспозиции, на результаты современных когнитивных переводческих и метапереводческих исследований российских и зарубежных ученых, мы предприняли попытку выстроить собственную концепцию метапереводческой транспозиции, которая свела воедино существующие переводческие стратегии, касающиеся передачи антропонимов и проиллюстрировали эту концепцию на материале русско-французского и франко-русского арт-дискурса.

В рамках институционального арт-дискурса, объединяющего художественный прозаический, художественный поэтический и театральные дискурсы, антропоним приобретает такие общекультурные и национально-специфические свойства, которые создают особое авторское ономастическое пространство. Его гармоничное транспонирование из одного арт-дискурса в другой осуществляется в переводческом и метапереводческом пространстве, что требует от переводчика достижения соразмерности и соответствия имени национальной ономастике, культурно-значимым смыслам иноязычных реципиентов.

Идеи и принципы антропоцентризма, когнитивизма и синергетики, которые в настоящее время превалируют в лингвистических и лингвопереводческих исследованиях, позволили нам выявить и описать

лингвокогнитивный механизм метапереводческой транспозиции антропонима. Было установлено, что в его основе лежит механизм переводческой рефлексии, способствующий формированию в сознании переводчика «актуального когнитивного тезауруса», который отражает концептуальное содержание языковой и энциклопедической информации, синергетические когнитивно-аффективные приращения смысла в переводческом и метапереводческом пространстве как едином пространстве перевода. «Актуальный когнитивный тезаурус» переводчика находит воплощение в порождении гармоничного перевода, который становится фактом целевой культуры и обогащает культурное пространство принимающего дискурса.

В соответствии с поставленной исследовательской целью в работе решались задачи систематизации и типологизации транспозиционных преобразований антропонимов из одной лингвокультуры в другую. Разработка типологии переводческой и метапереводческой транспозиции позволила представить разнообразие ее супертипов, типов и подтипов и выявить доминирующие способы передачи антропонимов в русско-французском и франко-русском арт-дискурсе.

В результате проведенного анализа выявлены не отмеченные ранее тенденции передачи антропонимов из одной лингвокультуры в другую, представленные метапереводческой транспозицией, исследование которой может быть продолжено на материале других дискурсов, языков и культур.

В качестве перспективы исследования представляется возможным проведение анализа повторных переводов в свете концепции переводческого хронотопа, отражающей необходимость и целесообразность создания переводческого метатекста. Вполне очевидно, что при изменяющихся социокультурных и исторических условиях характер транспозиционных преобразований антропонима будет различным: в одних случаях достаточно выполнить перевод, в других необходим метаперевод. Такой подход

позволит глубже понять ИМЯ как феномен общечеловеческой и национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Т.П. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности (на материале писем русских писателей XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкозн. – 2015. – № 3 (27). – С. 15–24.
2. Алексеева, И.С. Текст и перевод. Вопросы теории: учебное пособие / И.С. Алексеева. – М., 2008. – 181 с.
3. Алексеева, Л.М. Перевод как рефлексия деятельности / Л.М. Алексеева // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 45–51.
4. Алексеева, Л.М. Социокогнитивные основы коллаборативного перевода / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 945–948.
5. Алексеева, Л.М. Типологическая доминанта текста в переводе / Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова. – Пермь: ПГНИУ, 2016. – 204 с.
6. Алексеева, Л.М. Антропологизм как предмет научного перевода / Л.М. Алексеева // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2004. – Вып. 7. – С. 204–218.
7. Алексеева, Л.М. Дискурсивное пространство перевода / Л.М. Алексеева // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты: материалы междунар. науч. конф., 16–17 октября 2009 г. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2009. – С. 7–15.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.

12. Белозерова, Н.Н. Когнитивные модели дискурса: учебное пособие / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2004. – 256 с.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
14. Блинова, Ю.А. Прецедентные имена и названия в художественном дискурсе (на материале романа Вольфганга Херрндорфа «Чик») / Ю.А. Блинова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 155 – 160.
15. Блох, М.Я. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике / М.Я. Блох, Т.Н. Семенова. – М.: Готика, 2001. – 192 с.
16. Богин, Г.И. Относительность границ между национальными менталитетами в свете концепции межкультурной коммуникации / Г.И. Богин // Культура мира: Перспективы на рубеже XX века. – Тверь: IREX, ТвГУ, 2001. – С. 51–55.
17. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций: учебное пособие / Н.Н. Болдырев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
18. Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография / Н.Н. Болдырев. – М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. – 480 с.
19. Бондадетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В.Д. Бондадетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
20. Бондалетов, В.Д. Ономастика и социолингвистика / В.Д. Бондалетов // Антропонимика. – М., 1970. – С. 17–23.
21. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – 4-е изд. – М.: Либроком, 2011. – 288 с.
22. Борисова, Т.Г. Ономастическое пространство феерии А. Грина «Алые паруса» / Т.Г. Борисова, Т.Б. Кузнецова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 157–163.

23. Бороботько, Л.А. Категории театрального дискурса как институционального образования / Л.А. Бороботько // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2014. – Вып. 3 (23). – С. 113–122.
24. Боровикова, Н.В. Особенности референции имени собственного-антропонима во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Боровикова. – СПб., 2012. – 24 с.
25. Васильева, Н.В. Прагматика и поэтика антропонимического текста / Н.В. Васильева // Человек: образ и сущность. – 2018. – № 3 (34). – С. 88–102.
26. Введение в синергетику перевода: колл. моногарфия / под ред. Л.В. Кушниковой. – Пермь, 2014. – 278 с.
27. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: универсальные человеческие концепции в конфигурациях, специфичных для культуры / А. Вежбицкая // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.
28. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Р. Валент, 2009. – 360 с.
29. Гак, В.Г. Асимметрия / В.Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 2000. – С. 47.
30. Гак, В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5–15.
31. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.
32. Гардинер, А. Теория собственных имен / А. Гардинер. – М.: Наука, 1954. – 461 с.
33. Гаспаров, М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования / М.Л. Гаспаров // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – С. 70–74.
34. Герасимова, Н.И. «Примечания» как продукт рефлексии переводчика в философском переводе / Н.И. Герасимова // Слово, высказывание, текст

- в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сборник статей междунар. науч. конф. – Челябинск, 2008. – Т. 3. – С. 539–542.
35. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.
 36. Грудева, Е.В. Индийские культуронимы в поэтических текстах Веры Полозковой / Е.В. Грудева, К.А. Елистратова, Д.В. Минец // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 54–57.
 37. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
 38. Демьянков, В.З. Трансфер знания и перевод / В.З. Демьянков // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. – М.: Изд-во: «КДУ», Университетская книга, 2018. – С. 18–21.
 39. Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького; редкол.: Л.Н. Мурзин (гл. ред.) [и др.]. – Пермь: ПГУ, 1984. – 169 с.
 40. Дрожащих, Н.В. Введение в динамическую синергетику языка / Н.В. Дрожащих. – Тюмень: ТюмГУ, 2018. – 211 с.
 41. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
 42. Залевская, А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь, 2001. – 177 с.
 43. Калинина, М.А. Языковые средства современной театральной коммуникации / М.А. Калинина // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сборник материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 230–234.
 44. Камалова, С.Д. Quelques propos sur l'onomastique française / С.Д. Камалова // Молодые ученые. – 2016. – № 7 (111). – С. 628–631.

45. Карасик, В.И. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин; ВГПУ, Калмыцкий гос. ун-т, Науч.-исслед. лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.
46. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
47. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М., 1981. – 366 с.
48. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
49. Карцевский, С. Об асимметрическом дуализме языкового знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – 495 с.
50. Катермина, В.В. Имя собственное в художественном тексте. На материале русского и английского языков / В.В. Катермина. – М.: Флинта, 2020. – 100 с.
51. Катермина, В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) / В.В. Катермина. – М.: Флинта: наука, 2016. – 224 с.
52. Кашкин, В.Б. Метакогнитивные исследования перевода / В.Б. Кашкин // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – СПб., 2009. – Вып. 10. – С. 230–242.
53. Кашкин, В.Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология (Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / В.Б. Кашкин. – Кемерово – Барнаул, 2009. – Ч. I. – С. 41–60.
54. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.А. Кибрик; Ин-т языкознания РАН. – М., 2003. – 90 с.

55. Ким, О.И. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.И. Ким. – Ташкент, 1978. – 223 с.
56. Кожина, М.Н. Структура лингвостилистики в связи с вопросом о стилевом статусе художественной речи / М.Н. Кожина // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Перм. ун-т, 2005. – С. 36–50.
57. Колшанский, Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г.В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5–30.
58. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2004. – 420 с.
59. Котюрова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект) / М.П. Котюрова. – Красноярск, 1988. – 170 с.
60. Котюрова, М.П. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений / М.П. Котюрова, Н.В. Соловьева. – Пермь, 2017. – 204 с.
61. Криворучко, А.И. Элитарная языковая личность переводчика в когнитивном измерении / А.И. Криворучко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (60). – Ч. 1. – С. 124–126.
62. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2005. – 350 с.
63. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Кн. дом «Либроком», 2016. – 160 с.
64. Кудряшева, Ф.С. Имя собственное в художественном тексте как средство создания языковой картины мира / Ф.С. Кудряшева, Л.А. Фатыхова // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22, № 11. – С. 294–295.
65. Кудряшева, Ф.С. Прецедентное имя как проявление интертекстуальности в художественном тексте (на материале романа А. Макина «Французское

- завещание») / Ф.С. Кудряшева // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 3. – С. 693–697.
66. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во ИЛ, 1962. – С. 251–266.
67. Кушни́на, Л.В. Когниция, гармония, синергия как переводческие категории / Л.В. Кушни́на, Е.В. Аликина // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 22–23 июня 2018 г. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Воен. ин-т (инж.-техн.) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулева, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 283–288.
68. Кушни́на, Л.В. Синергетическая системность в переводе в аспекте междисциплинарных исследований / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2013. – Вып. 17. – С. 116–124.
69. Кушни́на, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Кушни́на. – Челябинск, 2004. – 35 с.
70. Кушни́на, Л.В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2017. – Вып. 21. – С. 23–31.
71. Кушни́на, Л.В. Исследование транспозиции в деривационном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Кушни́на. – Саратов, 1988. – 16 с.
72. Кушни́на, Л.В. Когнитивные механизмы перевода / Л.В. Кушни́на, А.И. Криворучко, А.О. Ушакова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во Общероссийская общественная организация «Ассоциация лингвистов-когнитологов». – 2016. – № 3. – С. 85–95.
73. Кушни́на, Л.В. Культурная парадигма перевода / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2016. – Вып. 20. – С. 130 – 139.

74. Кушни́на, Л.В. Парапере́вод как синергетический процесс // Л.В. Кушни́на, Н.А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (61). – Ч. 1. – С. 118–120.
75. Кушни́на, Л.В. Принципы гармоничного перевода / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2014. – Вып. 18. – С. 65–76.
76. Кушни́на, Л.В. Соотношение компонентов дихотомии осознаваемое / неосознаваемое при переводе / Л.В. Кушни́на, И.В. Беляева // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2009. – Вып. 13. – С. 293–301.
77. Кушни́на, Л.В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л.В. Кушни́на, М.С. Силантьева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 71–75.
78. Ларина, Т.Ю. Роль имен собственных в формировании когерентного текста (на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») / Т.Ю. Ларина, Т.В. Милевская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – Вып. 5. – С. 114–119.
79. Левый, И. Искусство перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 395 с.
80. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1990. – 269 с.
81. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. – СПб., 2002. – 544 с.
82. Лукин, В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.
83. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
84. Минченков, А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса / А.Г. Минченков // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2007. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 208–217.

85. Москаленко, Е.А. Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного / Е.А. Москаленко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – Вып. № 11–2. – С. 184–187.
86. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал, УРСС, 2003. – 296 с.
87. Мощанская, Е.Ю. Кристиана Норд – представитель скопос-теории перевода, преподаватель и переводчик / Е.Ю. Мощанская // Золотые имена дидактики перевода: колл. монография / под ред. Н.Н. Гавриленко. – М.: Флинта, 2021. – С. 122–136.
88. Мурзин, Л.Н. Основы дериватологии / Л.Н. Мурзин. – Пермь, 1984. – 55 с.
89. Мурзин, Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования / Л.Н. Мурзин // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982. – С. 20–29.
90. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
91. Мурясов, Р.З. Антропонимы в словообразовательной системе языка / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1982. – № 3. – С. 62–72.
92. Мышкина, Н.Л. Внутренняя жизнь текста / Н.Л. Мышкина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – 152 с.
93. Назмутдинова, С.С. Гармоничность как метод оценки качества перевода / С.С. Назмутдинова // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: материалы первой межд.научн конф. 9–11 апреля 2007 г. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. – Н. Новгород: Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. – Вып. 9. – С. 26–27.
94. Некряч, Т.Е. Специфика перевода драмы / Т.Е. Некряч // Восьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Филологический факультет СПб гос. ун-та. – СПб., 2007. – Вып. 8. – С. 307–311.

95. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. Новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.
96. Никитина, Т.Г. Языковые ресурсы поэтического текста в региональных лингвокультурологических реконструкциях и интерпретациях / Т.Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 3 (81). – Ч. 2. – С. 350–353.
97. Норд, К. Функции в текстах и переводах. Избранные произведения / К. Норд. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. – 209 с.
98. Носкова, А.И. Этимологическое значение антропонимов и топонимов в романе У. Морриса «о Чайлд Кристофере и Прекрасной Голдлинде» / А.И. Носкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 12 (66): в 4 ч. – Ч. 4. – С. 133–138.
99. Олицкая, Д.А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы / Д.А. Олицкая // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 357. – С. 19–24.
100. Основы межкультурной коммуникации: практикум: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Иркутский гос. лингвистический ун-т; под ред. Л.Г. Викуловой. – М: АСТ: Восток-Запад, 2008. – 283 с.
101. Осокина, С.А. Лингвистическая теория тезауруса: исходные основания: монография / С.А. Осокина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 251 с.
102. Пластинина, Н.А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия / Н.А. Пластинина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 1 (15). – С. 50–61.
103. Пластинина, Н.А. Понятия текста, периферийного текста в современной отечественной лингвистике / Н.А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (61). – Ч. 1. – С. 115–117.

104. Плясунова, С.Ф. Метонимия в деривационном аспекте / С.Ф. Плясунова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3. – С. 37–45.
105. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
106. Полякова, Н.А. Роль, место и особенности ИС в художественном тексте / Н.А. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2007. – № 4. – С. 155–163.
107. Пономарева, О.Б. Когнитивные и прагмастилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким) / О.Б. Пономарева. – Тюмень, 2005. – 161 с.
108. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
109. Прийтенко, Е.Г. Характеризующие функции собственных имён в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» / Е.Г. Прийтенко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 78–85.
110. Пшенкина, Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика / Т.Г. Пшенкина. – Баранул, 2005. – 240 с.
111. Реферовская, Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома: курс лекций по языкознанию / Е.А. Реферовская. – СПб., 1997. – 126 с.
112. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1989. – 381 с.
113. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
114. Сальмон, Л. Теория перевода. История, наука, профессия: пер. с итальянского / Л. Сальмон. – СПб. – Астана, 2007. – 272 с.

115. Сдобников, В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы / В.В. Сдобников // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 295–327.
116. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: Восток-Запад, 2006. – 448 с.
117. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: антология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549–562.
118. Серио, П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
119. Сильман, Т.И. Проблемы синтаксической стилистики: (На материале нем. прозы) / Т.И. Сильман. – Л.: Просвещение, 1967. – 152 с.
120. Сиротинина, О.Б. Основы хорошей речи / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович // Хорошая речь. – Саратов: СГУ, 2001. – С. 16–28.
121. Сиротинина, О.Б. Хорошая речь: монография / О.Б. Сиротинина; под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 316 с.
122. Скрелина, Л.М. История французского языка: учебник для бакалавров: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров и магистров «Филология», «Лингвистика», направлению подготовки дипломированных специалистов «Иностранный язык» и специальности «Филология» / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2014. – 463 с.
123. Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Воронеж, ИПЦ ВГУ, 2006. – Вып. 7, ч. 2. – 395 с.
124. Стернин, И.А. Русское и французское коммуникативное поведение / И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 136 с.
125. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 368 с.

126. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 206 с.
127. Сызранова, Г.Ю. Ономастика: учебное пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти: ТГУ, 2013. – 248 с.
128. Табанакова, В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу / В.Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – 208 с.
129. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме. Онтология, методология, аксиология: коллективная монография / под общ. ред. Л. В. Кушниной. – М.: ФЛИНТА: Паблит, 2020. – 336 с.
130. Терещенко, А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования / А.В. Терещенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – Вып. 11 (176). – С. 76–84.
131. Толочин, И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии / И.В. Толочин. – СПб., 1996. – 96 с.
132. Тураева, З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Наука, 1986. – 127 с.
133. Тюкалева, Н.Е. Имя собственное во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Е. Тюкалева. – СПб., 2005. – 22 с.
134. Успенский, Л.В. Ономастика / Л.В. Успенский // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. – СПб., 2014. – С. 229–232.
135. Федоров, А.В. О художественном переводе. Работы 1920–1940-х годов / А.В. Федоров. – СПб., 2006. – 256 с.
136. Федюченко, Л.Г. Гармоничность перевода как принцип понимания иноязычного текста / Л.Г. Федюченко // Вестник нового российского университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 33–43.
137. Фесенко, Т.А. Концептуальные основы перевода / Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.

138. Филиппов, К.А. Лингвистика текста / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. – 336 с.
139. Флоренский, П.А. У водразделов мысли / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 839 с.
140. Фонякова, О.И. Имена собственные в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
141. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитар. наук: пер. с фр. / М. Фуко // Вступ. статья канд. филос. наук Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
142. Хакен, Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу: пер. с нем. / Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. – М., 2002. – 272 с.
143. Хвесько, Т.В. Лингвистические аспекты славянского и германского ономастиконов / Т.В. Хвесько. – Тюмень, 2008. – 212 с.
144. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2014. – 200 с.
145. Шаховский, В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В.И. Шаховский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Дискурс эмоций. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 54–79.
146. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
147. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер – М.: Наука, 1988. – 216 с.
148. Шевченко, А.С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Шевченко. – СПб., 2012. – 201 с.
149. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – М.: АСТ, 2015. – 736 с.
150. Capucho, F. Intercompréhension et cognition, quelles relations? Cognitivism et Traductologie. Approches sémantiques et psychologiques. Sous la direction

- de Guy Achard-Bayle et Christine Durieux / F. Capucho. – Paris, Classiques Garnier, 2020. – P. 113–136.
151. d'Amélio Nadia. J'ai dit la "traductologie" sans que j'en susse rien / Nadia d'Amélio, Lance Hewson // Hommages à Jean-René LADMIRAL. CIPA, 2011. – 103 p.
152. Delisle, J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction / J. Delisle // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. – 2014. – № 21. – P. 37–60.
153. Durieux, Ch. Un paradigme cognitif pour la traductologie / Ch. Durieux // Cognitivism et Traductologie. Approches sémantiques et psychologiques. Sous la direction de Guy Achard-Bayle et Christine Durieux. – Paris, Classiques Garnier, 2020. – P. 27–38.
154. Eco, U. Interprétation et surinterprétation / U. Eco // Presses universitaires de France, 1992. – 140 p.
155. Frías, J. Paratextual elements in translation: paratranslating titles in children's literature / J. Frías // Translation Peripheries. Paratextual Elements in Translation: Conference on Paratextual Elements in Translation. – Barcelona, 2010. – Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 2012. – P. 117–134.
156. Genette, G. Paratexts. Thresholds of Interpretation [Электронный ресурс] / G. Genette // Tr. J.E. Lewin. – Cambridge: CUP, 1997. – 453 p. – URL: https://www.almendron.com/tribuna/wpcontent/uploads/2017/06/genette_gerard_paratexts_thresholds_of_interpretation.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
157. Hewson, L. Baba, bouillie, brouet: les dangers de hybridité / L. Hewson // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. – 2014. – № 22. – P. 23–34.
158. Kotyurova, M.P. The Cognitive Function of Expressing Determination / Indetermination of Utterances in a Scientific Text / M.P. Kotyurova,

- L.V. Kushnina, E.V. Alikina // *Yazyk i Kultura-Language and Culture*. – 2018. – Iss. 42 – P. 81–99.
159. Kushnina, L. Tournant synergétique dans la traductologie d’aujourd’hui / L. Kushnina // *Cognitivism et Traductologie. Approches sémantiques et psychologiques*. Sous la direction de Guy Achard-Bayle et Christine Durieux. – Paris, Classiques Garnier, 2020. – P. 137–152.
160. Ladmiral, J-R. Sourcier ou cibliste: les profondeurs de la traduction. *Traductologie des belles lettres / J-R. Ladmiral*. – 2014. – 311 p.
161. Lederer, M. *La traduction aujourd’hui / M. Lederer*. – Paris: Hachette, 1994. – 224 p.
162. Mounin, G. *Les problèmes théoriques de la traduction / G. Mounin*. – Paris: Gallimard, 1963. – 297 p.
163. Nord, K. *Textanalyse und Übersetzen: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse / K. Nord*. – Tübingen Groos, 2009. – 283 s.
164. Panchon Hidalgo, M. La paratraduction en espagnol de l’oeuvre la Liberté ou l’amour de Robert Desnot / M. Panchon Hidalgo // *Atelier de traduction. Dossier Dimension culturelle du texte littéraire en traduction*. – 2014. – Vol. 2, № 22. – P. 137–148.
165. Papadima, M. La pulsion de traduire: impulsion du retraduire / M. Papadima // *Atelier de traduction. Dossier: La traduction caduque, retraduction et contexte culturel*. – 2011. – № 15. – P. 53–60.

Список использованных словарей

166. *Большой русско-французский словарь / сост. Л.В.Щерба, М.И. Матусевич, С.А. Никитина*. – М.: Рус. яз., 2001. – 561 с.
167. *Новый французско-русский словарь / сост. В.Г. Гак, К.А. Ганшина*. – М.: Русский язык Медиа, 2006. – 1160 с.
168. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной*. – М.: Флинта. Наука, 2003. – 696 с.

169. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Я. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
170. Dauzat, A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et des pronoms de France / A. Dauzat. – Paris: Larousse, 1987. – 884 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Билингвальные издания

1. Anthologie de la poésie russe pour enfants. Traduction et choix de Henri Abril. Editions Circé poche, 2006. – 185 p.
2. Mandelstam, O. Poèmes / O. Mandelstam. – М.: Editions “Radouga”, 1991. – 197 p. = Манделъштам, О. Стихотворения / О. Манделъштам. – М.: Радуга, 1991. – 197 с.
3. Tarkovski, A. Poèmes. traduit du russe par Evgueni Polikachine / A. Tarkovski М.: Editions “Radouga”, 1991. – 204 p. = Тарковский, А. Стихотворения / А. Тарковский. – М.: Радуга, 1991. – 204 с.
4. Tolstoi, L. Quatre contes populaires. traduction française: Ely Halperine-Kaminsky Editions Vasseur / L. Tolstoi. – 2016. – 141 p. = Толстой, Л.Н. Сказки «Отчего зло на свете», «Крестник», «Два старика», «Чем люди живы».
5. Аполлинер, Г. Стихотворения / Г. Аполлинер; пер. с франц. М. Яснова. – М.: Текст, 2018. – 349 с. = Guillaume Apollinaire. Poésies.
6. Пастернак, Б.Л. Стихотворения / Б.Л. Пастернак. – М.: Радуга, 1989. – 295 с. = Pasternak Boris. Poèmes / Boris Pasternak. – Bruxelles/Belgique: Editions Vie Ouvrière, 1989. – 295 p.
7. Реб-Грийе, А. Встреча / А. Реб-Грийе. – М., 2001. – 173 с. = Alain Robe-Grillet Rendez-vous, М, 2001. – 173 p.

Русско-французские тексты

8. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. – 309 с.

9. Boulgakov, M. *Le Maître et Marguerite* / M. Boulgakov. – Edition Robert et Laffont, 1967. – 575 p.
10. Достоевский, Ф.М. *Игрок* / Ф.М. Достоевский. – М., 2015. – 125 с.
11. Dostoevski, F. *Le joueur* / F. Dostoevski // Traduction de G. Andronikov et A. de Courris, 1972.
12. Гоголь, Н.В. *Тарас Бульба и другие повести* / Н.В. Гоголь. – М.: Радуга, 1993. – 333 с.
13. Gogol, N. *Tarass Boulba* / N. Gogol. – Paris, 1965. – 223 p.
14. Иванов, А. *Географ глобус пропил* / А. Иванов. – М.: АСТ, 2014. – 443 с.
15. Ivanov, A. *Le géographe a bu le globe* / A. Ivanov // Traduction de M. Weinstein. – Paris: Fayard, 2008. – 458 p.
16. Улицкая, Л.Е. *Сквозная линия* / Л.Е. Улицкая. – М.: ЭКСМО, 2004. – 351 с.
17. Oulitskaia, L. *Mensonges de femmes* / L. Oulitskaia. – Gallimard, 2007. – 188 p.
18. Пушкин, А.С. *Евгений Онегин. Роман в стихах* // Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – 2-е изд. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – Т. 5. – С. 9–191.
19. Pouchkine, A. *Eugène Onéguine* [Электронный ресурс] / A. Pouchkine. – URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Pouchkine%20-%20Eugene%20Oneguine.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).
20. Пушкин, А.С. *Капитанская дочка* // Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – 2-е изд. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – Т. 6. – С. 391–541.
21. Pouchkine, A. *La fille du capitaine* / A. Pouchkine. – Édition Librio, 2017. – 129 p.
22. Чехов, А.П. *Дама с собачкой* / А.П. Чехов // Собрание сочинений. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. – Т. 8. – С. 394–411.

23. Tchekhov, A. *La dame au petit chien* / A. Tchekhov. – Gallimard, 1971. – 193 p.
24. Чехов, А.П. Чайка / А.П. Чехов // Собрание сочинений. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. – Т. 9. – С. 228–283.
25. Tchekhov, A. *La mouette* / A. Tchekhov. – Flammarion, 2006. – 156 p.
26. Чехов, А.П. Дядя Ваня / А.П. Чехов // Собрание сочинений. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. – Т. 9. – С. 283–334.
27. Tchekhov, A. *Oncle Vania* / A. Tchekhov // Traduit par Denis Roche [Электронный ресурс]. – URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/classiques/Tchekhov-Vania.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).
28. Чехов, А.П. Скучная история / А.П. Чехов // Собрание сочинений. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. – Т. 6. – С. 266–328.
29. Tchekhov, A. *Un histoire banale* / A. Tchekhov. – Guallimard, 1996. – 132 p.
30. Толстой, Л.Н. Крейцерова соната / Л.Н. Толстой. – М., 2015. – 301 с.
31. Tolstoi, L. *La sonate à Kreutzer* / L. Tolstoi. – Paris, 1964. – 208 p.
32. Чехов, А.П. Избранное. Рассказы, повести, пьесы / А.П. Чехов. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.

Франко-русские тексты

33. Barbery, M. *L'élégance de l'hérisson* / M. Barbery. – Guallimard, 2006. – 414 p.
34. Барбери, М. Элегантность ежика / М. Барбери; пер. с франц. Н. Мавлевич и М. Кожевников. – М.: Изд-во «Иностранка», 2012. – 400 с.
35. Barbery, M. *Une gourmandise* / M. Barbery. – Guallimard, 2000. – 169 p.
36. Барбери, М. Лакомство / М. Барбери; пер. с франц. Н. Хотинской. – М.: Изд-во «Иностранка», 2010. – 160 с.
37. Bourdeaut, O. *En attendant Wojangles* / O. Bourdeaut. – Paris, 2015. – 224 p.
38. Бурдо, О. В ожидании Божангла / О. Бурдо; пер с франц. И. Волевич. – М., 2017. – 222 с.

39. Gavalda, A. Je l'aimais / A. Gavalda // Edition "La dilettante". – 2002. – 155 p.
40. Гавальда, А. Я ее любил / я его любила / А. Гавальда. – М., 2007. – 160 с.
41. Gavalda, A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part / A. Gavalda // Edition "La dilettante". – 157 p.
42. Гавальда, А. Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал / А. Гавальда. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 240 с.
43. Ionesco, E. La leçon. Drame comique / E. Ionesco // Edition d'Emmanuel Jacqard. – Gallimard, 1994. – 132 p.
44. Ионеско, Е. Урок. Комическая драма / Е. Ионеско; пер. с франц. Н. Мавлевич [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во «Текст», 1991. – URL: <http://lib-drama.narod.ru/ionesco/urok.html> (дата обращения: 19.10.2020).
45. Mérimée, P. La Venus d'Ille / P. Mérimée. – 1994. – 95 p.
46. Мериме, П. Венера Ильская / П. Мериме // Повести и новеллы. – М.: Изд-во «Правда», 1963. – С. 128–157.
47. Quineau, R. Exercices de style / R. Quineau. – Gallimard, 1947. – 158 p.
48. Бонч-Осмоловская, Т.Б. Занимательная риторика Раймона Кено / Т.Б. Бонч-Осмоловская, С.Н. Федин, С.А. Орлов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
49. Thomas, R. Huit femmes [Электронный ресурс] / R. Thomas. – URL: http://tlf.msk.ru/repertoire/Thomas_Huit_femmes.htm (дата обращения: 23.02.2019).
50. Тома, Р. Восемь любящих женщин [Электронный ресурс] / Р. Тома. – URL: http://lib.ru/PXESY/TOMA_R/8_zhenshin.txt (дата обращения: 23.02.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение №1.

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ И МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ
АНТРОПОНИМА В РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ**

Пушкин А. С. Капитанская дочка. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание 2-е. том шестой // М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957 г. – С. 393-541

Pochkine Alexandre/ La Fille de capitaine. Édition Librio.-2017.- 129 p.

Антропоним оригинала	Антропоним перевода	Подтип транспозиции
Отец мой Андрей Петрович Гринёв (с. 393)	Mon père, André Petrovitch Griniov (p. 9)	унификация
При графе Минихе (с. 393)	Sous le compte Münnich (p. 9)	унификация
...женился на девице Авдотье Васильевне Ю. (с. 393)	...avait épousé demoiselle Avdotia Vassilievna You. (p. 9)	транслитерация
...стремянному Савельичу (с. 393)	...piqueur Savélitch (p. 9)	транслитерация
Нанял для меня француза мосье Бопре. (с. 394)	...engagea à mon intention un Français M. Beaupré	транскрипция
Прачка Палашка (с. 395)	Palachka , lingère (p. 10)	транслитерация
Кривая коровница Акулька	La vachère borgne Akoulka (p. 10)	транслитерация
мосье (с. 395)	«Mossieu» (p 10)	апеллятив
« Авдотья Васильевна , а сколько лет Петруше? » (с. 396)	« Avdotia Vassilievna , quel âge a donc Petroucha? » (p. 11)	транскрипция / транскрипция
- Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна... (с. 396)	- Petroucha est né l'année même où tante Anastasie Guérassimovna est devenue borne... (p. 11)	уранскрипция / унификация
«Вот тебе письма к Андрею Карловичу Р... » (с. 398)	«Voici une lettre pour André Karlovitch R... » (p. 12)	транслитерация
Батюшка сказал мне: «Прощай Петр... » (с. 398)	Mon père me dit: «Adieu Pierre! » (воскл. знак) (p. 13)	уподобляющая

Его зовут Иваном Ивановичем Зуриным (с. 399)	Il s'appelait Ivan Ivanovitch Zourine... (p. 13)	транслитерация
...а покамест поедем к Аринушке (с. 400)	«...et sur ce, allons chez Arinouchka.» (p. 14)	транслитерация
То и дело бывало к Антипьевне забежит (с. 401)	Sans cesse il courait chez Antipievna	транслитерация
«Любезный Петр Андреевич» (с. 402)	Mon cher Pierre Andréievitch... (p. 15)	уподобляющая
Батюшка Петр Андрееч (с. 402)	Mon bon maître Pierre Andréitch... (p. 15)	уподобляющая с аппелятивом
Батюшка Петр Андрееч (с. 402)	Mon bon maître Pierre Andréitch... (p. 15)	уподобляющая
Батюшка Петр Андрееч (с. 402)	Mon bon maître Pierre Andréitch ... (p. 15)	транскрипция
Эх батюшка Петр Андрееч! (с. 404)	Hélas, Piotr Andréitch	транскрипция
Матушка... говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал...» (с. 409)	Ma mère... dit: «André Pétrovitch, notre petit Pierre est arrivé...» (p. 21)	уподобляющая
Всё равно, Петруша – отвечала мне матушка. (с. 409)	Peu importe, petit Pierre, me répondit ma mère. (p. 21)	Уподобляющая
...напоминал война времён Анны <u>Иоановны</u> . (с. 413)	Rapelait le militaire de l'époque d'Anna <u>Ivanona</u> . (p. 24)	Уподобляющая
« на границу киргиз-кайсацких степей» (с. 415)	«aux confins du steppes de Kirghizes-Kaissak» (p. 25)	транслитерация
«старался вообразить себе капитана Миронова» (с. 416)	«m'efforçais de m'imaginer le capitaine Mironov» (p.26)	транслитерация
Войди <u>батюшка</u> (с. 417)	Entre, <u>mon bon Monsieur</u> ... (p. 27)	апеллятив
Ивана Кузмича дома нет (с. 418)	Ivan Kouzmitch est absent... (p. 27)	транслитерация
Он пошел в гости к отцу Герасиму (с. 418)	n'est allé rendre visite au père Guérassime (p. 27)	транскрипция
Швабрин Алексей <u>Иваныч</u> ... (с. 418)	Chvabrine <u>Alexis</u> Ivanytch (p. 28)	Уподобляющая
«Максим <u>ыч!</u> – сказала капитанша... (с. 418 – 419)	- Maxim <u>y</u> tch! Qui dit la femme du capitaine (p. 28)	Уподобляющая
Отведи <u>Г.</u> офицеру	Assigne un logement <u>à</u>	сокращённый

квартиру (с. 419 –)	Monsieur l'Officer (p. 28 –)	апеллятив – полный апеллятив
«Слушаю, Василиса Егоровна,... (с. 419)	- À vos ordre, Vassilissa Iegorovna (p. 28)	транслитерация
- Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву? (с. 419)	- Ne pourrait-on pas mettre Sa Noblesse chez Ivan Polejaiev? (p. 28)	транскрипция
...как ваше имя и отчество, мой батюшка? Петр Андреич? Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. (с. 419)	quel est votre prénom et votre patromym, mon bon Monsieur ? - Pierre Andréitch . - Conduit Pierre Andréitch chez Siméon Kouzov. (p. 28)	транскрипция
... капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной... (с. 419)	...le caporal Prokhorov s'est longuement congé au bain avec Oustinia Negoulina... (p. 28)	транскрипция
Иван Игнат <u>ь</u> ич! – сказала капитанша кривому старичку (с. 419)	Ivan Ignat <u>i</u> tch, dit la femme du capitaine au petit vieux borgne (p. 28)	Транскрипция
Инвалид и Палашка накрывали на стол (с. 421)	L'invalide et Palachka mettaient la table (p. 29)	транскрипция
- Палашка, позови барина обедать. (с. 421)	«Palachka, appelle ton maître à dîner» (p. 29)	апеллятив
«Да где же Маша?» (с. 421)	Mais où est donc Macha? (p. 29)	транскрипция
«Швабрин описал мне Машу» (с. 421)	«Chvabrine m'avait décrit Macha...» (p. 30)	транскрипция
Марья Ивановна... (с. 421)	et Maria Ivanovna... (p. 30)	транскрипция
Я взглянул на Марью Ивановну... (с. 422)	Je regardai Maria Ivanovna... (p. 30)	транскрипция
Василиса Егоровна (с. 424)	Vassilissa Iegorovna (p. 32)	транскрипция
Марья Ивановна (с. 424)	Maria Ivanovna (p. 32)	транскрипция
...к Ивану Игнат <u>ь</u> ичу, кривому гарнизонному поручику... (с.424)	...à Ivan Ignat <u>i</u> tch, le lieutenant de garnison borgne (p. 32)	транскрипция
...отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею (с. 425)	...le père Guerassime et sa femme Akoulina Pamphilovna, la première cancanière (p. 33)	транскрипция
С А.И.Швабриным (...) я виделся каждый день (с.425)	...je voyais chaque jour Alexis Ivanytch Chvabrine... (p. 33)	уподобляющая

Александр Петрович Сумароков (с. 425)	Alexandre Pétrovitch Soumarokov (p. 33)	транскрипция
Понес к Швабрину (с. 426)	...je la portai à Chvabrine... (p. 33)	транскрипция
...И ах, Машу избегая,... (с. 426)	Je veux cesser d'aimer Marie ... (p/ 33)	уподобляющая
...Сжался, Маша , надо мной,...(с.426)	... Marie , et prends pitié de moi... (p. 33)	уподобляющая
...достойны учителя моего Василья Кирилыча Тредьяковского... (с. 426)	...sont dignes de mon maître Vassili Kirilytch Trediakovski ... (p. 34)	транскрипция
А кто эта Маша (...)? Уж не Марья ль Ивановна? (с.427)	Mais quelle est donc cette Marie (...)? Ne serait-ce pas Maria Ivanovna? (p. 34)	уподобляющая
...кто бы ни была эта Маша . (с. 427)	Quelle que soit cette Marie ... (p. 34)	уподобляющая
Ежели хочешь чтоб Маша Миронова ходила к тебе... (с. 427)	...si tu veux que Macha vienne chez toi... (p. 34)	транскрипция
Отправился к Ивану Игнатьичу... (с.428)	Je me rendis (...) chez Ivan Ignatitch... (p.35)	транскрипция
«А, Петр Андреич!...» (с. 428)	«Ah, Pierre Andréitch...» (p. 35)	уподобляющая
... я поссорился с Алексеем Иванычем... (с. 428)	...je m'étais disputé avec Alexis Ivanytch... (p. 35)	уподобляющая
И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем ; (...) (с. 428)	Passe encore si c'était vous qui le pourfendiez. Tant pis pour lui! (p. 35)	апеллятива
Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузьмичу да донести (...) не благоугодно ли будет господину коменданту приять (...) меры? (с. 429)	...si je dois me mêler de cette affaire, ce sera seulement pour aller chez Ivan Kouzmitch et lui faire rapport (...) ne plaira-t-il pas à Monsieur le Commandant de prendre les mesures (...)? (p. 35)	транскрипция апеллятив
Передо мной стоял Савельич (с. 436)	Devan moi se tenait Savélitch (p. 41)	транскрипция
... отвечал Савельич ... (с. 436)	... répondit Savélitch (p. 41)	транскрипция
Мария Ивановна подошла к моей кровати (с. 436-437)	Maria Ivanivna s'approcha de mon lit... (p. 41)	транскрипция

Савельич ахнул...	Savélitch poussa un «Ah!»... (p. 42)	транскрипция
Ну, батюшка Петр Андреич! (с. 437)	Ah, mon bon maître Pierre Andréitch ... (p. 42)	уподобляющая / транскрипция
Марья Ивановна прервала его речь.. (с. 437)	Maria Ivanovna l'interrompit (p. 42)	транскрипция
Не говори с ним много Савельич (с. 437)	Pas de longue conversation avec lui, Savélitch . (p. 42)	транскрипция
... подозвал Савельича и вместо него увидел еред собою Марию Ивановну (с. 437)	... j'appelai Savélitch et à sa place je vis devant moi Maria Ivanivna ... (p. 42)	транскрипция
...схватил её руку (...) Маша не отрывала её... (с. 437)	Je saisis sa main (...) Macha ne la retira pas... (p. 42)	транскрипция
Добрая Марья Ивановна (с. 437)	... bonne Maria Ivanovna (p. 42)	транскрипция
А Алексей Иванович у меня сидит в хлебном магазине (с. 438)	Quant à Alexis Ivanytch (...) je le tiens enfermé dans le magasin à blé... (p. 43)	уподобляющая / транскрипция
« Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву ... (с. 440)	À mon fils, Pierre Andréievitch Griniov (p. 43)	апеллятив / уподобляющая / транслитерация
Сын мой Петр! (с. 440)	Pierre, mon fils (p. 44)	уподобляющая / апеллятив
... согласи на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой (с. 440)	... notre consentement à ton mariage avec Maria Ivanovna, fille Mironova (p. 44)	уподобляющая / транслитерация
Отец твой А.Г. (с. 440)	Ton père A. G. (p. 44)	апеллятив / транслитерация
... бежал (...) заслонить (...) от шпаги Алексея Ивановича! (с. 441)	... j'accourais pour te protéger (...) contre l'épée d' Alexis Ivanytch (p. 44)	уподобляющая / транслитерация
... старый пёс ... (с. 441)	... vieux chien ... (p. 44)	апеллятив
... о сыне моём Петре Андреевиче (с. 441)	Sur mon fils Pierre Andréievitch (p. 45)	уподобляющая / транслитерация
... проклятый мусье всему виноват (с. 442)	... le maudit Mossieu qui est coupable de tout. (p. 45)	апеллятив
... батюшка Петр Андреич! (с. 442)	... mon bon Pierre Andréitch ... (p.45)	апеллятив+ уподобляющая / транслитерация
... пошел объявить обо всём Марье Ивановне ...	J'allai faire part de tout cela à Maria Ivanovna	уподобляющая / транслитерация

(с. 442)		
Делать нечего, Петр Андрееч (с. 443)	Il n'y a rien à faire Pierre Andréitch ... (p. 46)	уподобляющая / транслитерация
Нет, Петр Андрееч , отвечала Маша ... (с. 443)	Non, Pierre Andréitch , répondit Macha . (p. 46)	уподобляющая / транслитерация
Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! (с. 444)	Notre maître André Pétrovitch, notre gracieux père (p. 46)	апеллятив / уподобляющая / транслитерация
Верный холоп ваш Архип Савельев . (с. 444)	Votre fidèle serf: Archippe Savélitch (p. 46)	апеллятив / уподобляющая / транслитерация
Пугачевщина	La révolte de Pougatchov	реперсонализация
...строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом (с.447)	...les mesures rigoureuses prises par le général-major Traubenberg (p.48)	уподобляющая
У коменданта нашёл я Швабрина , Ивана Игнатьича и казацкого урядника (с.447)	Chez le commandant je trouvai Chvabrine, Ivan Ignatitch et le sous-officier cosaque . (p.49)	транслитерация
...не было ни Василисы Егоровны , ни Марьи Ивановны (с.447)	Il n'y avait (...) ni Vassilissa Iegorovna, ni Maria Ivanovna . (p.49)	транслитерация
Господину коменданту, капитану Миронову (с.447)	«À Monsieur le Commandant (...) au capitaine Mironov » (p.49)	апеллятив / транслитерация
...донской казак и раскольник Емельян Пугачёв ... (с.448)	Émelian Pougatchov, un cosaque de Don (...) et schismatique (p.49)	апеллятив / транслитерация
...принятием на себя имени (...) императора Петра III ... (с.448)	...de s'attribuer le nom de (...) l'empereur Pierre III (p.49)	апеллятив / уподобляющая
...не в укор буди тебе сказано, Максимиыч . (Урядник усмехнулся). (с.448)	...soit dit sans reproche à ton égard, Maximytsch, (le sous officier sourit) (p.49)	транслитерация
...делать нечего, господа офицеры . (с.448)	Cependant. Il fait obeir, Messieurs les officiers! (p.49)	апеллятив
Иван Кузмич нас распустил (с.448)	Ivan Kouzmitch nous congédia. (p.50)	транслитерация
Я вышел вместе со Швабриным (с.448)	Je sortis avec Chvabrine (p.50)	транскрипция
...а Палашку запер в	...et que Palachka avait été	нейтрализация

чулан. (с.449)	mise sous clef. (p.50)	
...о солёных огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовила (...) особым способом. (с.450)	...sur les concombres qu' Akouline Pamphilovna préparait d'une manière (...) particulière (p.51)	транскрипция
...она увидела Ивана Игнатича (...)(с.450)	...elle vit Ivan Ignatitch (p.51)	транскрипция
...дадим отпор Пугачёву . (с.450)	...nous repousserons Pougatchov (p.51)	транскрипция
Василиса Егоровна (...) не сказала (...) слова кроме как попадье . (с.451)	Vassilissa Iegorovna (...) ne dit mot à quiconque, sauf à la femme du pope . (p. 51)	транскрипция / апеллятив
...все заговорили о Пугачёве (с.451)	...tout le monde parla de Pougatchov (p. 51)	транскрипция
Юлай , крещёный калмык ... (с.451)	Youlaï, un Kalmouk baptisé ... (p. 52)	транскрипция
Иван Кузмич прочел воззвание Пугачева (с.453)	Ivan Kouzmitch (...) nous lut une proclamation de Pougatchov (p. 53)	транскрипция
...приведи башкирца , да прикажи Юлаю ... (с.453)	...amène-nous le Bachkir , et ordonne à Youlaï ... (p. 53)	апеллятив / транскрипция
...Дай уведу Машу ... (с.453)	Laisse-moi emmener Macha . (p. 53)	Транскрипция
Юлай , спроси-ка у него... (с.454)	Youlaï, demande-lui ... (p. 54)	транскрипция
...дожил я до кроткого царствования императора Александра (с.455)	...j'ai vécu jusqu'au doux règne de l'empereur Alexandre ... (p. 54)	апеллятив / уподобляющая
Участь Марьи Ивановны живо представилась мне. (с.456)	J'eus la claire vision du sort de Macha ... (p. 55)	элиминирование
- Послушайте Иван Кузмич! – сказал я коменданту. (с.456)	- Écoutez, Ivan Kouxmitch! Dis-je au commandant... (p. 55)	транскрипция
Иван Кузмич оборотился к жене... (с.457)	Ivan Kouzmitch se tourna vers sa femme	транскрипция
- Да с Машей -то что нам делать? (с.457)	Mais que faire de Macha ? (p. 56)	транскрипция
... Маше здесь оставаться не гоже. (с.457)	... Il n'est pas bon que Macha reste ici... (p. 56)	транскрипция
...так и быть отправим Машу . (с.457)	D'accord, envoyons Macha ... (p. 56)	транскрипция
Ступай готовить Машу в	Va préparer Macha au	транскрипция

дорогу...) (с.458)	départ. (p. 56)	
Марья Ивановна явилась к ужину бледная... (с.458)	Maria Ivanovna apparut au souper, pâle... (p. 56)	транслитерация
«Прощайте Петр Андреич! – сказала она мне...» (с. 458)	... Adieu, Pierre Andreitch! me dit-elle... (p. 56)	уподобляющая / транскрипция
Маша рыдала прильнув к моей груди. (с.458)	Macha sanglotait serrée contre ma poitrine.	транскрипция
Пугач пришел... (с. 460)	Pougatchov est là (p. 59)	нейтрализирующая
...это был сам Пугачев. (с. 461)	...c'était Pougatchov en personne (p. 60)	транскрипция / апеллятив
...выходите вон к государю. Государь здесь!... (с. 462)	Sortez, venez à votre Souveraine. Le Souveraine est ici! (p. 60)	апеллятив
...уведи Машу: (...) девка ни жива, ни мертва. (с. 462)	Emmène Macha, (...) la petite est plus morte que vive. (p. 60)	транскрипция
...благослови Машу. Маша подойди к отцу. (с. 462)	...donne ta bénédiction à Macha. Macha approche de ton père! (p. 60)	транскрипция
...прощай матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. (с. 463)	...adieu, ma chère! dit le commandant, en etrignant sa vieille compagne. (p. 61)	апеллятив
Ты мне не государь, ты вор и самозванец... (с. 465)	Tu n'es pas mon Souverain! Tu es un voleur et usurpateur. (p. 62)	апеллятив
«Присягай, – сказал ему Пугачев – государю Петру Феодоровичу! » (с. 465)	Prête serement, lui dit Pougatchov, à ton Souveraine Pierre Theodorovitch. (p. 62)	транскрипция / апеллятив / уподобление
Савельич (...) бедный дядька. (с. 466)	Savélitch (...) mon pauvre diadka (p. 63)	транскрипция / апеллятив
« Батюшка, Петр Андреич! – шептал Савельич... (с. 466)	« Mon bon maître, Pierre Andréitch, me chuchotait Savélitch... (p. 63)	Транспозиция апеллятива+семантическая+формальная
Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! (с. 467)	Lumière de mes yeux, Ivan Kouzmitch, tête chère de valeureux soldat. (p. 64)	Транспозиция апеллятива+формальная
...явилась Палаша... (с. 468)	Apparut Palachka (p. 65)	нейтрализация
- Ах, Петр Андреич! (с. 469)	Ah, Pierre Andreitch ! (p. 65)	уподобляющая / транслитерация

- Барышня жива, - отвечала Палаша... (с. 469)	Mademoiselle est vivante, repondit Palachka . (p. 65)	нейтрализация
...спрятана у Акулины Памфиловны (с. 469)	...chez Akoulina Pamphilovna . (p. 65)	транскрипция
- Боже мой! Да там Пугачёв! (с. 469)	Mon Dieu, mais Pougatcheuve y est. (p. 66)	транскрипция
Пугачев пировал (с. 469)	Pougatcheuve festoyait... (p. 66)	транскрипция
Палаша прибежала туда же за мною (с. 469)	Palachka était accurue à ma suite (p. 66)	нейтрализация
Я подослал её вызвать тихонько Акулину Памфиловну... (с. 469)	Je l'envoyai appeler en cachette Akoulina Pamphilovna... (p. 66)	транскрипция
... попадья вышла ко мне... (с. 469)	... la femme de pope vint me trouver... (p. 66)	апеллятив
...где Марья Ивановна? (с. 469)	Où est Maria Ivanovna? (p. 66)	транскрипция
- Лежит, моя голубушка, ... (с. 469)	Elle est couchée, la chère enfant... (p. 66)	апеллятив
...голос отца Герасима... (с. 469)	...voix du père Guerassime... (p. 66)	апеллятив / транскрипция
А каков Швабрин, Алексей Иваныч? (с. 470)	Et qu'est-ce que c'est que ce Chvabrine, Alexis Ivanytch ? (p. 67)	транскрипция / уподобляющая / транскрипция
Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу... Попадья расхлопоталась. (с. 470)	Les convives réclamaient du vin (...) le pope appelait sa compagne... (p. 67) Celle-ci s'empessa... (p. 67)	апеллятив / элиминирование
- Ступайте (...) Петр Андреич... (с. 470)	Rentrez chez vous, Pierre Andréitch (p. 67)	уподобляющая / транскрипция
- Прощайте, Петр Андреич (с. 470)	Adieu, Pierre Andréitch (p. 67)	уподобляющая / транскрипция
Попадья ушла... (с. 470)	Elle sortit. (p. 67)	элиминирование
Ну, батюшка Петр Андреич! (с. 471)	Ah, mon bon maître, Pierre Andréitch! (p. 67)	уподобляющая / транскрипция / апеллятив
...сходство Пугачёва с моим вожатым... (с. 471)	...la ressemblance de Pougatchov avec mon guide... (p. 67)	транскрипция
«Ну, ваше благородие, по всему видно...» (с. 472)	Tout montre bien, Votre Noblesse... (p. 68)	апеллятив
«...что и Тарас	...que Taras Kourotchkine	транскрипция

Куручкин...» (с. 472)	(p. 68)	
«...Фомке Бикбаеву...» (с. 472)	...à Tomka Bikbaiev ... (p. 68)	уподобляющая / транскрипция
- А, ваше благородие, сказал Пугачёв, увидя меня. (с. 473)	Ah, Votre Noblesse , dit Pougatchov en me voyant... (p. 68)	транскрипция / апеллятив
...называя его то графом, то Тимофеичем (...) дядюшкою. (с. 473)	...l'appelant tantôt compte , tantôt Timoféitch ... du cher oncle . (p. 69)	транскрипция / апеллятив
- Чумаков! начинай! (с. 473)	Vas-y, Tchoukove ! (p. 69)	транскрипция
...что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (с. 475)	...que l'homme que t'avait conduit vers l'auberge était le Souveraine en personne ? (p. 70)	апеллятив
- ...ты не веришь, чтоб я был государь, Петр Федорович? (с. 475)	...tu ne crois pas...que je suis le Tsar, Pierre Féodorovitch ? (p. 71)	уподобляющая / транскрипция / апеллятив
- ...разве в старину, Гришка Отрепьев не царствовал? (с. 476)	...dans l'ancien temps Grichka Otrepiev n'a pas régné? (p. 71)	транскрипция
...я присягал государыне императрице... (с. 476)	...j'ai prêté serment à l'Impératrice ma Souveraine . (p. 71)	апеллятив
Слава, тебе, владыко! (с. 476)	Gloire à toi, Seigneur ,... (p. 72)	апеллятив
Между ими стоял и Швабрин... (с. 479)	Parmi ceux-ci était aussi Chvabrine ... (p. 73)	транскрипция
Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставлась в его власти. (с. 479)	C'était Chvabrine qui devenait le chef du fort; Maria Ivanovna restait en son pouvoir! (p. 74)	транскрипция
...вижу, выступил мой Савелич... (с. 479)	...je vis sortir de la foule mon Savélitch . (p. 74)	транскрипция
...за бедного моего дядьку... (с. 481)	...pour mon pauvre diadka ... (p. 75)	апеллятив
...пожалованный твоей милости... (с. 481)	...dont Ta Grace a reçu. (p. 75)	апеллятив
«Смейся, сударь, – отвечал Савелич. (с. 482)	Ris donc mon maître , répondit Savélitch. (p. 76)	апеллятив
Я спешил в дом священника... (с. 482)	Je couru à la maison de pope ... (p. 76)	апеллятив
...увидеться с Марьей	...pour voir Maria Ivanovna .	транскрипция

Ивановной. (с. 482)	(p. 76)	
Попадья встретила меня... (с. 482)	La popesse me reçut (p. 76)	апеллятив
Попадья ввела меня в комнату... (с. 482)	La popesse me conduisit dans la chambre... (p. 76)	апеллятив
...не слушая ни отца Герасима , ни доброй жены его... (с. 482)	...sans entendu le père Guerassim ni son excellente femme (p. 76)	апеллятив
Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной . (с. 482)	Je fis mes adieux au pope et à Akouline Pamphilovna ... (p. 76)	апеллятив
«Прощайте, - говорила мне попадья , провожая меня; - прощайте, Петр Андреич . (с. 482-483)	Adieu, me dit la popesse , en me reconduisant, adieu Pierre Andréitch . (p. 76)	апеллятив
« Ваше благородие! ...» (с. 483)	Votre Noblesse! (p. 77)	апеллятив
«... Отец наш вам жалуется...» (с. 483)	Notre père vous fait cadeau... (p. 77)	апеллятив
«Вот видишь ли, сударь , - сказал старик ... (с. 484)	Tu vois bien, maître , dit le vieillard ... (p. 77)	апеллятив

Приложение № 2

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ И МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ
АНТРОПОНИМА В ТЕАТРАЛЬНОМ ФРАНКО-РУССКОМ
ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ**

Thomas R. Huit femmes. [Electronic resource] – URL: http://tlf.msk.ru/repertoire/Thomas_Huit_femmes.htm (date of treatment: 23.02.2019).

Тома Р. Восемь любящих женщин [Electronic resource] – URL: http://lib.ru/PXESY/TOMA_R/8_zhenshin.txt (date of treatment: 23.02.2019)

Robert THOMAS
«HUIT FEMMES»

Робер Тома
ВОСЕМЬ ЛЮБЯЩИХ ЖЕНЩИН

Антропоним оригинала	Антропоним перевода	Тип транспозиции
GABY, <i>la mère</i>	Габи	формальная
SUZON, <i>sa fille aînée</i>	Сюзон	формальная
CATHERINE, <i>sa fille cadette</i>	Катрин	формальная
MAMY, <i>la grand-mère</i>	Бабушка	апеллятива
AUGUSTINE, <i>sœur de Gaby</i>	Огустин	формальная
Madame CHANEL, <i>charmante dame de 50 ans.</i>	ШАНЕЛЬ	семантическая элиминирование апеллятива
LOUISE, <i>la nouvelle femme de chambre</i>	Луиза	формальная
PIERRETTE, <i>une belle femme de 35 ans</i>	Пьеретт	формальная
...apparaît Louise, <i>la bonne...</i>	...появляется Луиза...	формальная
LOUISE. Oui ! Oui ! J'ai entendu !	ЛУИЗА: Поздравляю.	формальная
de retrouver <i>ma Suzon...</i>	Моя Сюзон!	формальная
...du temps où Mademoiselle Suzon était là...	...при мадемуазель Сюзон здесь...	формальная
C'est le déjeuner de Monsieur que vous avez monté ?	Вы подали завтрак месье ?	транспозиция апеллятива
Monsieur m'a dit hier de ne pas le réveiller.	Он просил его не будить.	транспозиция апеллятива
Avertissez aussi Mamy et	Не забудьте предупредить	транспозиция

Mademoiselle Augustine.	бабушку и мадемуазель Огюстину.	апеллятива
Rassurez-vous, mademoiselle Augustine est certainement déjà au courant!	Не беспокойтесь, мадемуазель Огюстина в курсе всех событий...	транспозиция апеллятива
Mamy entre dans sa voiture.	Медленно, озираясь по сторонам, выезжает в кресле бабушка	транспозиция апеллятива
Elle est déjà là, ma bonne Chanel ?	Моя милая Шанель	апеллятив
... votre petite-fille arrive...	Ваша внучка будет здесь с минуты на минуту.	апеллятив
Ah! vous êtes gentille, vous !	Вы добрая женщина, Шанель.	семантическая (добавление)
Mais tout le monde est gentil avec vous ici !	А к вам все добры, мадам.	апеллятив
que Marcel m'ai accueillie avec ma fille Augustine...	Да, я счастлива. Марсель приютил меня и Огюстину.	формальная
La voilà ! Les chiens l'ont reconnue, ils n'ont pas aboyé...	Вот она! Сюзон приехала! Собаки ее узнали и не лают!	семантическая (добавление)
...on voit arriver Suzon	Входит Сюзон	формальная
...Ma Suzon! Ma petite-fille! Madame Chanel. Chanel ! Ma grosse Chanel !	Сюзон, внучка моя, Сюзон! Шанель, Шанель!	элиминирование
Ma Suzon, bien sûr !..	Девочка моя!	элиминирование
Gaby entre	Входит Габи.	формальная
Ton père va être heureux de te voir. Lui qui se fait tant de soucis pour toi. Il est averti, madame Chanel ?	БАБУШКА: Твой отец будет счастлив увидеть тебя. Шанель зовите его скорей.	апеллятива элиминирование
Voici Louise (...) femme de chambre.	это Луиза (...) горничная.	уподобляющая / апеллятив
Quand devrai-je réveiller Monsieur?	Может быть, мадам разрешит разбудить месье?	апеллятив
Si tu savais comme Catherine est devenue turbulente!	Если бы ты только знала, что выделывает Катрин!	формальная
C'est de son âge, maman ! Catherine , lève-toi !	СЮЗОН: Возраст, мама. Катрин! Пора вставать.	формальная

Augustine apparaît...	... появляется Огюстина	формальная
Est-ce que Catherine se lève ?	А Катрин уже встала?	формальная
Pourquoi dis-tu ça ?	Огюстина , зачем ты ей это говоришь?	формальная
Augustine ... nous ne sommes pas à plaindre. (...) Gaby nous a recueillies ici, gentiment...	Огюстина! Нам не надо жаловаться. (...) Габи нас приняла сердечно и ласково.	формальная
Grâce à ton père, Suzon (...) Grâce à Marcel ...	Благодаря твоему отцу, Сюзон . (...) Благодаря Марселю ...	формальная
SUZON, prend gentiment Augustine par le bras. Tante Augustine , ne sois pas triste. Nous t'aimons toutes ici, sans exception. Ne nous fais pas de peine.	СЮЗОН (беря Огюстину под руку): Не огорчай нас тетя . Мы все тебя очень любим.	формальная
Pardon, Gaby , ma chérie,...	Прости меня, Габи .	формальная
Madame Chanel entre...	Шанель приносит кофе.	семантическая элиминирование
Le café de Chanel se sent de loin...	Кофе Шанель! Узнаю его издали!	формальная
Comme tout le monde, mademoiselle Augustine ... (...) ...mon cadeau personnel à ma Suzon...	Как всем в доме, мадемуазель Огюстинаэто мой личный подарок моей Сюзон!	формальная
Tante , si ça te fait plaisir...	Пожалуйста, тетя!	Транспозиция апеллятива
J'aime les brioches. Merci. J'ai du chocolat dans ma chambre...	Я люблю булочки. Спасибо, Сюзон . Я сейчас принесу из своей комнаты шоколадку.	формальная
Tu sembles mieux renseignée que moi sur les soucis de Marcel , maman!	Ты, мама , кажется, знаешь дела Марселя лучше, чем я?	формальная / апеллятив
Marcel m'a conseillé d'attendre...	Марсель посоветовал мне подождать с продажей...	формальная
Catherine !	Катрин! Катрин!	формальная
VOIX DE CATHERINE	ГОЛОС КАТРИН:	формальная

Tu la voudrais neurasthenique, comme Augustine ?	А ты хочешь, чтоб она была истеричной, как Огюстина ?	формальная
Apparaît Catherine , en pyjama, Salut les mères ! Salut sister !	Появляется Катрин . Она в пижаме. Привет предкам! Привет сестренка!	формальная // апеллятив
Elle (...) se lance sur Suzon	Катрин , (...) бросается к Сюзон	формальная
Tu devrais frapper à la porte de papa ...	Постучи-ка лучше папе .	формальная
Mais je le respecte, mon père ! Nous avons de la chance, Suzon ... Notre père, c'est un héros de roman...	Папу я уважаю! Нам повезло, Сюзон! Наш отец — герой романа.	апеллятив